

К О Н С Е Р В А Т О Р N 5

К О Н Ф У Ц И Й И Д Р У Г И Е О Г У М А Н И З М Е, П Р А В Д Е И П У С Т О М Ч Е Р Д А К Е

Вообще у нас актеры не умеют лгать. Они воображают, что лгать – значит просто нести болтовню. Лгать – значит говорить ложь тоном, так близким к истине, так естественно, так наивно, как можно только говорить одну истину; и здесь-то заключается именно все комическое лжи.

Н.В. Гоголь. Отрывок из письма

Санкт-Петербург

2012

Альманах

Консерватор

Почти научное, популярное издание

Редакционная коллегия:

*Кириллов Алексей Николаевич,
Васильев Виктор Петрович
Осипов Александр Васильевич,*

редактор

издатель

ISBN 5 – 93569 – 005 – 5

© *А.В. Осипов, 2012*

© *А.Л. Неучев, «Родословная чисел», 2012*

*В оформлении обложки использована картина Ольги Васильевой
«Конфуций разговаривает с Цзы-ся» (VI,6)*

РАЗГОВОР О ГУМАНИЗМЕ, ПРАВДЕ И ПУСТОМ ЧЕРДАКЕ

*Поскакали добры молодцы,
Все семеро братьев удалых,
И подъехали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.*

А. Толстой. Правда

Ред. Итак, с чувством облегчения констатирую, что мы заканчиваем печатать «Диалоги» Конфуция. Весьма вязкое чтение. Впрочем, должен признать, что Вы проявили чудеса изобретательности, увидев в этом тексте рациональные зерна. Думаю, что сейчас уместно подвести некоторые итоги. Какие же из этих «зерен» Вы бы выделили?

В.П. Мне кажется, что в тексте много интересного, и мы далеко не все обсудили, но если Вы настаиваете, то я бы выделил все-таки тему из XIII. 3: ... *мудрый человек должен уметь правильно использовать имена в речи и слова в деле. Благородный человек не должен быть небрежен к словам.*

Ред. Да, я помню, что во втором выпуске альманаха мы говорили о ключевых и корневых образах. Пожалуй, это было разумно, хотя и нельзя сказать, чтобы слишком глубоко. Вряд ли Вы найдете даже и не слишком интеллигентного человека, который не признался бы, что нельзя быть небрежным к словам.

В.П. Но это не просто небрежность. Например, мы говорили об эффекте злоупотребления «красивыми словами» в смутное время.

Ред. И потому во всех главах сплошная «гуманность» и во всех комментариях сплошной гуманизм.

*Гуманность – вот бессильное то слово,
Что стало лозунгом для всей земли,
Им, как плащом, ничтожество любое
Старается прикрыть и неспособность,
И нежеланье подвиг совершить;
Любовь трусливо им же объясняет
Боязнь – победы ради, всем рискнуть.
Прикрывшись этим словом, с легким сердцем
Свои обеты нарушает всякий,
Кто в них раскаяться успел трусливо.
Пожалуй, скоро по рецепту мелких,
Ничтожных душ все люди превратятся
В апостолов гуманности.*

Г. Ибсен

В.П. Я с Вами согласен, слово «заезженное», но пламенная речь, которую Вы привели, принадлежит не Ибсену, а одному из его героев.

Ред. Это неважно. Главное – что я не только в значительной степени согласен с этим героем, но и нахожусь в недоумении, как это при таком обилии гуманности в Китае происходило то, что происходило. Достаточно почитать «Троецарствие». Впрочем, не только «Троецарствие» и не только в Китае. Почитаем, например, «первого гуманиста» эпохи Возрождения – Петрарку.

*Так пришел конец царям, а после настало
Лучшее время – на свет народилась наша свобода.
Пала бессменная власть тиранов пред властью годичной,
И самовластный скипетр разрублен секирой закона:
Вместо единого два державствуют консула скромных,
Коих доныне ты зришь в их равном и кратком почете.
Первый розги для нас учредил первейший зиждитель
Нашей свободы: храня с великим рвением волю,
В муках добытую, собственных чад, пособников власти
Царской, велел он пытать лозою, а после секирой
Головы им отсечь – да будет бескорбна свобода.*

Ф.Петрарка. Африка

В.П. И опять здесь речь не Петрарки, а его героя – рассказчика Лелия. Отношение Петрарки к этому историческому эпизоду достаточно хорошо просматривается. Непонятно, зачем Вам выражение «первый гуманист» ставить в кавычки.

Ред. И опять это не столь важно. Я говорю о навязчивом использовании термина «humanitas», который прекрасно сочетается с розгами, секирой, ядами и бесконечными междоусобными войнами, воспетыми Макиавелли.

В.П. Термин может нравиться или нет. Возьмите другой, если этот кажется потерявшим точный смысл от частого употребления.

Ред. Он никогда и не приобретал точного смысла. Постепенно, десятилетиями, если не столетиями, образовывался денотат этого понятия, причем искусственно. И вопрос, почему именно Петрарка стал первым, в отличие, например, от Данте, является весьма характерным. Невозможно на него ответить, поскольку нет определения. Я думаю, что в случае с переводами Конфуция этот термин является своеобразным эвфемизмом, призванным заменить слова типа «любовь», «благородство» и тому подобные, которыми откровенно злоупотребляют, и от этого они мало что обозначают.

В.П. Злоупотребляют всеми «хорошими словами». Что же теперь их и не употреблять вовсе?

Ред. Не знаю. Не по себе мне как-то становится, как только слышу призывы к свободе, правде или демократии.

Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба ... (1Фесс.5:3)

Впрочем, точно также, когда я вижу красивого начальника, который рубит: «обвала не будет», я чувствую, что надо готовиться к худшему.

Однако, возвращаясь к Конфуцию. Посмотрел я тут новый китайский фильм о нем. Очень красивый. Каждые пять минут про ритуал и гуманизм. На правителей и рядовых китайцев, героев фильма, тезис о важности ритуала и гу-

манизма подействовал как открытие нового мира, как теория Коперника на европейцев, как полет человека в космос. Миллионы китайцев до Конфуция напрягались в темноте и невежестве, не зная, что нужно следовать идеалам гуманизма.

В.П. Зачем Вы так? Создатели фильма не предполагали излагать основы социологии. Фильм не о деталях учения, а о жизни ученого.

Ред. Здесь не о деталях, там не о деталях. Так в чем же само учение? Начинается фильм с трогательно–сентиментальной истории о том, как Конфуций благодаря своему остроумию и гуманности спас подростка, которого должны были заживо похоронить вместе с его господином. Во-первых, я не верю в причитания историков, доказывающих, какими невежественными, суеверными и негуманными были далекие предки. Во-вторых, если это не основы социологии, а просто особенности того или иного исторического периода, изображение исторических реалий, то чем и зачем мы на протяжении нескольких выпусков мучаем читателя?

В.П. Я рассматриваю «Диалоги» как некоторое изложение основ социологии, если Вам удобно использовать этот термин. Исторические реалии составляют фон. Изложение материала в виде лаконичных диалогов или реплик, многослойность формул, повторяемость основных тезисов с вариациями, кажущееся отсутствие структуры – все это составляет стиль трактата. Но главное все-таки – не фон и не стиль, а сами формулы, законы и свойства людей, которые справедливы во все времена, независимо от места, формы государственности и «достижений цивилизации». Есть времена, а есть неизменные законы.

Ред. И все-таки я чувствую солидарность с Верой Ростовою.

– Но в наше время, – продолжала она, упоминая о нашем времени, как вообще любят упоминать ограниченные люди, полагающие, что они нашли и оценили особенности нашего времени и что свойства людей изменяются с временем, – в наше время ...

Л.Толстой. Война и мир

Будучи человеком ограниченным, я не могу представить себе мудреца, который не меняется со временем. Что он, не стареет, что ли?

В.П. Наверное, речь идет не столько о мудреце, сколько о мудрости.

Ред. И разве нет особенностей времени? Есть время, когда снег становится рыхлым и липким и вы можете лепить снеговика. Есть время, когда снег пушистый и сухой и ничего из него не вылепишь. И свойства людей меняются, как меняется снег. Есть время, когда пяти хлебов достаточно, чтобы накормить тысячи, и время, когда и голода-то нет, а народ стоит в очереди за подачками.

В.П. Ну, пока Вы говорите вещи, с которыми я безусловно согласен. И эпизод с пятью хлебами я считаю ключевым для нашего разговора. Я представляю себе этот эпизод так: множество людей собрались в конце недели на пару дней за город. На озеро или в горы. Отправились семьями, с женами и детьми. Разве они не запасутся провизией? В другое время каждый ел бы свое, а тут кто-то первый расстелил свой плащ и положил на него несколько хлебов. Увидев это, вынул свои запасы другой, третий, четвертый. И если путешественники не соревнуются в еде, а думают о том, чтобы никто не остался голодным, то и все насытятся и еще много останется.

Вот все, что я имею! – продолжал он, бросив на Лобное место большой мешок, наполненный серебряной монетою, – и пусть выступит желающий купить мой дом – с сего часа он принадлежит не мне, а Нижнему-Новгороду, а я сам, мы все, вся кровь наша – земскому делу и всей земле русской!

М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или Русские в 1812 году

Ред. Разве нет особенностей времени?

В.П. Но Лев Толстой и не утверждает, что их нет. Он иронизирует над тем, что люди считают, что они могут понять и осознать эти особенности.

Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти ... (Деян.1:7).

Ред. Я думаю, что эта цитата про другое.

В.П. Вы ведь не властны изменить погоду, вызвать дождь.

Ред. Но предугадать могу. И силу дождя, и направление ветра.

В.П. Пожалуй, пример неудачный. Но в социальной сфере всё не так просто. Здесь время – как квантовое состояние. Общество может находиться в одном состоянии или в другом ...

Ред. Давайте закончим с этим. И времена меняются, и свойства людей меняются со временем. Еще как!

В.П. Вы правильно говорите, но я не это имел в виду. Я думаю, что здесь как, например, в архитектуре. Есть место, где строится здание, и материал, из которого оно строится. Есть стиль, готический, например, или барокко. Но есть и законы архитектуры, которые не зависят от стиля или места. Или, например, в физике. Можно придумать много законов, но есть три закона Ньютона и закон всемирного тяготения, и они определяют всю классическую физику.

Снег может быть рыхлым или пушистым, но все-таки это вода, которая находится в определенном состоянии, и законы физики и химии определяют «поведение» этой воды.

Ред. Точно так же, как и всемирный треск про гуманизм определяет все конфуцианское учение. Откройте любую книжку о конфуцианстве, и вы получите подробнейший исторический обзор. В каком-нибудь учебнике по физике, где излагаются законы Ньютона, есть рассказы о Карле II или Людовике XIV? Почему так происходит? Потому, что писать больше нечего!

В.П. И, тем не менее, например в (I. 2) сказано:

*Совершенный муж сосредоточивает свои силы на основах;
коль скоро положены основы, то являются и законы для деятельности.*

Ред. Да нет никаких законов, кроме иллюзорных и умозрительных банальностей или бессмысленностей! Стиль есть, не спорю. Китайское барокко: *Только гуманист может и любить людей и ненавидеть их (IV. 3)*. Если у этого героя есть промежуточное состояние, то чем он отличается от обычных людей? Если нет, то гуманист просто чеховская хохлушка, которая умела только плакать или смеяться. Если имеется в виду, что он любит и ненавидит одновременно, то это просто героиня романтических голливудских сериалов. Во всяком случае, я согласен с академиком Алексеевым.

Среди каждодневных записок В. М. Алексеева: «В тысячный раз спрашиваю себя: что Конфуций разумел под айжэньством («ай жэнь» — любовь к людям. — Лев Эйдлин)? Слово «человеколюбие» звучит только комично. По всему видно, что он именно не любил людей, презирал их, и его «жэнь» — суровый отбор некоторых».

Алексеев В.М. Китайская литература

В.П. Здесь, по-видимому, имелось в виду правило апостола Павла: любить людей и ненавидеть зло.

Ред. Это Ваше правило, а не апостола Павла. Я говорю о бессмысленности, об отсутствии даже элементарного здравого смысла, что стало правилом в среде гуманистов-интерпретаторов Конфуция. Вот яркий пример:

На вопрос Цзы-гуна, в чем состоит управление, Конфуций отвечал: В довольстве пищи, в достаточности военных сил и в верности народа.

Цзы-гун сказал: но если бы предстояла неизбежная необходимость исключить одну из этих трех статей, то какую исключить прежде? Военную часть, отвечал Конфуций. Цзы-гун сказал: а если бы правительство вынуждено было пожертвовать одной из этих двух, то какую прежде? Пищею, сказал Конфуций, потому что смерть всегда была общим уделом, а без доверия народа правительство не может стоять. (XII:7).

Это перевод Попова. Беру любой другой перевод, везде одно и то же: исключить военную часть ради пищи и псевдодоверия. Вот и объясните мне: какое такое доверие может вызвать правительство, которое не может защитить себя и народ?

Положим, наша история для мудрых конфуциеведов не поучительна. Но ведь есть императрица Цы Си, которая потратила на Летний дворец деньги, выделенные для военно-морского флота Китая.

А как я должен относиться к терракотовому императору, который как раз и делал то, как пишут, о чем просил Конфуций, то есть отобрал у населения оружие, объединил Китай, начал строительство Великой китайской стены и при этом казнил несколько десятков конфуцианцев, закопав их заживо.

В.П. Я с Вами в общем-то согласен. Быть может, надо в переводе слово «исключить» заменить на слово «выделить».

Ред. То есть как?! Взять один иероглиф и заменить на другой, ровно противоположный по смыслу?

В.П. Тут, по-видимому, дело не в иероглифах, а в том, что в любом языке понятие «исключить» будет раздваиваться и присоединяться к понятию «выделить».

Ред. В удивительном стиле, с использованием иероглифов как наперстков, конфуциеведы-софисты ищут истину, не зная, как она выглядит.

В.П. И все-таки ищут, в отличие от критиков, которые постоянно над этим иронизируют, выдергивая отдельные фразы из общего контекста.

Но хоть с доверием-то Вы согласны? Ведь «капитал есть не золото, а доверие». Так, по-моему, утверждал наш издатель, ссылаясь на Менделеева, а Вы соглашались с Вашим собеседником?

Ред. На все сто!

- Тебя лечили в Варшаве, когда ты заболел?
- Генерал Ден присылал ко мне своего доктора.
- И что же, он тебе не помог?
- Мне нельзя помочь, потому что я потерял...
- Да, да, я знаю, – перебил государь, – ты потерял доверие к людям... Но ты не робей: этим самым отчасти страдаю и я...
- Ваше величество, в вашем положении это еще ужаснее!
- Что, братец, делать! Но я, однако, терплю. Я бы тебе посоветовал искать утешение в религии. Ты молишься богу?

Н.С. Лесков. Инженеры бессребреники.

Мне кажется, что конфуциеведам еще можно было бы помочь, если бы они навели порядок в своем иероглифическом царстве.

В.П. Эти темы очень трудно структурировать. Да и непонятно – нужно ли. Возьмите любую книгу из «золотого фонда»: «Размышления» Марка Аврелия или «Мысли» Паскаля – везде критики пишут о незаконченном труде, о том, что автор не успел «упорядочить» и т.п., как будто мы познаем мир каким-то «упорядоченным образом».

Ред. Но я говорил не столько об отсутствии порядка, хотя это тоже меня огорчает, сколько об отсутствии здравого смысла.

В.П. Что Вы называете «здравым смыслом»? Можно и из здравого смысла сделать фетиш.

Ред. Можно. А можно уважение к мудрости подменить бессмысленным краснобайством.

До нас дошел senatus consult 161 года в его точной редакции, выраженный прекрасным твердым и не допускающим возражения, не оставляющим никакой неясности языком:

В консульство Г. Фанния Страбона и М. Валерия Мессалы М. Помпоний претор созывал в совещание сенат. Был сделан доклад о философах и риторгах. Об этом деле так постановили: прилагать заботу и старание М. Помпонию претору о том, чтобы, как находит он то в интересе государства и своего долга, философов и риторгов в Риме не было.

Юлиан Козловский. Поэма Лукреция «О природе». Киев. 1887

В.П. Думаю, что у Вас и у римского сената немало найдется последователей.

Ред. Прежде всего среди конфуцианцев, которые утверждают, что краснобай губят государство и что чужеродные учения вредны. Подсунули стране полтора-ста лет назад ветхозаветного троянского коня, а теперь конфуцианскую лошадь, хромую и на ноги, и на голову. Хотите верхом на этой лошади отыскать истину, которую никогда не видели и даже не знаете, как она выглядит. Чтобы вы поняли, чем это обычно заканчивается, я расскажу детскую байку.

Правда. Сибирская сказка

Деревня. Вечереет. Прохладно и сыро. По дороге бредет пожилая некрасивая женщина, расстрепанная, в одеянии, сшитом из плохо подогнанных ку-

сочков рогожи. Останавливается у дома побольше и стучится в окно.

— *Пустите переночевать.*

— *А кто ты такая, чтобы тебя пускать? Ты чья?*

— *Ничья.*

— *А зовут-то хоть как?*

— *Правда.*

В доме на мгновение все смолкло, а затем засуетилось. Зажегся свет, вышел на крыльцо сам хозяин, приглашает дорогую гостью в горницу, сажает в красный угол.

Откуда-то взялись пироги, из погреба грибочки, огурчики. По всему видно, что любят в этом доме Правду. Закусили. Отогрелась гостья, как будто симпатичней стала. Стали ее расспрашивать — что, да как.

Разговорилась Правда, все домашние слушают — перебит боятся, уважают, стало быть. Только дед на печи побряхтывает, да волосы из бороды выщипывает. Бабка бочком, бочком да на двор, глаза заплаканные.

Дошло дело до хозяина с хозяйкой. Хозяин за топор, хозяйка за ухват. Дети присмирели, сна ни в одном глазу. Хозяин первый опомнился, схватил полушубок, надел на гостью: иди, иди к соседям, они тебе рады будут.

Мораль: так и не успела гостья ничего про детей рассказать.

Вот так и получается, как описал Алексей Толстой: как только начинают правду искать, то и передерутся, да и без толку. Только народ попортят, да страну разорят. Впрочем, почему только Алексей Толстой.

Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные.

Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание

А Вы говорите, что невозможно осознать особенности времени.

В.П. Да, конечно. Эти трихины человека, «нашедшего истину», появляются у Достоевского и в небольшой повести «Сон смешного человека», в которой главный герой заражает ими население целой планеты.

*Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелие, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут – мор, голод и война.
Вятель душ, воззвавший к жизни племя*

*Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчественною тоской объят,
Ты говорил, томимый нашей жаждой,
Что мир спасется красотой, что каждый
За всех во всем пред всеми виноват.*

М. Волошин. 10 декабря 1917. <Коктебель>

Конечно, есть особенности времени. Я бы даже сказал, что есть «спектр времени». Но люди видят его лишь частично, да и то на разных частотах. Этот спектр невозможно охарактеризовать рационально, систематически излагая исторические факты. Это как ясное с виду небо, но в нем множество воздушных течений, магнитные поля, разное атмосферное давление из-за разного прогрева воздуха солнечными лучами и так далее. Даже смерчи, которые появляются вроде бы на ровном месте. Красивое явление и загадочное. Вращающаяся воронка, которая как будто живет самостоятельно. Откуда берется у нее энергия? Есть много описаний таких явлений, но объяснений нет. Так и в обществе. Вдруг появляются какие-то вихри. А иногда и ощущение приближающейся грозы. Описать такие явления может только художник. И то лишь частично.

Ред. Ваши метеорологические аллегории интересны, но я не Лукреций и не смогу Вам помочь. Мы отклонились от темы.

В.П. Я хотел лишь отчасти объяснить, почему используются выражения «небесные силы», «духи на небе» и тому подобные. Я попробую вернуться и начать с другой стороны. Есть обычные слова, не только глаголы, но и существительные, употребление которых бессмысленно без уточнения. Они обуславливают употребление другого слова в определенном падеже. Например, мы не говорим просто «возможность», а всегда уточняем, возможность чего. Но если мы используем такие слова, как «правда», «мир», «свобода» без уточнения, то, значит, мы поднимаем эти слова на самую высокую ступень, когда они уже имеют сакральный смысл. Верующие люди говорят, что эти слова являются как бы именами Бога. То есть, употребляя их в самом возвышенном смысле, мы как бы обращаемся к Богу.

Ред. Не думаю, что читателей «Консерватора» устроит такое объяснение.

В.П. Что делать, другого у меня нет.

Ред. То есть истина во Христе.

В.П. В некотором смысле это так.

Ред. И Вы в этом уверены?!

В.П. Да, конечно.

Ред. И при этом Вы не считаете себя зараженным!

В.П. Почему? Я ведь не утверждаю, что знаю истину. Я лишь утверждаю, что узнать истину – все равно что узнать Бога, а это невозможно. Можно лишь стремиться к этому, а для этого нужно полюбить Бога. Без любви нет истины.

Ред. И Вы в этом уверены?!

В.П. Да, конечно.

Ред. И при этом Вы не считаете себя зараженным?

В.П. Нет, не считаю.

Ред. Так мы далеко уйдем. Впрочем, уже и ушли. Я должен привести хорошо известное изречение.

Кто начинает с того, что любит христианство больше, чем истину, кончит тем, что полюбит свою собственную секту или церковь больше, чем христианство, и наконец – самого себя больше, чем все остальное.

Сэмюэл Тейлор Кольридж

В.П. Я не понял, к чему Вы это вспомнили.

Ред. Я это вспомнил к тому, что Лев Толстой использовал это изречение в одной из своих филиппик в качестве эпиграфа.

В.П. Лев Толстой был последовательным человеком. Но он не признавал за христианством божественной сущности. Для него христианство и было сектой. Но для христиан это звучит ужасно.

Ред. То есть христиане любят христианство больше, чем истину, и не видят в этом ничего дурного?

В.П. Нельзя любить христианство больше или меньше. Или так же. Нельзя отделять одно от другого.

Все мы знаем: в рассуждениях есть логика, но нет истины. Как изоциренны были мои доказательства, как весомы доводы, но мои противники не строились с места. «Да, конечно, ты прав, – услышал я в ответ, – но все-таки мы думаем по-другому». – «Тупицы!» – можно сказать о них. «Нет, мудрецы!» – не соглашусь я. Они чтут истину, которая не в словах.

Сент-Экзюпери. Цитадель

Ред. Но возвращаясь к Конфуцию. Он-то, бедный, каким боком затесался в наш величественный разговор про Истину и Бога?

В.П. Я думаю, что и Конфуций без Бога не мог обойтись. Если человек ищет истину, то в той или иной форме ему придется использовать это понятие.

Ред. Например?

В.П. Например:

Колышатся и перевертываются цветы груши. Разве я не думаю о тебе; (думаю) да дом далеко. Конфуций сказал: Не думаешь, а то что за даль! (IX. 30).

Ред. Сентиментальный пассаж. Ну и что? Один человек думает о другом.

В.П. Все-таки если один человек думает о другом, то вряд ли кто-то скажет: «а то что за даль!» Наоборот, будет сочувствовать. Но если мы внимательно отнесемся к тому, что все основные тезисы повторяются с некоторыми вариациями, то легко найдем параллельный:

Философ сказал: Далеко ли от нас гуманность. (Нет)

Когда мы хотим ее, то она у нас под руками. (VII. 29)

Ред. Опять гуманность!

В.П. Потому, что Бог есть любовь. А когда обращаемся к Богу, то он рядом.

Ред. Почему «груши»? Если я Вас правильно понял, то такие вещи случайными не бывают. В других переводах я читал «сливы».

В.П. Здесь двойной смысл. Груша по-китайски «ли», и представляющий её иероглиф обозначает также очень мощную философскую категорию. В энциклопедическом словаре «Китайская философия» этому понятию посвящена целая страница. И там, в частности, написано: «У Мо Ди понятие «ли» связано с понятием «гу» («причина») и означает разумное основание для действий человека, а также правила различения истины и не истины. Поздние моисты трактовали «ли» как свод правил логического обоснования отношений понятий и действительности, Мэн Кэ употреблял «ли» как этическое понятие – критерий, правило, основание нравственности».

Мне кажется, что начало стиха указывает на печаль, смущение, на то, что колеблются некоторые основы.

Ред. Ничего не понял, кроме того, что Вам все время что-то «кажется».

В.П. Но ведь это китайский язык, наполненный символами и образами. И не просто китайский, а древнекитайский. Даже у Шекспира не все понятно, хотя и прошло всего лишь четыреста лет. И в «Слове о полку Игореве» много загадок. А тут две с половиной тысячи лет! И, тем не менее, даже не в этом дело. А в том, что Конфуций не ответы дает, а задает загадки.

Философ сказал: Неретивых я не просвещаю, не сгорающим нетерпением получить разъяснения не объясняю и своих уроков не повторяю тем, которые (по одному приподнятому углу не отгадывают 3-х остальных – не выведут соответствующего заключения) на основании одной, сообщенной им о предмете, идеи, не в состоянии обнять остальных его сторон (VII. 8).

Его образы иногда многозначны, и интересно искать разные объяснения. Можно использовать и другой образ – расцвел миндаль. Миндаль ведь из того же рода слив. Быть может, в буквальном смысле это и неправильно, но соблазнительно, поскольку с миндалем связаны многие ассоциации.

*Говорят, что любовь на земле
Нам и горе приносит, и радость,
В ней соседствуют, как в миндале,
Горечь сладкая, горькая сладость... (О. Хайям)*

А может быть, здесь другая цепочка аналогий или аллегорий: поиск истины ассоциируется с мудростью, а мудрость ассоциируется с печалью и со старостью. Раньше говорили: «расцвел миндаль».

... и высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы ... (Еккл.12:5)

Ред. Грустно и даже печально. Совсем как у Ивана Ивановича Козлова в стиле Петрарки: «Тоскуя о подруге милой Иль, может быть, лишен детей, Осиротелый и унылый, Поет и стонет соловей». Впрочем, первый гуманист писал и другое:

Несчастные! К чему вы вечно надрываетесь понапрасну и бессмысленными тонкостями изнуряете свой ум? К чему, забывая самые вещи, вы стареете над словами и с седеющими волосами и морщинистым лбом занимаетесь ребяческим вздором? Пусть бы, по крайней мере, ваше безумие вредило только вам самим, а не калечило так часто благородные умы молодежи!

Ф. Петрарка. Книга о презрении к миру

В.П. Использование в речи слов «истина» или «правда», понимаемых в самом возвышенном смысле, подчиняется тем же законам, что и использование верующими слова «Бог». Нельзя говорить, например, «я знаю Бога», но можно стремиться познать Бога. Нельзя говорить «преподавать нужно правду», ибо никто из смертных не знает правды, но нужно говорить «нельзя лгать» или «нельзя лжесвидетельствовать».

Можно вспомнить Данте («Мы истину, похожую на ложь, Должны хранить сомкнутыми устами») или Петрарку («Нередко устами, привычными ко лжи, глаголет истина и, не давай ей веры говорящий, сама заставит перед собою склониться».) Можно вспомнить, что кто мнит себя впереди, останется сзади. И, наконец, евангельское «подставь щеку». Это так характерно для сегодняшнего времени, когда двое спорят и при этом один ставит себе задачу выиграть спор, пусть даже и не вполне корректными способами, а второй вынужден терпеть, поскольку хотел бы довести свою мысль до слушателя.

Ред. Да ладно, извините, что я так непосредственно реагирую. Но Вашего же гуманиста цитирую. Ничего личного.

В.П. То есть как ничего личного?! «Ребяческий вздор», «ваше безумие» – это означает «ничего личного»? К тому же это опять не Петрарка, а его герой.

Ред. Еще раз прошу прощения, я сформулирую более аккуратно.

Но Катон с самого начала смотрел с неудовольствием на проникновение философии в Рим, опасаясь, как бы юношество, обратив свои стремления на славу слова, не возлюбили ее более, нежели ту, что дают государственные дела и военная служба...

Плутарх. Cato major. Cap. 22

Что у нас, в порядке государство, чтобы баловать себя развесистыми грушами? Все у нас в порядке с армией, промышленностью, образованием? Или нет – пользуясь Вашими гидрометеорологическими аллегориями – двух смерчей, вихрей, воронок, которые всасывают население, опустошая страну? Или на нас не обрушиваются одна за другой реформы под общим девизом «шок, трепет и недоумение»? Что мне философия, это пугало для аспирантов?! Уводит в водоворот слов, предлагает изучать дым, который, быть может, когда-то был огнем, который грел, а теперь образует в вашем небе разнообразные картинки, существующие сами по себе и не имеющие никакого отношения к окружающему миру. Что мне

с того, что «поздние моисты трактовали «ли» как свод правил логического обоснования отношений понятий и действительности». Что это? Что мне стало понятнее? Что я, болен на голову, что ли, что Вы мне объясняете, что слуга должен оставаться слугой, а трамвай – трамваем? Что благородный человек не сосуд в храме предков?

Единственный смысл консерватизма видите только в том, что власть принадлежит Богу и, следовательно, охраняема. Не я, а вы с издателем дали политическое название альманаху, а теперь вместо обсуждения реальных государственных дел предлагаете молиться Богу, непонятно только какому и как.

В.П. Не так важно, как молиться, важно молиться.

Ред. Это в вашем стиле.

В.П. Не только в моем. Молились и наши предки, а Вы сами говорили, что они дураками не были. Делали это зачем-то. И всякая власть, конечно, от Бога. И Вы знаете это не хуже меня. Это аксиома.

Ред. Хороша аксиома. Не уважаю. Ленивы, алчны и пред престолом криводушны. *На пышных картонных престолах Сидят мишурные цари.*

В.П. Мы говорим о разных вещах.

Ред. О каких таких разных вещах? Апостол Павел. Письмо римлянам. *«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены».*

В.П. Слово власть многогранно. Это и влияние, и сила, и авторитет, и воля. Есть множество и других оттенков. Например, вы обращаетесь к ребенку, упрекая его, что он плохо учится: «Тебе дана такая голова, а ты не можешь даже выучить таблицу неправильных глаголов. Вы смотрите на подростка и говорите ему «Такой силач, а обижаешь слабых, нехорошо». Есть власть силы, есть власть авторитета, есть власть красоты, есть власть имени, есть власть положения. Они даны от Бога, и большим грехом перед Богом является использование этой власти во зло. И не использовать власть, когда это нужно, нехорошо, и «придуриваться», играть под «простачка», делая вид, что вам непонятно, – тоже нехорошо. Грех это. И письмо апостола по поводу конкретному написано. И по поводу трамвая несложно догадаться, что речь идет о той же проблеме использования слов, когда вы меняете значения. И наука «экономика» должна соответствовать тому имени, которым она обозначена, и философия должна быть любовью к мудрости, а не к игре слов, и многое другое следовало бы «поставить на свое место».

Что касается благородного человека, то возьмите Библию, и в ней Вы найдете множество образов, связанных со словом «сосуд».

А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого? (Рим.9:20-21)

Есть выражение «сосуд нечистот» и подобные ему, но Конфуций утверждает, что невозможно определить понятие благородного человека через простую совокупность «благородных» черт – мужественность, смелость, честность и так далее.

Ред. А я прочитал другое: Почтительность, великодушие, искренность, сметливость и доброта (XVII. 6).

В.П. И все-таки это не просто набор качеств. Кстати говоря, это относится не только к чертам характера, но, например, и к памяти человека, которая не является просто сосудом, в который складываются воспоминания.

Ред. Один сосуд для низкого употребления, а другой для почетного. Оба сосуда.

В.П. Да, но один из них обладает волей. И, следовательно, должен стремиться к дисциплине своего ума.

Ред. И стараться не захламлять свою голову, как это советует Шерлок Холмс.

Человеческий мозг — это пустой чердак, куда можно набить все, что угодно. Дурак так и делает: тащит туда нужное и ненужное. И наконец наступает момент, когда самую необходимую вещь туда уже не за-тихнешь. Или она запрятана так далеко, что ее не достанешь. Я делаю по-другому. В моем чердаке только необходимые мне инструменты. Их много, но они в идеальном порядке и всегда под рукой. А лишнего хлама мне не нужно.

В.П. И пытаться осознать используемые слова и формулы.

Ред. Я надеюсь, что читатель так и будет поступать, если, конечно, дочитает наш разговор до конца. Но моя воля устала и потеряла способность сопротивляться. Думаю, что лучше на этом прерваться.

В.П. Хорошо, закончим.

THE SAYINGS OF CONFUCIUS

Translated by Leonard A. Lyall

Изречения **КОНФУЦИЯ**, учеников его и других лиц

перевел П.С. Попов.

BOOK XVII

1. Yang Huo {The all-powerful, unscrupulous minister of the Chi} wished to see Confucius. Confucius did not go to see him. He sent Confucius a sucking pig. Confucius chose a time when he was out, and went to thank. They met on the road.

He said to Confucius, Come, let us speak together. To cherish a gem, and undo the kingdom, can that be called love?

It cannot, said Confucius.

To love office, and miss the hour again and again, can that be called wisdom?

It cannot, said Confucius.

The days and months go by; the years do not wait for us.

True, said Confucius; I must take office.

Ян-хо хотел видеть Конфуция. Конфуций не являлся к нему. Тогда Хо послал ему поросенка. Конфуций, улучив время, когда Хо не было дома, отправился к нему с визитом и встретился с ним на дороге. Тогда Хо, обратившись к Конфуцию, сказал: Поди сюда, я с тобой поговорю и (вслед за тем) сказал ему: Можно ли назвать гуманным того, кто скрывает свою драгоценность и тем оставляет в смутном положении государство? Нельзя, был ответ. Можно ли назвать умным того, кто, любя действовать (на пользу человечества), неоднократно упускал время? Дни и месяцы уходят безвозвратно, годы не ждут нас, продолжал Ян-хо. Конфуций сказал: Верно. Я поступлю на службу.

2. The Master said, Men are near to each other by nature; the lives they lead sunder them.

Философ сказал: По натуре люди близки между собою, но по привычкам далеки.

3. The Master said, Only the wisest and stupidest of men never change.

Философ сказал: только высшее знание и высшая глупость пребывают неизменными (конечно как две крайности, как два противоположных полюса).

4. As the Master came to Wu-ch'eng {A very small town, of which the disciple Tzu-yu was governor} he heard sounds of lute and song.

Why use an ox-knife to kill a fowl? said the Master, with a pleased smile.

Tzu-yu answered, Master, once I heard you say, A gentleman that has learnt the Way loves men; small folk that have learnt the Way are easy to rule.

My two-three boys, said the Master, what Yen {Tzu-lu} says is true. I spake before in play.

Философ, прибыв в У-чэн и услышав звуки музыки и пения, с улыбкою сказал: Чтобы резать курицу зачем употреблять нож, которым режут быков? Цзы-ю сказал ему в ответ: В прежнее время я слышал от тебя учитель следующее: Человек, занимающий высокое положение, если он изучил нравственный закон, то любит людей; человек же, занимающий скромное положение, когда он изучал нравственный закон, то (высшему) легче им распоряжаться. Тогда философ сказал: Ученики мои, слова Яня верны и прежние слова мои были шуткою.

5. Kung-shan Fu-jao {Steward of the Chi, and a confederate of Yang Huo} held Pi in rebellion. He called the Master, who wished to go.

Tzu-lu said in displeasure, This cannot be! why must ye go to Kung-shan?

The Master said, He calls me, and would that be all? Could I not make an Eastern Chou {A kingdom in the east to match Chou in the west, the home of King Wen and Wu} of him that uses me?

Гун-шань Фу-жао взбунтовался в городе Ми и призывал к себе Философа, который хотел отправиться к нему. Цзы-лу, недовольный этим, сказал: Не ходи и только. Что за надобность идти к Гун-шаню? Философ сказал: Он зовет меня разве попусту? Если употребит меня в дело, то и я могу создать Восточное Чжоу.

6. Tzu-chang asked Confucius what is love.

Confucius said, Love is to mete out five things to all below heaven.

May I ask what they are?

Modesty and bounty, said Confucius, truth, earnestness and kindness. Modesty escapes insult: bounty wins the many; truth gain men's trust; earnestness brings success; and kindness is enough to make men work.

Цзы-чжан спросил относительно гуманности. Конфуций сказал: Кто в состоянии исполнить 5 (требований), тот будет гуманным повсюду. Позволю спросить, что это такое? Конфуций сказал: Почтительность, вели-

кодушие, искренность, сметливость и доброта. Если человек почтителен, то он не подвергается пренебрежению, если человек великодушен, то он привлекает к себе всех, если он честен, то люди полагаются на него, если он сметлив (умен), то он будет иметь заслуги (успех), если он милостив, то в состоянии будет распоряжаться людьми.

7. Pi Hsi called the Master, who wished to go.

Tzu-lu said, Master, I heard you say once, To men whose own life is evil, no gentleman will go. Pi Hsi holds Chung-mou in rebellion; how could ye go to him, Sir?

Yes, I said so, answered the Master. But is not a thing called hard that cannot be ground thin; white, if steeping will not turn it black? And am I a gourd? Can I hang without eating?

Би-си звал Конфуция к себе, и философ хотел отправиться к нему. Тогда Цзы-лу сказал ему: Прежде я слышал, как ты учитель говорил, что благородный муж не вступает в сообщество с теми людьми, которые сами лично делают себе зло. Би-си возмутился и держит Чжун-моу. Как же это так, что ты отправишься туда? Правда, сказал Философ, были такие слова, но не говорил ли я, что крепкий (предмет) не стачивается? Не говорил ли я, что белое, погруженное в черную краску, не делается черным? Что я за тыква горлянка? Как можно привязать меня так, чтобы люди не старались съесть меня (воспользоваться мною)?

8. The Master said, Hast thou heard the six words, Yu, {Tzu-lu} and the six they sink into?

He answered, No.

Sit down, and I shall tell thee. The thirst for love, without love of learning, sinks into simpleness. Love of knowledge, without love of learning, sinks into vanity. Love of truth, without love of learning, sinks into cruelty. Love of straightness, without love of learning, sinks into rudeness. Love of daring, without love of learning, sinks into turbulence. Love of strength, without love of learning, sinks into oddity.

Философ сказал: Ю, слышал ли ты, что такое 6 слов и (соединенные с ними) 6 недостатков. Нет, был ответ. Ну, постой, я объясню тебе: Питать любовь к гуманности и не учиться – недостатком этого будет глупость (простота); питать любовь к знанию и не любить учиться – недостатком этого будет шаткость (беспочвенность); питать любовь к честности и не любить учиться – недостатком этого будет нанесение вреда людям; любить прямоту и не любить учиться – недостатком этого будет горячность; любить мужество и не любить учиться – недостатком этого будет возмущение; любить твердость и не учиться – недостатком этого будет сумасбродство.

9. The Master said, My little children, why do ye not learn poetry? Poetry would ripen you; teach you insight, friendliness and forbearance; show you how

to serve your father at home and your lord abroad; and it would teach you the names of many birds and beasts, plants and trees.

Философ сказал: Ученики, (дети) почему не изучаете книги стихотворений? Ведь она может воодушевлять, может служить для того, чтобы видеть свои достоинства и недостатки, может делать человека общительным, может вызывать (законное) негодование; в семье – научать служить отцу, в государстве – государю; из неё вы узнаете множество названий птиц, животных, деревьев и растений!

10. The Master said to Po-yü, {His son} Hast thou done the Chou-nan and Shao-nan {The first two books of The Book of Poetry}? He that has not done the Chou-nan and Shao-nan is like a man standing with his face to the wall.

Философ, обратясь к Бо-юй'ю (сыну) сказал: Усвоил ли ты Чжоу-нань и Шао-нань. Если человек не усвоил их, то не походит ли он на того, кто стоит, приткнувшись (прямо) лицом к стене?

11. The Master said, 'Courtesy, courtesy,' is the cry; but are jade and silk the whole of courtesy? 'Music, music,' is the cry; but are bells and drums the whole of music?

Философ сказал: Церемонии, говорят, да церемонии! А разве под ними разумеются только подарки (яшмы и шелка)? Музыка, говорят, да музыка! А разве под нею разумеются только музыкальные инструменты (колокола и барабаны)?

12. The Master said, Fierce looks and weakness within are like the small man, like the thief that breaks through or clammers over a wall.

Философ сказал: Строгого по наружности и слабого в душе можно сравнить с человеком из простого класса (?); не походит ли он на вора, который проделывает отверстие в стене или перелезает через нее (объятый вечной боязнью и страхом быть открытым и пойманным).

13. The Master said, The plain townsman is the bane of mind.

Философ сказал: Деревенский смиренник – враг добродетели.

14. The Master said, To tell unto the dust the all that we hear upon the way is to lay waste the mind.

Философ сказал: Уличные (придорожные) слухи и рассказы – это поругание добродетели. Другой перевод: Слышать на дороге и пересказывать на дороге – это значит бросать добродетель.

15. The Master said, How can we serve the king with a low fellow, who is itching to get what he wants and trembling to lose what he has? This trembling to lose what he has may lead him anywhere.

Философ сказал: С низким человеком можно ли служить государю? Когда он не достиг желаемого, то заботится о достижении его, а когда достигнет, боится как бы не потерять; а при боязни потерять, он готов на все (т. е. на всякую подлость и преступление).

16. The Master said, Men of old had three failings, which have, perhaps, died out to-day. Ambitious men of old were not nice; now they are unprincipled. Stern men of old were hard; now they are quarrelsome. Ignorant men of old were straight; now they are false. That is all.

В древности люди имели три недостатка, которых ныне, пожалуй, и нет. Древние сумасброды были своевольны в мелочах, а нынешние отличаются полной разнузданностью; прежде строгие люди отличались суровостью, а ныне отличаются злобою и гневом; прежние простаки отличались прямою, а нынешние – ложью.

17. The Master said, Smooth words and fawning looks are seldom found with love.

Философ сказал: Хитрые речи и притворная наружность редко соединяются с гуманностью.

18. The Master said, I hate the ousting of scarlet by purple. I hate the strains of Cheng, confounders of sweet music. I hate a sharp tongue, the ruin of kingdom and home.

Философ сказал: Я не люблю фиолетовый цвет, потому что он затмевает красный; не люблю Чжэн'ский напев (сладострастный), потому что он нарушает истинную музыку; не люблю говорунов, ибо они губят государство.

19. The Master said: I wish no word were spoken!
Tzu-kung said, Sir, if ye said no word, what could your little children write?
The Master said, What are the words of Heaven? The four seasons pass, the hundred things bear life. What are the words of Heaven?

Философ сказал: Я хочу перестать говорить. На это Цзы-гун сказал: Если вы не будете говорить, то что же будут передавать Ваши ученики? Философ сказал: Говорит ли что-нибудь небо? А между тем, времена года сменяются и твари рождаются. Говорит ли что-нибудь небо?

20. Ju Pei wished to see Confucius. Confucius pleaded sickness; but, as the messenger left his door, he took a lute and sang, so the messenger should hear.

Жу-бэй хотел представиться Конфуцию. Конфуций отказался под предлогом болезни; но лишь только посланный вышел из дверей, как взял арфу и стал петь, чтобы он слышал (игру и пение).

21. Tsai Wo {A disciple} asked about mourning for three years. He thought that one was enough.

If for three years gentlemen forsake courtesy, courtesy must suffer. If for three years they forsake music, music must decay. The old grain passes, the new grain sprouts, the round of woods for the firedrill is ended in one year.

The Master said, Feeding on rice, clad in brocade, couldst thou be at rest?

It could, he answered.

Then do what gives thee rest. But a gentleman, when he is mourning, has no taste for sweets and no ear for music; he cannot rest in his home. So he gives these up. Now, they give thee rest; then keep them.

After Tsai Wo had gone, the Master said, Yü's {Tsai Wo} want of love! At the age of three a child first leaves the arms of his father and mother, and mourning lasts for three years everywhere below heaven. But did Yü have for three years the love of his father and mother?

Цзай-во спросил: Трехгодичный траур слишком продолжителен. Благородный муж, если в течение трех лет не будет упражняться в церемониях, то они непременно придут в расстройство. Если в течение трех лет не будет заниматься музыкой, то она непременно падёт. Можно бы ограничиться годичным трауром, так как в течение года старый хлеб кончается и новый поступает и огонь, получаемый от трения, меняется. Философ сказал: Был ли бы ты спокоен, кушая рис и одеваясь в парчу? Был бы спокоен, был ответ. Но, если ты был бы спокоен, продолжал Конфуций, то и делай так. А вот для благородного мужа, во время траура, пища не сладка, музыка не доставляет ему удовольствия и, живя в доме, он не спокоен. Поэтому он не делает этого (т.е. не ограничивается годичным трауром). Теперь, если ты спокоен, ну и делай так. Когда Цзай-во вышел, Философ сказал: В этом заключается Юй'ева негуманность (непочтительность). Сын только через три года после рождения сходит с рук отца и матери. Трехгодичный траур есть всеобщий траур. А Юй разве не пользовался трехлетнею любовью своих родителей!

22. The Master said, It is hard indeed when a man eats his fill all day, and has nothing to task the mind! Could he not play at chequers? Even that were better.

Философ сказал: Есть досыта целый день и ничем не заниматься – разве это не тяжело? Разве нет шахмат и шашек? Играть (вэй-чжи) в них всё таки лучше, (чем ничего не делать).

23. Tzu-lu said, Do gentlemen honour daring?

They put right higher, said the Master. With daring and no sense of right gentlemen turn rebels and small men turn robbers.

Цзы-лу сказал: Предпочитает ли высокопоставленный человек мужество? Философ ответил: Он ставит долг выше всего, потому что человек, занимающий высокое положение, обладая мужеством, но не имея сознания долга, делается мятежником, а человек, занимающий низкое положение, обладая мужеством, но не имея сознания долга, делается разбойником.

24. Tzu-kung said, Do gentlemen hate too?

They do, said the Master. They hate the sounding of evil deeds; they hate men of low estate that slander those over them; they hate daring without courtesy; they hate men that are stout and fearless, but blind.

And Tz'u, {Tzu-kung} he said, dost thou hate too?

I hate those that take spying for wisdom, who take want of manners for courage, and take tale-telling for honesty.

Цзы-гун сказал: У благородного мужа есть также и ненависть? Есть ненависть, сказал Философ. Он ненавидит людей, говорящих дурно о других, ненавидит тех, которые, занимая низкое положение, злословят высших, ненавидит храбрых, но наглых (бесцеремонных), смелых, но не разумных. А у тебя также есть ненависть? Цы сказал Конфуций. Да, я ненавижу признающих шпионство за ум, непокорность – за храбрость и клеветничество – за прямоту.

25. The Master said, Only maids and serving-lads are hard to train. If we draw near to them, they get unruly; if we hold them off, they grow spiteful.

Философ сказал: С женщинами, да со слугами трудно справиться. Приблизишь их, они становятся непокорными, а отдалишь – ропшут.

26. The Master said, When a man of forty is hated, he will be so to the end.

Философ сказал: Если кого ненавидят в 40 лет, тому ничего не остаётся делать.

BOOK XVIII

1. The lord of Wei {Kinsmen of the tyrant Chou Hsin, who brought the house of Yin to an end} left, the lord of Chi was made a slave, Pi-kan spake out, and died.

Confucius said, Three of the Yin had love.

Вэй-Цзы ушел, Цзи-цзы сделан рабом, а Би-ган умер за увещания. Конфуций сказал: Иньский дом имел трех гуманных людей.

2. Whilst Liu-hsia Hui {See note to Book XV, 13} was Chief Knight {Or Criminal Judge} he was dismissed thrice.

Men said, Is it not yet time to leave, Sir?

He answered, If I serve men the straight way, where can I go without being dismissed thrice? If I am to serve men the crooked way, why should I leave the land of my father and mother?

Лю Ся-уи был судьёю и его трижды отставляли от должности. Некто сказал ему: Разве вы не можете удалиться? Лю Ся-уи отвечал: Если я буду

служить людям честно, с прямою, то, куда бы я ни пошел, всюду подвергся бы троекратному изгнанию со службы; а если служить людям кривою, то зачем же тогда уходить из родного государства?

3. Speaking of how to treat Confucius, Ching, Duke of Ch'i, said, I cannot treat him as I do the Chi. I put him between Chi and Meng.

I am old, he said; I cannot use him.

Confucius left.

Ци'ский князь Цзин по поводу обхождения с Конфуцием сказал: Я не могу принять его как Цзи-ши (первого сановника); приму его по этикету среднему между приемом Цзы-ши и Мэн-ши (третий вельможа), (а вслед за тем) сказал: Я уже стар и не могу воспользоваться его услугами. Конфуций удалился.

4. The men of Ch'i {To Lu, 497 B.C. The turning point in Confucius's career. He left office and his native land, and wandered abroad for twelve long years} sent a gift of music girls. Chi Huan accepted them, and for three days no court was held.

Confucius left.

Ци'сцы послали (Лу'скому князю) певиц. Цзи Хуань-цзы (временщик) принял их. В течение трех дней не было представлений ко двору. Конфуций удалился.

5. Chieh-yü, the mad-head of Ch'u, as he passed Confucius, sang,

Phoenix, bright phoenix,

Thy glory is ended!

Think of to-morrow:

The past can't be mended.

Up and away!

The Court is to-day

With danger attended.

Confucius alighted, for he wished to speak with him: but he hurried away, and he could not speak with him.

Чу'ский сумасшедший Цзе-юй, проходя мимо Конфуция с песнями, сказал: «О, феникс, о феникс! Как упали твои добродетели! Прошедшего невозможно остановить увещаниями, а будущее еще поправимо. Оставь, оставь (службу). В настоящее время участие в управлении опасно». Конфуций вышел из телеги и хотел поговорить с ним, но тот убежал, и ему не удалось поговорить.

6. Ch'ang-chü and Chieh-ni were working in the fields. As Confucius passed them, he sent Tzu-lu to ask for the ford.

Ch'ang-chü said, Who is that holding the reins?

He is K'ung Ch'iu, said Tzu-lu.

Is he K'ung Ch'iu of Lu?
Yes, said Tzu-lu.
He knows the ford, said Ch'ang-chü.
Tzu-lu asked Chieh-ni.
Who are ye, Sir? he answered.
I am Chung Yu.
The disciple of K'ung Ch'iu of Lu?
Yes, he answered.
All below heaven is seething and boiling, said Chieh-ni, who can change it?
How much better would it be to follow a knight that flees the world than to follow a knight that flees persons!
And he went on hoeing without stop.
Tzu-lu went and told the Master, whose face fell.
Can I herd with birds and beasts? he said. Whom but these men can I take as follows? And if the Way were kept by all below heaven, I should not need to change them.

Чан-цзюй и Цзе-ни вместе пахали. Конфуций, проезжая, послал Цзы-лу спросить у них, где переправа. Чан-цзюй сказал: А кто это правит повозкою? Цзы-лу отвечал: Это Кун-цю. А, это Лу'ский Кун-цю? Да. Так он сам знает, где переправа. Цзы-лу обратился с тем же вопросом к Цзе-ни. Последний спросил его: Вы кто такой? Я, Чжун-ю. Ученик Лу'ского Кун-цю? Да. Волны (беспорядков), сказал Цзе-ни, разлились по всему миру. Кто усмирит (изменит) их? Кроме того, чем следовать за ученым, удаляющимся от людей (от одного к другому), не лучше ли последовать за ученым, удалившимся от мира? Сказав это, он снова принялся бороться. Цзы-лу удалился и доложил Конфуцию, который с досадою сказал: (нельзя быть человеку) с животными в одном стаде. Если мне не иметь общения с людьми (с этой человеческой толпой), то с кем же иметь его? Если бы во вселенной царил порядок, то мое участие в изменении её было бы ненужно.

7. Tzu-lu, who was following behind, met an old man carrying a basket on his staff.

Tzu-lu asked him, Have ye seen the Master, Sir?
The old man answered, Thy four limbs are idle, thou canst not sort the five seeds: who is thy Master?
And he planted his staff, and weeded.
Tzu-lu stood and bowed.
He kept Tzu-lu for the night, killed a fowl, made millet, gave them him to eat, and presented his two sons.
Tzu-lu left the next day, and told the Master.
The Master said, He is in hiding.
He sent Tzu-lu back to see him; but when he arrived he had gone.
Tzu-lu said, Not to take office is not right. If the ties of old and young cannot be thrown off, how can he throw off the liege's duty to his lord? He wishes to keep his life clean, but he is unsettling the bonds between men. To discharge

that duty a gentleman takes office, though he knows beforehand that the Way will not be kept.

Сопровождая Конфуция (на пути из Чу в Цай), Цзы-лу отстал и, встретившись со старцем, имевшим на палке за плечами навозную корзину, обратился к нему со следующим вопросом: Не видели ли вы моего учителя? Старец сказал: Ты не трудишься, не в состоянии различить сортов хлеба. Почем я знаю, кто твой учитель? (С этими словами) он воткнул палку и стал полоть. Цзы-лу стоял, сложив почтительно руки. (Тронутый его почтительностью) старик оставил Цзы-лу ночевать, зарезал курицу, приготовил просо, накормил его и представил своих двух сыновей. На другой день Цзы-лу отправился в путь и сообщил (о случившемся) Конфуцию. Философ сказал: Это отшельник. И послал Цзы-лу опять повидаться с ним; но когда Цзы-лу пришел (к прежнему месту), то тот уже ушел. Цзы-лу сказал: Не служить – значит отрицать долг. Если нельзя упразднить (нравственную) связь между старшими и младшими, то как же можно упразднить долг между государем и подданным? Желая держать себя чистым (т. е. укрыться от житейской грязи и смуты), мы нарушаем великие социальные законы. Службою благородный муж исполняет свой долг (по отношению к государю). Что учение (т. е. принципы, проповедуемые Конфуцием) не распространяется, это мы знаем.

8. Po-yi, Shu-ch'i, Yü-chung, Yi-Yi, Chu-chang, Liu-hsia Hui and Shao-lien were men that hid from the world.

The Master said, Po-yi {See note to Book V, 22} and Shu-ch'i did not bend the will or shame the body.

We must say that Liu-hsia Hui {See note to Book XV, 13} and Shao-lien bent the will and shamed the body. Their words hit man's duty, their deeds hit our hopes. This we can say and no more.

We may say that Yü-chung and Yi-yi lived hidden, but were free of speech. Their lives were clean, their retreat was well weighed.

But I am unlike all of them: there is nothing I must, or must not, do.

Отшельники – это Бо-и, Шу-ци, Юй-чжун, И-и, Чжу-чжан, Лю Ся-уи и Шао-лянь. Философ сказал: Не поступившие своими убеждениями и не посрамившие себя – это были Бо-и и Шу-ци. О Лю Ся-уи'е и Шао-ляне он отозвался, что они поступились своими убеждениями и посрамили себя; но слова их согласовались с разумом вещей, а действия с общим мнением (т. е. справедливостью); у них было только это. О Юй-чжуне и И-и он отозвался, что они, живя в уединении, хотя и были разнужданны в речах, но сами лично удовлетворяли условиям (нравственной) чистоты и их удаление от мира соответствовало силе обстоятельств. А я так отличаюсь от (всех) этих – я не предreshаю ничего – ни за, ни против (а руководствуюсь сознанием долга).

9. Chih, the Great Music-master, went to Ch'i; Kan, the conductor at the second meal, went to Ch'u; Liao, the conductor at the third meal, went to Ts'ai; Chüeh, the conductor at the fourth meal, went to Ch'in. The drum master Fang-shu crossed the River; the tambourine master Wu crossed the Han; Yang the second bandmaster and Hsiang, who played the sounding stones, crossed the sea.

Главный капельмейстер Чжи отправился в Ци; распорядитель музыки при завтраке Гань отправился в Чу; распорядитель музыки при обеде Ляо ушел в Цай и распорядитель музыки при ужине Цюе отправился в Цинь; барабанщик Фан-Шу удалился в Хэ-нэй (на север от Желтой реки в Шань-си, а Хэ-вай на юг от нее); тамбурист У удалился в Хань-чжун, а младший капельмейстер Ян с клепальщиком Сян удалился на поморье.

10. The Duke of Chou {See note to Book VII, 5} said to the Duke of Lu {His son}, A gentleman does not forsake kinsmen, nor offend his great lieges by not using them. He will not cast off an old friend unless he have big cause; he does not ask everything of anyone.

Чжоу-гун обратился к Лу-гуну с такою речью: Благородный государь не бросает своих родственников, не доводит сановников до ропота из-за того, что их не употребляют на службу; аристократию без важных причин не бросает и не ищет всех совершенств в одном человеке.

11. Chou had eight knights: Po-ta and Po-kuo, Chung-tu and Chung-hu, Shu-yeh and Shu-hsia, Chi-sui and Chi-kua.

У Чжоу было 8 (знаменитых) чиновников: Бо-да, Бо-го, Чжун-ту, Чжун-ху, Шу-е, Шу-ся, Цзи-суй и Цзи-ва.

BOOK XIX

1. Tzu-chang said, The knight that stakes his life when he sees danger, who in sight of gain thinks of right, and whose thoughts are reverent at worship, and sad when he is in mourning, will do.

Цзы-чжан сказал: Если ученый, при виде опасности, жертвует жизнью, при виде корысти думает о справедливости, при жертвоприношении думает о благоговении и при похоронах – как бы проявить свою скорбь, то этого довольно.

2. Tzu-hsia said, Goodness, clutched too narrowly; a belief in the Way which is not honest; can they be said to be, or said not to be?

Цзы-чжан сказал: Безразлично существование таких людей, которые хранят только приобретенные добродетели, не заботясь о расширении их, верят в учение, но не отличаются непоколебимостью.

3. The disciples of Tzu-hsia asked Tzu-chang whom we should choose as our companions.

Tzu-chang said, What does Tzu-hsia say?

They answered, Tzu-hsia says, If the men be well for thee, go with them; if they be not well, push them off.

Tzu-chang said, This is not the same as what I had heard. A gentleman honours worth and bears with the many. He applauds goodness and pities weakness. If I were a man of great worth, what could I not bear with in others? If I am without worth, men will push me off: why should I push other men off?

Ученики Цзы-ся спросили у Цзы-чжана относительно сношений с людьми. Цзы-чжан сказал: А как говорил об этом Цзы-ся? Ученики отвечали, что он говорил: с годными людьми водитесь, а негодных отталкивайте. Цзы-чжан сказал: это разнится от того, что слышал я. Благородный муж уважает людей, выдающихся своими талантами и нравственными достоинствами и снисходительно относится ко всем остальным (к толпе); он хвалит добрых и сострадает к немощным. Допустим, что я обладаю великими талантами и достоинствами, в таком случае чего я не снесу от других? Будь я недостойный человек, то люди отвергнут меня. Каким же образом отвергать других-то?

4. Tzu-hsia said, Though there must be things worth seeing along small ways, a gentleman does not follow them, for fear of being left at last in the mire.

Цзы-ся сказал: Всякое малое знание, конечно, заключает в себе что-нибудь заслуживающее внимание; но едва ли оно будет пригодно для отдаленных целей (государственных). Поэтому благородный муж и не занимается ими.

5. Tzu-hsia said, He that each day remembers his failings and each month forgets nothing won may be said to love leaning indeed!

Цзы-ся сказал: О том, кто ежедневно узнает, чего он не знал и ежемесячно вспоминает то, чему научился, можно сказать, что он любит учиться.

6. Tzu-hsia said, By wide learning and singleness of will, by keen questions and home thinking we reach love.

Цзы-ся сказал: В многоучении и непреклонной воле, неотступном вопрошании и тщательном размышлении есть также и гуманность.

7. Tzu-hsia said, To master the hundred trades, apprentices work in a shop; by learning, a gentleman finds his way.

Цзы-ся сказал: Ремесленники, чтобы изучить в совершенстве свое дело, помещаются в казенных мастерских; благородный муж учится, чтобы достигнуть высшего понимания своих принципов.

8. Tzu-hsia said, The small man must always gloss his faults.

Цзы-ся сказал: Ничтожный (подлый) человек непременно прикрывает свои ошибки.

9. Tzu-hsia said, A gentleman changes thrice. Looking up to him he seems stern; as we draw near, he warms; but his speech, when we hear it, is sharp.

Цзы-ся сказал: Благородный муж является в трех видах: когда посмотришь на него издали, он внушителен, приблизишься к нему, он ласков, слушаешь его речи, он строг.

10. Tzu-hsia said, Until they trust him, a gentleman lays no burdens on his people. If they do not trust him, they will think it cruel. Until they trust him, he does not chide them. Unless they trust him, it will seem fault-finding.

Цзы-ся сказал: Государь может утруждать свой народ после того, как приобретет его доверие, а в противном случае он будет считать (послугу) за тиранию. (Точно также и) государя можно увещевать после того, как он верит тебе, в противном случае он примет это за злословие.

11. Tzu-hsia said, If we keep within the bounds of honour, we can step to and fro through propriety.

Цзы-ся сказал: Если великие обязанности не нарушаются, то в малых возможны отступления.

12. Tzu-yu said, The disciples, the little sons of Tzu-hsia, can sprinkle and sweep, attend and answer, come in and go out; but what can come of twigs without roots?

When Tzu-hsia heard this, he said, Yen Yu {Tzu-yu} is wrong. If we teach one thing in the way of a gentleman first, shall we tire before reaching the next? Thus plants and trees differ in size. Should the way of a gentleman bewilder him? To learn it, first and last, none but the holy are fit.

Цзы-ю сказал: Ученики Цзы-ся в подметании пола, ответах и движениях (манерах) годятся; но ведь это последнее дело; что же касается существенного, то этого у них нет (т. е. познаний нравственно философских). Как же тут быть? Услышав это, Цзы-ся сказал: Эх, Янь-ю ошибается. Благородный муж в системе обучения не признает чего-либо за главное и (потому) преподает его и не признает чего-либо за второстепенное и потому ленится преподавать его. Подобно растениям он (только) сортирует (своих учеников по степени их развития). В преподавании благородный муж разве может прибегать к обману? Ведь только для святого мужа возможно достижение полного высшего знания (без постепенного накопления его).

13. Tzu-hsia said, A servant of the crown should give his spare strength to learning. With his spare strength a scholar should serve the crown.

Цзы-ся сказал: Если от службы остается досуг, то употребляй его на учение, а если от учения остается досуг, то употребляй его на службу.

14. Tzu-yu said, Mourning should stretch to grief, and stop there.

Цзы-ю сказал: Траур должен ограничиваться только доведением скорби до высшей степени.

15. Tzu-yu said, Our friend Chang {Tzu-chang} can do hard things, but love is not yet his.

Цзы-ю сказал: Мой друг Чжан делает вещи трудно исполнимые, но ему недостаёт гуманности.

16. Tseng-tzu said, Chang is so spacious, so lordly, that at his side it is hard to do what love bids.

Цзэн-цзы сказал: Величественный человек Чжан, но с ним трудно вместе упражняться в гуманности.

17. Tseng-tzu said, I have heard the Master say, Man never shows what is in him unless it be in mourning those dear to him.

Цзэн-цзы сказал: Я слышал от учителя, что люди, которые не проявили самих себя (т. е. своей истинной природы) во всей полноте, непременно проявят себя в случае смерти родителей.

18. Tseng-tzu said, I have heard the Master say, In all else we may be as good a son as Meng Chuang, but in not changing his father's ministers, or his father's rule, he is hard to match.

Цзэн-цзы сказал: я слышал от учителя о сыновней почтительности Мэн Чжуан-цзы, все другие проявления которой достижимы, но что он не переменил ни слуг отца, ни его образа управления, вот это трудно достижимо.

19. The Meng {The chief of the Meng clan, powerful in Lu} made Yang Fu {A disciple of Tseng-tzu} Chief Knight, {Or criminal judge} who spake to Tseng-tzu about it.

Tseng-tzu said, Those above have lost their way, the people have long been astray. When thou dost get at the truth, be moved to pity, not puffed with joy.

Мэн-ши, сделал Ян-фу уголовным чиновником, и он обратился за советом к Цзэн-цзы, который сказал ему: Правительство утратило истинный путь, народ давно отшатнулся от него. Если ты констатируешь факт преступления, то пожалей (преступника), а не восхищайся своим умом.

20. Tzu-kung said, Chou {The tyrant that ended the Yin dynasty} was not so very wicked! Thus a gentleman hates to live in a hollow, down into which runs all that is foul below heaven.

Цзы-гун сказал: Беззакония Чжоу не были уж такими ужасными (как о них рассказывают). Поэтому то благородный муж не желает ставить себя в грязное положение и делать беззакония, чтобы ему не приписали все пороки мира. (Т.е. что на Чжоу, как на беззаконника, взвалили все пороки).

21. Tzu-kung said, A gentleman's faults are like the eating of sun or moon. {An eclipse} All men see them, and when he mends all men look up to him.

Цзы-гун сказал: Ошибки благородного мужа подобны солнечному и лунному затмениям. Люди все видят его ошибки, а когда он исправит их, они взирают на него с уважением.

22. Kung-sun Ch'ao of Wei asked Tzu-kung, From whom did Chung-ni {Confucius} learn?

Tzu-kung said, The Way of Wen and Wu {See Introduction} has not fallen into ruin. It lives in men: the big in big men, the small in small men. In none of them is the Way of Wen and Wu missing. How should the Master not learn it? What need had he for a set teacher?

Вэйский (вельможа) Гун Сунь-чао спросил у Цзы-гуна: Где научился Чжун-ни (Конфуций)? Цзы-гун сказал: Учение Вэнь-вана и У-вана не погибло, а находится между людьми. Люди мудрые запомнили из него более важное (главные основания), а люди не мудрые (не одаренные высокими талантами и нравственными достоинствами) – менее важное (подробности). Таким образом, учение Вэнь-вана и У-вана царило повсюду. Где не мог учиться Философ? И к чему же было ему иметь постоянного учителя?

23. In talk with the great men of the court Shu-sun Wu-shu {Head of the Meng clan} said, Tzu-kung is worthier than Chung-ni.

Tzu-fu Ching-po told this to Tzu-kung.

Tzu-kung said, This is like the palace wall. My wall reaches to the shoulder: peeping over you see the good home within. The Master's wall is several fathoms high: no one can see the beauty of the Ancestral Temple and the wealth of its hundred officers, unless he gets in by the gate. And if only a few men find the gate, may not my lord have spoken the truth?

Шу-сунь У-шу, обратившись к вельможам при дворе, сказал: Цзы-гун даровитее и умнее Чжун-ни. Цзы-фу Цзин-бо сообщил об этом Цзы-гуну, который на это сказал: Возьмем для примера дворцовую стену; моя стена доходит до плечей и чрез нее можно видеть, что есть хорошего в комнатах (т. е. стена низкая и комнаты плохие), Стена же философа в несколько саженьей, и если не отыскать надлежащих ворот и не войти в них, то не увидишь красот храмов предков и богатства чинов империи; но отыскавших эти ворота, кажется, немного. Не таково ли должно бы быть и замечание твоего начальника?

24. Shu-sun Wu-shu cried down Chung-ni.

Tzu-kung said, It is labour lost. Chung-ni cannot be cried down. The greatness of other men is a hummock, over which we can still leap. Chung-ni is the sun or

moon, which no one can overleap. Though the man were willing to kill himself, how could he hurt the sun or moon? That he does not know his own measure would only be seen the better!

Шу-сунь У-шу стал злословить Чжун-ни. Цзы-гун сказал: Не надобно делать этого. Чжун-ни нельзя злословить, ибо таланты и достоинства других людей – это холмики, чрез которые можно перешагнуть, а Чжун-ни – это солнце и луна недосыгаемые (непереходимые), так что, хотя бы кто и захотел отрешиться от них, то какой вред он причинил бы им? Он только весьма показал бы (обнаружил) незнание своих сил.

25. Ch'en Tzu-ch'in {A disciple of Tzu-kung} said to Tzu-kung, Ye humble yourself, Sir. In what is Chung-ni your better?

Tzu-kung said, By one word a gentleman shows wisdom, by one word want of wisdom. Words must not be lightly spoken. No one can come up to the Master, as heaven is not to be climbed by steps. If the Master had power in a kingdom, or a clan, the saying would come true, 'What he sets up stands; he shows the way and men go it, he brings peace and they come, he stirs them and they are at one. Honoured in life, he is mourned when dead!' Who can come up to him?

Чэн-Цзы Цинь, обратившись к Цзы-гуну, сказал: Ты только из почтения говоришь так. Возможно ли, чтобы Чжун-ни был достойнее тебя? Цзы-гун сказал: Благородного мужа за одно слово считают умным и за одно слово считают невежей; поэтому в словах нельзя не быть осторожным. Философ недосыгаем подобно небу, на которое нельзя подняться по ступенькам. Если бы Философ получил в управление княжество, то на нем оправдалось бы следующее изречение: Кого он поставил бы на ноги, тот стоял бы, кого он повел бы, тот последовал бы за ним, кого приласкал бы, тот покорился бы ему, кого поощрил бы, те жили бы в согласии и мире; при жизни он был бы славен; его смерть была бы оплакиваема. Каким же образом возможно сравнятся с ним?

BOOK XX

{This chapter shows the principles on which China was governed in old times. Yao and Shun were the legendary founders of the Chinese Empire, Yü, T'ang, and Chou were the first emperors of the houses of Hsia, Shang and Chou, which had ruled China up till the time of Confucius.}

1. Yao said, Hail to thee, Shun! The count that Heaven is telling falls on thee. Keep true hold of the centre. If there be stress or want within the four seas, the gift of Heaven will pass for ever.

Shun laid the same commands on Yü.

T'ang said, I, Thy little child Li, dare to offer this black steer, and dare to proclaim before Thee, Almighty Lord, that I dare not forgive sin, nor keep down Thy ministers. Search them, O Lord, in Thine heart. If Our life be sinful, visit it

not upon the ten thousand homesteads. If the ten thousand homesteads sin, the sin is on Our head.

Chou bestowed great gifts, and good men grew rich.

‘Loving hearts are better than near kinsmen. All the people blame no one but me’ {Said by King Wu (Chou). The people blamed him for not dethroning at once the tyrant Chou Hsin}

He saw to weights and measures, revised the laws, and brought back broken officers. Order reigned everywhere. He revived ruined kingdoms and restored fiefs that had fallen in. All hearts below heaven turned to him. The people’s food, burials and worship weighed most with him. His bounty gained the many, his truth won the people’s trust, his earnestness brought success, his justice made men glad.

Яо сказал: О ты, Шунь! Небом установленное преемство царственной власти остановилось на тебе. (В управлении) следует неуклонно держаться середины (т. е. справедливости). Если народ в пределах четырех морей (китайский) обеднеет, то и благополучие государя прекратится навеки. С таким же наказом обратился к Юй’ю и Шунь, уступая ему престол. Тан (Чэн-тан) сказал, (обращаясь к Верховному Владыке): Я, недостойный сын твой Ли, осмеливаюсь принести тебе в жертву черного быка и осмеливаюсь заявить тебе, Верховный Владыка, что император Цзе был виноват и я не смел простить его. Достойные слуги твои мною не сокрыты под спудом; его преступления и их добродетели зримы тебе владыка (или: Выбор зависит от владыки; или: В твоём сердце я был избран). Если я лично согрешу, то пусть это не будет вменено в вину моим подданным; если же они согрешат, то вина должна пасть на меня.

Он (У-ван) обратил тщательное внимание на меры и весы, уяснил законы, восстановил упраздненные чины и государственное правление пошло. Он восстановил угасшие государства, возобновил прервавшиеся поколения, вызвал к деятельности отшельников, и народ искренне покорился ему. Особенное внимание его было обращено на народное пропитание, на траур и на жертвоприношения.

Если государь великодушен, то он приобретет расположение народа; если он искренен, то народ будет полагаться на него; если он разумен, то совершит подвиги и если будет справедлив, то будут довольны им.

2. Tzu-chang asked Confucius, How should men be governed?

The Master said, to govern men we must honour five fair things and spurn four evil things.

Tzu-chang said, What are the five fair things?

The Master said, A gentleman is kind, but not wasteful; he burdens, but he does not embitter; he is covetous, but not greedy; high-minded, but not proud; stern, but not fierce.

Tzu-chang said, What is meant by kindness without waste?

The Master said, To further what furthers the people, is not that kindness without waste? If burdens be sorted to strength, who will grumble? To covet

love and get love, is that greed? Few or many, small or great, all is one to a gentleman: he dares not slight any man. Is not this to be highminded, but not proud? A gentleman straightens his robe and cap, and settles his look. He is severe, and men look up to him with awe. Is not this to be stern, but not fierce?

Tzu-chang said, what are the four evil things?

The Master said, To leave untaught and then kill is cruelty; not to give warning and to expect things to be done is tyranny; to give careless orders and be strict when the day comes is robbery; to be stingy in rewarding men is littleness.

Цзы-чжан спросил у Конфуция: Каким бы образом можно было вести дела правления? Философ отвечал: Следовать 5 прекрасным (качествам) и изгонять 4 скверных – этим путем можно вести дела правления. А что такое 5 прекрасных качеств? сказал Чжы-чжан. Философ отвечал: Когда правитель (цзюнь-цзы) благодетельствует не расходуясь, налагает работу, не вызывая ропота, желает без алчности, доволен, но не горд, внушитель, но не свиреп. Цзы-чжан сказал: Что значит благодетельствовать не расходуясь? Философ отвечал: Когда он будет доставлять пользу народу, исходя из того (основываясь на том), что для него полезно – разве это не будет благодеянием без затрат? Когда он будет выбирать пригодную работу и заставлять их трудиться над ней, то кто же будет роптать? Когда он будет желать гуманности и приобретет ее, то где же тут место для алчности? Когда для него не будет ни сильных, ни слабых по численности, ни малых, ни великих дел, и он будет относиться с одинаковым уважением ко всем и ко всему, то разве это не будет самодовольство без гордости? Когда он оправит свое платье и шапку, его взор будет проникнут достоинством, и, при взгляде на его внушительный вид, люди будут чувствовать уважение – разве это не будет величием без свирепости?

Цзы-чжан сказал: Что такое 4 дурных (качества)? Казнить людей, не наставив их – это бесчеловечие; требовать немедленного исполнения чего-либо, не предупредив заранее – это торопливость; медлить распоряжениями и требовать срочного исполнения их – это пагуба; давая людям что-нибудь, при самой выдаче проявлять скардность (т. е. не хотеть расстаться с выдаваемым предметом) – это будет чиновничество (т.е. мелочничество, свойственное чиновнику, но не правителю).

3. The Master said, He that does not know the Bidding cannot be a gentleman. Not to know good form is to have no foothold. Not to know words is to know nothing of men.

Философ сказал: Кто не признаёт судьбы, тот не может сделаться благородным мужем. (Не фаталист не может сделаться благородным мужем). Кто не признаёт церемоний, тому неоткуда приобрести прочные устои. Кто не знает силы слова, тому неоткуда будет узнать людей.

Продвигается ли вперед историческая достоверность?

*Записка, предложенная Императорской Академии Наук
президентом ее, графом С.С. Уваровым,
и читанная 25 октября 1850 года*

Замечательный мемуар, который мы спешим сообщить читателям «Современника», поступил в Академию при следующем письме:

«Г. Непременный Секретарь!

В бытность мою в деревне, среди забот о поправлении расстроенного здоровья, я искал утешений в занятиях наукою. Из этого вышла небольшая Записка о вопросе, имеющем общий интерес, и этот-то труд я прошу Ваше Превосходительство предложить вниманию конференции, как слабую дань моей привязанности к Академии и моей неизменной любви к умственным трудам, которые то услаждали, то утешали меня в различных периодах жизни, никогда не теряя своего благотворного влияния.

Примите и проч.

(Подписано) Граф Уваров»

Чтения г-на Вильмена о литературе останутся навсегда образцом вкуса, ума и глубокого знания литературного. В одном из этих превосходных чтений автор излагает, что существуют три главные вида истории: история *гадательная* (conjecturale), то есть история древних времен, история *критическая* или *ученая* и та, которую этот знаменитый писатель называет *полною* (complete), разумея историю времен к нам ближайших, времен, протекших от XV-го столетия и от изобретения книжной печати. «Начиная с той эпохи – присовокупляет г. Вильмен – цивилизация, хотя и сохранив некоторые следы варварства, усовершенствовалась настолько, пособия науки сделались так многочисленны, все факты народной жизни были так тщательно записываемы, что разум, вспомоществуемый трудом, может уже открывать истину; с этой же эпохи высокая степень достоверности фактов обязывает писателя к великому множеству подробностей».

Это определение новейшей истории подлежит, как мне кажется, нескольким довольно важным возражениям. Конечно, история древних времен гадательная; это скорее дело веры, чем обсуждения. Потому-то и необходимо принимать ее почти в том самом виде, в каком передали ее нам поэты, историки и риторы.

Прилагать светильник новейшей критики ко временам отдаленным – это один из таких подвигов учености, в которых только посвященные могут дать себе отчет; но если рассматривать историю в ее отношениях ко всей совокупности цивилизации, как пищу огромной массы, как цепь преданий, неразрывно переходящую из века в век и остающуюся навсегда в памяти народов, тогда, я думаю, будет ясно, что для последних условия новейшей истории точно таковы ж, каковы условия истории древнейших времен для тесного круга ученых. Притом же ум человеческий, несколько наклонный к синтезу, одарен природным инстинктом стремиться к положительному в области приобретенных знаний и подчиняться охотно только установившемуся авторитету, будь он, впрочем, и условный. К чему повели огромные труды Нибура, который, вне всякой возможности возражения, разрушил все основы истории Рима? Они заняли собой трудолюбивые досуги небольшого числа критиков и заслужили их одобрение – вот и все. Что было результатом критических изысканий Ф.А. Вольфа о Гомере, – изысканий удивительных во всех отношениях, – изысканий, где остроумнейший из гомеровских издателей победоносно подвергает ученому анализу сомнительную личность поэта, сначала вполне очистив его текст? Ни один филолог не дерзнет на борьбу с Вольфом; но после столь многих ученых трудов, оставшихся без ответа (*таково мнение знаменитого автора; мы же позволяем себе думать, что теория Вольфа повстречала опасного противника в лице англичанина В. Мьюра, автора «Критической истории языка и литературы древней Греции», явившейся несколько месяцев тому назад.* – *Ред.*), вопрос ни шагу не двинулся вперед: ни Ромул, ни Гомер не исключены из списка живших; они существуют в воображении большинства по-прежнему, как будто два великие критика ровно ничего не писали. Сами ученые, видя малоуспешность этого мастерского приложения анализа, словно усомнились в пользе столь обширных разысканий. На их глаза, Гомер все-таки Гомер, жил ли он, или нет, в самом деле; им мало нужды, представляет ли это слово целую школу, или обозначает лично автора «Илиады». Точно также, восходя к первым начаткам Рима, люди истинной науки не колеблются облекать исторические данные в общепринятые формы; они не отвергают педантски всего, что предшествовало Пуническим войнам, и говорят не обинуясь о Нуме и Горации Коклесе, как говорят о Гомере и о преданиях, связанных с его именем. Нет, собственно, ни одного настоящего литератора, который не предпочел бы двадцати неизданных стихов «Илиады», или одной новооткрытой страницы Тита Ливия всем критическим трудам, подрывающим существование поэта или подлинность историка.

Итак, если достоверность древней истории подлежит тем странным условиям, при которых правдоподобное становится истинным, и до которых едва касается искуснейший критический анализ, рассмотрим теперь условия истории новейшего времени и какие представляются здесь вероятности, могущие придать ей большую достоверность. Конечно, источники истории, со времени открытия книгопечатания, размножились до бесконечности; критика сделалась настойчива и искусна; факты записываются тщательно до мелочей; но надежнее ли оттого их достоверность? Это положение вещей благоприятнее ли для разыскания истины? Ближе ли мы, наконец, к открытию света?

Этот вопрос, как и предыдущий, представляет две различные стороны: с одной – деятельный труд историка, который посвящает себя разъяснению бесконечного хаоса данных, избыточных в высшей степени, но в то же время страстных, неопределенных, противоречащих, – с другой стороны то, что из всех этих разысканий примется на веру народами и что действительно войдет в область общей массы познаний. Позволяю себе думать, что, в противоположность с историком древнего мира, историк новейший найдет себе в обилии подробностей, чрезмерном разнообразии источников равно как и в нынешнем настроении умов, такие препятствия, которые одолеть не всегда будет в его силах. Страсть века к разлагающему анализу, отвращение ко всем синтезам, религиозным, историческим или нравственным, совершенное безверие, перенесенное в область более или менее таинственной действительности, представляют затруднения, неизвестные древним и по крайней мере равносильные недостатку верных источников и исторической критики для времен отдаленных. Этот недостаток, как бы встречавший себе противовесие в искренности убеждений, исчезал отчасти перед непреложным авторитетом, которым пользовался историк во всех тех случаях, где его существенно драматический рассказ соответствовал религиозным верованиям, чистосердечной добросовестности юных народов и даже их исконным предрассудкам. История имела у древних одно общее происхождение с религией и поэзией; тот же *Vates*, тот же *вещий* человек, был и ее всечтимым и в некотором смысле божественным органом; и вот почему невозможно устранить предания, обступившие колыбель греческой поэзии, или первые начатки Рима, чтобы вместе с тем не сокрушить и всего синтеза древности, так, как он представляется нам в общепринятой и никакой другой незаменимой форме. Конечно, всякий из нас волен оспаривать истинность древней истории, с одним условием – обходиться без нее. Можно отрицать ее; но ничего не поставишь на ее место.

Начиная с XV века все изменилось: не только факты принимают иной характер, но и идеи, которые могучее фактов, рождаются во множестве и дают цивилизации новое направление. Религиозные, правительственные, литературные, артистические, торговые, они не останавливаются ни перед чем былым и в своей беспредельной смелости нападают на самые основы всяческого авторитета. Книгопечатание благоприятствует этому чудному стремлению; множество умов увлекаются новым движением. Богословие, философия, история, правоведение, науки естественные и социальные, – все рождается и все разлагается в одно и то же время. Неумолимая любознательность, подстрекаемая самими пылкими страстями, кидается на обширную область духа, как бы впервые открывшуюся глазам. XV век, сам по себе, составляет уже великий перелом в ходе ума человеческого, но что станет делать историк, или – лучше – что сделали историки, писавшие об этой эпохе, чтобы отыскать истину или по крайней мере приблизится к ней, среди этого так сказать анархического положения человеческой мысли? Кто из писателей успел хотя лишь в том, чтоб составить себе верное представление о реформации и начертить более или менее прагматическую картину этого события? И можно ли, среди чудовищной массы взаимных обвинений, перекоргов самых бешенных, очевидных клевет и аккредитованных басен, держать неуклонно весы справедливости и сообразить всю совокупность великой катастрофы? Новейший

историк, подчиненный с самого начала закону строгого *беспристрастия*, не находит перед собой, для расспроса, других свидетелей, кроме пристрастных до нелепости; напрасно стал бы он искать какого-нибудь среднего выхода, какого-нибудь исторического *justemilieu*. Никакое соглашение невозможно между свидетельствованиями партий, тем более искренних, что они гордятся своим изуверством, и что заслуга их – одушевляющая их страсть. Бесспорно, важные труды были подготовлены с величайшим тщанием, совершены удивительные изыскания, другие источники только ожидают исследователей; но какое сочинение о реформации, из вышедших в целые два века, обнаружило нам историческую истину в том виде, в каком требуется она теперь? До сих пор мы видели только тяжёлые записки, изложение дела той или другой стороны, или общие своды во вкусе Вольтера или Юма, очень занимательные, пожалуй, но очень равнодушные к истине, и вот – надобно заметить – почти неизбежный результат того закона, который обязывает историка быть беспристрастным, во что бы то ни обошлось. Отсюда этот исторический скептицизм, последняя форма новейшей истории, – форма, весьма, впрочем, соответственная духу сомнения, который овладел и идеями и совестями; отсюда или защитительные речи, без прямоты, в пользу того или другого проигранного дела, или общие своды, где все расположено по числам, разделено методически на главы, но где не найдете никакой положительной оценки, где убеждение писателя подавлено боязнью высказать какое-нибудь нравственное начало. Эта форма истории тем более опасна, что она ведет более или менее непосредственно к отрицанию добра и зла, что она изгоняет Промысел из истории и ставит на место великих законов общественного порядка какой-то искусственный механизм, порождаемый случаем и унижающий достоинство человека, отнимая у него лучшие его надежды.

Но, может быть, скажут нам, все становится яснее по мере того, как события приближаются к историку. Так ли это, однако ж, с французской революцией, величайшим и последним из событий, которое значительная часть нынешнего поколения видела сама, а остальная изучила из первых источников? В этой бездне сочинений о революции, – сочинений всех возможных форм, всяких оттенков и всяких мнений, найдена ли до сих пор путеводная нить, которой бы мог по совести держаться историк при изучении этой достопамятной эпохи, вызвавшей на свет, изустно, письменно и печатно, все, что можно было сказать о ней, и не дозволившей затануть ни малейшей подробности? Ничуть не было: мрак будто густеет по мере того, как растет число обнародуемых сочинений. Скептицизм с каждым мгновением принимает все более решительный характер среди этих противоречивых прений, без выхода, – этих свидетельств, диаметрально противоположных, и особенно среди неосторожных софизмов, накапливающихся с каждым днем, по милости расстроенного воображения компиляторов. Не говоря о тех вредных забавах остроумия, посредством которых затевают преобразить эту исполинскую кровавую трагедию в тему для самых неожиданных восстановлений мнимой славы, разве не очевидно всем и каждому, что нет ни одного факта этой эпохи, ни одного характера, ни одной правительственной меры, которые принимались бы без противоречия и не подвергались бы решительному суду? Все, даже до последнего фазиса революции, было изуродовано как по заказу и с

каждым днем искажается все более и более. Посмотрите, что сделали из Наполеона. Из этого могучего, но упрямого, полудикого гения, из этого отъявленного врага революции, из этой резко очерченной мускулистой фигуры, из этого положительного и неуклонного ума сделали распространителя либеральных мыслей, провозвестника демократии, какое-то символическое лицо, миф, наконец, годный разве стать наряду с туманными призраками Оссиана. Не перед нашими ли глазами выросла и распространилась эта историческая фантазмагория? Так что теперь у нас собственно два Наполеона, совершенно различные между собой: один, смастеренный для народного употребления из песен Беранже и рассказов г-на Марко-Сент-Илера; другой, который жив еще, с своими великими качествами и великими заблуждениями, в памяти современников, или в обдуманной оценке серьезных умов, привыкших к спокойному изучению людей и событий. Но за последним уже только меньшинство, и очень вероятно, что лет сотню спустя, Наполеон мифический и революционный, Наполеон – Геркулес или солнце – бог будет выражением господствующего мнения, наперекор всем доводам исторической критики, ограниченной тогда кругом нескольких адептов, быть может, столь же малочисленных, как ныне адепты Вольфа и Нибура.

После двух столь разительных примеров, взятых из многого множества других, мы в праве спросить себя, действительно ли подвигается ли вперед достоверность истории, благодаря тому, что, начиная с XV века все было обнародовано, и с переменой условий, сопровождавших древнюю историю, не встретила ли эта достоверность новых препятствий, которые удаляли свет от фактов в обратном отношении и мешали прояснению их чрезмерным избытком материалов? История времен отдаленных лишена достоверности оттого, что нельзя аналитически показать достоинство источников и опереться на непреложные свидетельства. История эта носит на себе очевидно печать условности; чувствуешь, что напрасно было бы искать в ней безусловную истинность, и что чем более освящена она единодушным согласием народов, тем менее она поддается глубокому критическому исследованию. Можно, как мы сказали, отрицать историю времен дальних, но не то, что от нее осталось, например, уцелевшие до нас памятники древнего искусства, все бронза или гранит. Над этими неразрушимыми памятниками тщетно хлопочет проникаемость новейшего анализа. Геродот и Тит Ливий, бесспорно, принимают романический колорит, восходят ли они к векам первобытным, или рассказывают даже современные происшествия; другие, как, например, Фукидид и Тацит, явно носят на себе печать политической страсти, печать, совершенно противоположную нашим идеям о философском беспристрастии, перенесенным на почву истории; но отнимите этих великих писателей, и древней истории у вас нет. Тоже самое, и еще в гораздо более высшей степени, прилагается к истории Востока; предания индийцев, китайцев, персиян и других народов Азии, сохранивших следы прошлого, наполнены таким множеством чудовищно-баснословных фактов, что во всем относящимся до первобытных времен они отнюдь не совместны ни с какой системой хронологии, ни с каким разумным историческим началом.

Есть еще одна странная перспектива в будущей судьбе историка новейших времен, на которую нельзя не обратить внимание. Собирая громадное число

книг, которые печатный станок ежегодно передает общему любопытству, можно составить себе понятие о чудовищной цифре, какой достигнет этот непрерывный ряд изданий по прошествии двух или трех веков. Тогда положение историка будет еще хуже. Захочет ли он справиться с печатными документами, и вот перед ним сушая бездна, которую уразуметь мало целой жизни человеческой. Пренебреги он эти документы, он лишит свой рассказ всех прав на доверие, он погрешит перед существенным законом исторической науки. Можно, без лишней смелости, заключать, что в эпоху, более или менее отдаленную от нашей, пределы каждой науки в частности, расширяющиеся день ото дня более, перейдут за пределы нашего ума, и тогда историк, подобно другим специальным людям, посвятившим себя какой-нибудь отрасли знания, изнемогая под бременем предшествовавших разысканий и наличных материалов, скорее встретит помеху, нежели подспорье своим трудам в огромной массе печатных произведений. Сомнительно, чтобы это положение вещей, приблизительно вероятное, послужило к усилению достоверности человеческих знаний вообще и истории в особенности.

Не простирая слишком наклонности к парадоксу, можно бы, мне кажется, заключить из этих выводов, что изобретение типографического дела установило относительно истории и историка новые условия, но что условия эти для достоверности исторической отнюдь не благоприятнее той своеобразной и современной свободы, какую пользовались историки древности и даже средних веков до начала XV столетия. Трудности изменились в свойстве, но они тем не менее действительны, тем не менее очевидны. Если уму человека дано преодолеть их, то ему непозволительно ослепляться насчет положения вопроса. Нemoшь усилий новейшей критики над древностью, за исключением нескольких отдельных пунктов хронологии или какой-нибудь черты нравов, искусства и внешней жизни древних, достаточно признана всеми; но приложение критического ума к современной истории разве много принесло плодов? Если уже теперь чувствуется страшная несоразмерность приготовительных работ с результатами, которых домогается историк из множества открытых ему источников, то не угрожают ли эти трудности сделаться неодолимыми, когда, благодаря типографскому искусству, число книг, с одной стороны, возрастет в ужасающей пропорции, а с другой – дух сомнения, скептицизм, приведенный в систему, окончательно овладеет всеми отраслями знаний человеческих и сделается верховным законом и последним словом нашего разумения?

Граф Уваров.

Поречье.

Июнь 1850 г.

ДЕЛО ГОГОЛЯ, ИЛИ РАССУЖДЕНИЕ О ССОРЕ ПУШКИНА С УВАРОВЫМ

*Ему и горестно, и жаль,
Зачем он путь сюда направил.
Не для истлевших ли могил
Кров безмятежный свой оставил,
Покой свой тихий позабыл?
Пускай бы в мыслях обитали
Сии воздушные мечты!
Пускай бы сердце волновали
Зерцалом чистой красоты!
Но и убийственно, и хладно
Разворожились вы теперь.
Безжалостно и беспощадно
Пред ним захлопнули вы дверь,
Сыны существенности жалкой,
Дверь в тихий мир мечтаний, жаркой! —
И грустно, медленной стопой
Руины путник покидает;
Клянется их забыть душой;
И всё невольно помышляет
О жертвах бренности слепой.*

Н.В. Гоголь

Ред. Красивый эпиграф. Как я понимаю, здесь намек на преподавание Гоголем истории в Петербургском университете. Но все-таки в начале Вы просто нам расскажите, в чем причина или повод ссоры и при чем тут Лукулл. И что Пушкину этот Лукулл?

А.В. Лукулл вот при чем. Дело в том, что граф Алексей Кириллович Разумовский был богат и славен не только своими домами, коллекциями и другим добром, хранившимся и на виду, и под замками. У него были две дочери, которыми он гордился, и два сына от Варвары Петровны Шереметевой, и, кроме того, несколько детей, носивших фамилию Перовские. Обратим внимание на одного из сыновей, являющихся прямыми наследниками.

Помимо двух замужних дочерей, княгини Варвары Репниной и графини Екатерины Уваровой, у графа Алексея было два сына, Пётр и Кирилл от изгнанной из дома жены Варвары Петровны. Пётр получил прекрасное образование, учился в Геттингене. После возвращения в Россию в 1797 году служил лейтенантом в Измайловском полку, где вскоре был произведен в подполковники, а в мае 1830 года получил титул действительного камергера. Он жил вместе с братом в петербургском дворце отца. В конце XVIII века они оказались единственными за-

коннорожденными графами Разумовскими молодого поколения, и как таковых их ожидало огромное наследство. Помимо этого, их холостой дядя граф Николай Петрович Шереметев собирался оставить им свое немалое состояние.

Но этому не суждено было случиться. Пётр сбился с пути, погрязнув в страшных долгах, и отцу пришлось выслать сына из столицы в Одессу к губернатору герцогу Ришелье в качестве «чиновника для особых поручений». Там он снова оказался в окружении всякого сброда, наделал долгов, порвал с семьей и время от времени посылал разгневанному отцу астрономические счета, которые обычно оплачивала мать. В предместье Одессы у моря Пётр выстроил себе дом с целым лабиринтом подземных ходов, где можно было скрыться от незваных гостей. Возможно, этот потайной лабиринт служил укрытием партизанам во время войны 1941–1945 годов при оккупации Одессы немцами.

Мария Разумовская. «Разумовские при царском дворе». СПб. 2004

История семьи Разумовских с ее мистическим богатством, драматическими коллизиями и возвышенными страницами, как никакая другая, наполнена реальными событиями, похожими на легенды, и легендами, которые выглядят вполне правдоподобно. Дом (или дома) Петра Алексеевича не меньше, чем дворец Миноса, поражали воображение. Оранжереи и вольеры для птиц со стеклянными стенами («хрустальные сени»), лабиринт – все создавало почву для бесконечных мифов. Но особенно «постарался» сам хозяин. Так или иначе, но не оказалось ни одного свидетеля, который видел бы мертвое лицо Петра Алексеевича. «Умер» он в июле 1835 года, а осенью Пушкин пишет «Оду на выздоровление Лукулла».

Оценки стиля жизни и поведения Петра Разумовского меняются на глазах одного поколения: от блудного сына, расточающего отцовское богатство и пропивающего наследство, до романтического Креза, то ли сгоревшего в костре, то ли в последний момент избавленного Аполлоном.

Ред. Я прочитал в Интернете любопытный рассказ об одном из Разумовских, который умер в Одессе 18 июля того же года. Но там он называется Петром Кирилловичем.

А.В. Не понимаю. Не знаю, о ком речь. Быть может, там опечатка? Конечно, речь идет о брате жены Уварова. И Уваров вел себя вполне естественно в этой ситуации.

Впрочем, все это не играет никакой роли. «Ода» не является обвинением. И в этом ключевом эпизоде, и в дневниковых записях, и в разговорах, со стороны Пушкина видны и досада и раздражение, и оскорбленное чувство. Какая разница, кто там был Лукуллом? Зачем это нам? Такие вещи на суде не рассматриваются! Есть иерархия причин для каждого события, и от цели зависит, какую из них вы выбираете. Если вам нужно обвинить кого-либо, то одно, а если заглушить ссору, то другое. Зачем вам тогда причина? Дело ведь не в том, кто бросил спичку, а в том, почему полыхнуло. Если бы не это, то вся история так и осталась бы в истории как некоторое *qui pro quo*. Как, например, в случае с В.А. Соллогубом.

Ред. Но «оду» Пушкин на Соллогуба не сочинял. И ода, надо сказать, весьма злая. До неприличия. При том что в 32 и 33 годах их отношения были вполне миролюбивы. Что-то произошло после этого. Могу себе представить, например,

что Пушкин вынужден был попросить в долг у Уварова, у которого не хотел одолжаться, а в ответ получил отказ с выговором. Или что-то в этом роде.

А.В. Только Пушкин не стал бы просить у Уварова для себя.

Чтобы понять, попробуем найти какое-либо указание на то, когда в последний раз Пушкин был в «нормальных отношениях» с Уваровым.

А.С. Пушкин – Н.В. Гоголю

<13 мая 1834. Санкт-Петербург>

Я совершенно с Вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова, и к стати о смерти Телеграфа поговорю и о вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, его ожидающему. А ось уладим.

Ну а вот чем кончился этот визит.

Н.В. Гоголь – А.С. Пушкину

<Май 1834. Санкт-Петербург>

Я вчера был у Уварова. Ничего я не могу вам сказать утешительного для себя. Если бы я был в таком состоянии, как вчера, я бы явился к вам. Но теперь я так зло захворал, что никуда не могу носа показать. Если вы будете в нашей стороне и станете проходить мимо Малой Морской, то будьте великодушны и загляните ко мне страдающему и телом и духом. Я имею вам кое-что сказать.

Вечно Ваш Н. Гоголь

Ред. То есть вместо помощи Пушкин с Гоголем получили выговор? Или столкнулись авоська и небоська с уваровской железной волей? Что ж тут удивительного, если люди, которых Вы порицаете, обиделись на Уварова из-за Пушкина?

А.В. Да не из-за Пушкина, а из-за спины Пушкина.

Ред. И все-таки я больше доверяю реакции Пушкина, чем Вашей реконструкции событий.

А.В. А я больше доверяю Плетневу и Жуковскому, которые отнеслись к происшедшей ссоре так, как она того и заслуживала, то есть никак. Надеюсь, что время закроет эту тему. Почему тема не закрылась, мы уже говорили. И это важнее недоразумений, создавших повод для ссоры. Тем не менее, поскольку вы спросили, я пытаюсь ответить, то есть «реконструировать события».

И конечно, надо начать с недоразумений, порожденных психологическим треугольником: Пушкин – Гоголь – Уваров. Все трое – совершенно разные люди. Все личности, личности незаурядные, каждый с непростым характером. Очень непростым. Чтобы охарактеризовать Уварова, надо взять портрет, созданный Вигелем, осознать, что это шарж, причем шарж, написанный со злым умыслом, убрать утрировку, и вы получите примерно ту краткую характеристику, которая была дана П.А. Плетневым в его речи «Памяти Сергея Семёновича Уварова», читанной 29 декабря 1855 года на торжественном заседании Императорской Академии Наук.

28 января 1818 года в собрании императорской Академии наук присутствовали академики: Озерецковский, Фус (Николай), Шуберт, Севергин, Захаров, За-

горский, Севастьянов, Вишневецкий, Шерер, Круг, Петров, Френ, Герман, Шлегельмильх и Колинс. В это собрание ученых, столь известных свету сочинениями, прибыл молодой человек лет тридцати, прекрасной наружностью, с явными привычками к высшему светскому обществу. Для него приготовлено было посреди Академиков почетное место, которое занял он без притворной застенчивости, с сознанием своих прав и некоторого достоинства. Обращаясь к собранию, он открыл заседание одушевленной речью, в которой прежде всего изобразил, как ему лестно быть Президентом в Академии, с давних пор пользующейся заслуженною славою.

Вернемся в 1834-1835 годы, которые были весьма напряженными для нового министра Народного просвещения. Скандальная история с Жобаром продемонстрировала множество изъянов в системе университетского образования. Помимо введения отчетливой структуры управления и системы материального обеспечения, которые устраняли дикие диссонансы, Уваров уделял внимание множеству других мелких и значительных преобразований. Достаточно полное представление об объеме и серьезности этой работы можно получить из фундаментального труда Ф.А. Петрова «Формирование системы университетского образования в России», тт. 1-4, МГУ, ГИМ, 2002-2003 гг. Одну проблему, на которую обращает внимание Ф.А. Петров, хотелось бы выделить. Это переход от «наивного» стиля обучения к профессиональному, высокого уровня.

Можно выделить средства и создать массу университетов, студенты которых получают «университетские корочки». Однако количество хоть и переходит в качество, но далеко не всегда это новое качество является желаемым. Сама по себе новая структура управления клиникой, конструкторским бюро, научно-исследовательским институтом или университетом не решает этой задачи, сколь бы хороша она ни была. Естественно, что приходилось решать и кадровую проблему, и иногда это укрепляло тот фон неприязненности к министру, который старательно создавался людьми типа Вигеля или Жобара.

Ред. Как-то уж слишком старательно Вы защищаете Уварова. Это вызывает подозрение. И, кроме того, в народе настолько укоренилось отрицательное отношение к чиновнику, что сколько бы Вы ни приводили доводов в пользу Уварова, симпатии будут на стороне поэта. За Вашими хитросплетениями вряд ли кто-то будет специально следить.

А.В. Укоренилось не столько отрицательное отношение, сколько ощущение того, что чиновники образуют отдельную касту.

Ред. Причем эта каста не слишком задумывается о судьбе отдельного человека, а образует машину, едущую по своим правилам. И за структурой управления и проблемами реформирования не видит личности и ее интересов.

А.В. Давайте посмотрим, так ли уж небрежно относился Уваров к судьбам людей? Наверное, если очень старательно искать, то можно найти примеры и отрицательно характеризующие Уварова, но мне это не удалось. А вот других примеров достаточно много.

Первый пример. С.С. Уваров (СПб) – В.А. Жуковскому (Дерпт). 16 мая 1816. *Любезный Василий Андреевич!*

Зная вас коротко, и образ мыслей, и душу, не могу избрать другого посредника, а вот именно в каком деле. Феслер, шестидесятилетний ученый, с женою и детьми, жил и писал на берегах Волги; жалованье, получаемое из Комиссии Законов, пресеклось, и он остался в совершенной нищете, без приятелей, без отечества, без надежды. Единственная надежда его – быть избранным к профессорскому званию в Дерптском университете. Мы здесь о том уже много говорили и смягчили неумолимого Клингера [попечителя Дерптского университета]. С его стороны препятствий не будет, как мне кажется; все дело состоит в том, чтоб Университет его избрал, – историческая кафедра не занята. Он эту часть знает прекрасно. Нельзя ли по вашим связям с профессорами узнать об их расположении к сему делу? Я не могу тут иначе действовать как приватно; но мне было бы приятно, если б участь этого несчастного старика смягчилась. Мы недаром Арзамасцы.

Утеха – скорби; просьбе – дань!

Вот, любезный друг, о чем я вас прошу похлопотать. Уведомьте меня об успехе. Впрочем, будьте счастливы и Арзамас не забывайте. Прекрасный портрет, написанный Кипренским, стоит перед моим столом.

God bless You!

Старушка

Второй пример. В комментариях к прекрасному изданию «Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского», т. 1, М., 1985, составители упоминают об интересе Жуковского и Уварова к В. Скотту:

Интерес Жуковского к В. Скотту возникает в 1813-1814 гг., о чем свидетельствует его переписка с С.С. Уваровым и А.И. Тургеневым. В августе 1813 г. Уваров пишет Жуковскому: «Я получил на днях кипу английских книг; между прочим все поэмы Сира Вальтера Скотта <...> Когда я окончу чтение их, то к вам препровожу лучшие». Это обещание, вероятно, не было выполнено, так как в марте 1814 г. Жуковский пишет Тургеневу об Уварове: «Он как будто обещался мне английских книг. W. Scott, etc., etc. Нельзя ли ему напомнить?»

Письмо Уварова к Жуковскому, написанное 13 августа 1813 года интересно своими оценками, и я хотел бы процитировать его пространнее:

<...> При сем посылаю я вам письмо мое к Гнедичу о стопосложении; не думайте однакож, чтоб я и от вас требовал строгого наблюдения древних метрических форм. Вы в числе тех, которым предназначено произвольно избирать, или лучшие сказать изобретать формы стопосложения; но кто хочет переводить древних, тот должен непременно следовать их формам. Не всем мое мнение здесь любилось. Не многие занялись разбором моих предположений. Это сухо и трудно; а наша публика свыше Крылова басни ничего не хочет.

Я получил на днях кипу Английских книг; между прочим, все книги Сира Вальтера Скотта. Ein volksdichter im edlen Sinne des Wortes. Когда я окончу чтение их, то к вам препровожу лучшие. Вы познакомитесь с большим оригинальным, с вашим талантом свойственным талантом. Как я ни влюблен в греческую поэ-

зию, но признаться должен, что Шотландские отголоски меня пленяют. Это зависит, конечно, от того, что я сам сын Севера; блистательная поэзия Греков не так к нам близка, как туманные, фантастические изображения северных бардов. Сир Скотт мне очень понравился, я весьма бы желал, чтоб вы когда-нибудь занялись поэмою в его роде. Когда вы прочтете его творения, то вы, конечно, согласитесь со мною <...>

Теперь по поводу «обещания»:

С.С. Уваров – В.А. Жуковскому. 20 декабря 1814.

<...> Надеюсь на будущее с вами свидание, ныне книг вам не посылаю. Southey's Thalaba у меня нет; но я его читал; и он очень посредственный поэт, лучше сказать совсем не поэт. Теперь у Англичан их только два: Walter Scott и Lord Byron. Последний превышает, быть может, первого. В стихах Байрона находил я некоторое сходство с вами; но он одушевлен Гением зла; а вы – Гением добра».

Третий пример. В неприятной ситуации, связанной с известным отзывом на известную работу Н. И. Лобачевского, Уваров поступает, как представляется, достаточно разумно:

С.С. Уваров – М.Н. Мусину-Пушкину. Ноябрь 1834 г.

Милостивый Государь Михаил Николаевич.

Рассмотрев помещенную в N 41 Сына Отечества критику на Геометрию г. Лобачевского, с моей стороны признаю, что, конечно, желательно было бы, чтобы сочинитель сей статьи удержался от некоторых резких выражений, но впрочем не нахожу в оной чего-либо лично оскорбительного для сочинителя, книга которого подвергнута критическому разбору, подлежащему также опровержению. На вышеупомянутые выражения обратил я внимание цензуры и приказал издателю журнала поместить в оном возражения на критику, какие сделает сочинитель Геометрии.

Уведомляю о сем Ваше превосходительство. С совершенным почтением имею пребывать

Покорнейшим слугою Вашего превосходительства С. Уваров

По какой причине Лобачевский не воспользовался предоставленной возможностью, мы не знаем. По этой ли причине у него обострились отношения с Гречем, издателем журнала, или по другим – мы тоже не знаем. Но Уваров поддерживал Лобачевского все время, пока был министром.

*Н.И. Лобачевский (СПб) – М.Н. Мусину-Пушкину (Казань).
29 октября 1836 г.*

Милостивый Государь Михаил Николаевич.

На третий день моего приезда представился я г-ну министру, который, прочитав Ваше письмо, принял меня весьма ласково и говорил со мной около двух часов. Сколько могу сообразить, разговор был о настоящем положении нашего университета, о близком его преобразовании, об особенном его назначении, для которого в нем учреждены кафедры восточные, особенно монгольского языка, наконец, об улучшении гимназий, с которым надобно достигнуть той цели, чтобы русское дворянство воспитывалось в общественных заведениях.

«Отдаю должную справедливость, сказал г. Министр, заслугам Михаила Николаевича, который поставил ваш университет на такую степень совершенства, несмотря на ничтожество, куда был он приведен прежним попечителем Магницким с этим мистицизмом, не правда ли».

– Я воспитанник университета и был свидетелем всех перемен. Припоминаю, что в нем число студентов было некогда 80, а теперь у нас до 250 человек. – «При Магницком он верно бы совсем опустел». – Теперь остается сделать преобразование к новому Уставу. – «Вы напишите к Михаилу Николаевичу, что это скоро последует. Мне нужно с ним посоветоваться, чтобы оставить при лучшем выборе достойных преподавателей, из которых, вероятно, найдутся запоздалые в своих науках». – Ваше высокопревосходительство, я слышал, от Михаила Николаевича, что сам он сюда будет этою зимой, так без сомнения не скроет пред Вами все свои мнения. – «Да, мне надобно с ним об этом посудить, но напишите ему, чтобы он не спешил своим приездом, покуда я сам не предуведомлю. Вот когда отпуск сумм будет уже решенное дело, то я не замедлю сам уведомить. Я прилагаю все старание, так же как и забочусь об участии тех профессоров, которых потребуется заменить другими». – Ваше высокопревосходительство, все вообще наши ученые нуждаются в содержании и потому ждут с нетерпением преобразование университета. Например, профессор Шарбе с многочисленным семейством едва может себя пропитывать и сколько-нибудь пристойно жить. – «А каково он преподает?» – Он отличный профессор. – «Каковы ваши молодые преподаватели?» – У нас их двое: Гг. Скандовский и Котельников. Первого знаем мы как нашего воспитанника, ожидали много хорошего и не ошиблись. Он время провел не напрасно и теперь к своим познаниям присоединил усердие и трудолюбие по должности. Г. Котельников с должными дарованиями, знает хорошо свой предмет, которому предан, но несколько застенчив, что составляет в преподавании недостаток, но который, без сомнения, пройдет. Тут г. Министр начал говорить о монгольском языке, о важности его в России и что он недоволен Адъюнктом Поповым, который худо доказывал свою благодарность университету. «Я воспротивился, прибавил он, увольнению Попова, будучи совершенно согласен с Михайлом Николаевичем. Теперь он должен быть довольный своим начальством, получив награды; того менее жаловаться, когда университет преобразуется. Вот вам, г. Ректор, предложат, и на вас я надеюсь, что вы будете уметь как соглашать три разнородные элемента, из которых университет составится, старые русские профессора, иностранцы и молодые преподаватели. Это вам тем легче будет выполнять, со введением Нового устава занятия ваши сделаются ограниченнее и, следовательно, гораздо легче. Да, что касается собственно до университета, то здесь сомневаться нечего, что все пойдет хорошо; но гимназии, вот их-то надобно устраивать. В каком состоянии ваши казанские?» – В Казани две гимназии в отлично хорошем состоянии. – Но зато в других городах еще плохи. Вы сами видели Нижегородскую и Симбирскую. Ваше суждение справедливо. Теперь я могу вам лично сказать и прошу вас распространять ту мысль, на которой хотел основать и все воспитание юношества. Зачем скрывать благонамеренную цель? Мне хочется, чтобы при гимназиях были пансионы, чтобы здесь воспитывалось дворянство. В Петербурге уж этого я

достигнул. Осмотрите здесь университет и все учебные заведения. Вы увидите здесь детей именитых русских дворян на первых скамьях, потому что они лучше других успевают». – Я желал бы, ваше высокопревосходительство, видеть также Дерптский университет. – «Хорошо сделаете. Он немецкий и останется таким; но посмотреть его надобно. Когда посмотрите здесь учебные заведения, то мы с вами увидимся. Напишите же Михаилу Николаевичу, чтобы он не спешил приездом; я его уведомяю».

А.М. Княжевич мне тоже сказывал, что по новому штату предполагается отпустить суммы на Харьковский и Казанский университеты, однако ж с некоторым ограничением, как этого потребовало нормальное назначение 7 миллионов для Министерства народного просвещения. Это же слышал я от г. Новосильского, у которого был накануне, чтоб узнать, когда могу представиться г-ну министру. Разговорившись с г. Новосильским, узнал я, что все рассказы о Дерптском университете ложны и что в Москве запрещен журнал «Телескоп», а цензор А.В. Болдырев отставлен от этой должности.

*С отличным уважением и совершенной преданностью
честь имею называться Вашего превосходительства
покорнейшим слугою Николай Лобачевский*

Нужно сказать, что Уваров действительно заботился об участии тех профессоров, которых потребуется заменить другими. Но это длинная и особая тема. Основная тема нашего разговора – почему Уваров отказал Пушкину и отказал ли.

Даже если бы Уваров и просто отказал Гоголю, то и в этом случае можно было бы его понять. Как, впрочем, и досаду Пушкина. **Мы недаром Арзамасцы. Утеха – скорби; просьбе – дань!** Что же произошло и почему же эта дань не была отдана – это вопрос, ответ на который нам и хотелось бы получить. Причем всё, что произошло, произошло в промежутке между 1834 и серединой 1836 года. Как раз тогда, когда Лобачевский пишет свое письмо попечителю, Гоголь уже за границей и пишет свое письмо Марье Петровне, одной из своих учениц, в котором тренирует свою руку. Оно длинное и забавное. Вот кусочек:

Было в исходе первого часа, когда я прибыл в Веве. Я отправился в Hotel de Fanson. Обедало нас три человека: я посреди: с одной стороны почтенный старик француз с перевязанною рукою и орденом, а с другой стороны — почтенная дама, жена его. Подали суп с вермишельями. Когда мы все трое суп откушали, подали нам вот какие блюда: говядину отварную, котлеты бараньи, вареный картофель, шпинат со шпигованной телятиной и рыбу средней величины к белому соусу. Когда я откушал картофель, который я весьма люблю, особливо когда он хорошо сварен, француз, который сидел возле меня, обратясь ко мне, сказал:

— Милостивый государь...

Или нет, я позабыл, он не говорил «милостивый государь», он сказал:

— Monsieur, je vous servis этою говядиною. Это очень хорошая говядина.

На что я сказал:

— Да, действительно, это очень хорошая говядина.

Потом, когда принял говядину, я сказал: Monsieur, позвольте вас попотчевать бараньей котлеткою. На что он сказал:

— С большим удовольствием. Я возьму котлетку, тем более что, кажется, хорошая котлетка.

Потом приняли и котлетку и поставили вот какие блюда: жаркое цыпленка, потом другое жаркое — баранью ногу, потом поросенка, потом пирожное — компот с грушами, потом другое пирожное — с рисом и яблоками. Как только мне переменили тарелку и я ее вытер салфеткой, француз, сосед мой, попотчевал меня цыпленком и сказал:

— *Puis je vous offrir* цыпленка? На что я сказал:

Ред. Я думаю, что не стоит приводить письмо полностью. Я его знаю по книге П.А. Кулиша о Гоголе, а читатели легко найдут полный текст в Интернете, где эта книга помещена. Состояние Гоголя, которое обнаруживает это письмо, я бы сравнил с ощущением счастья, которое испытывает русский человек, мучавшийся целый год, чтобы на пару недель попасть в атмосферу «олл инклюдед». Оставим шведский стол, *questa gloria da stronzi*, нашему обывателю. «Ведь он этого достоин!»

А.В. Я не ожидал такой реакции.

Тот, кто не имеет «Мертвых душ» для напечатания, может, разумеется, вести себя непогрешительнее Гоголя и быть гораздо проще в своих поступках и выражении своих чувств.

П. В. Анненков. Н.В. Гоголь в Риме

Ред. Про меня не будем. А вот «Мертвые души» были попозже написаны.

А.В. Я думаю, что на девяносто процентов уже тогда. Вот знаменитое письмо Гоголя Пушкину от 7 октября 1835 года.

Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия. Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою, мою комедию, которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний. Я сижу без денег и решительно без всяких средств, мне нужно давать ее актерам на разыграние, что обыкновенно делается, по крайней мере, за два месяца прежде. Сделайте милость, пришлите скорее и сделайте наскоро хотя сколько-нибудь главных замечаний. — Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и кажется будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь.

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей [серебром], никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь будет смешнее чорта. Ради бога. Ум и желудок мой оба голодают. И пришлите Женитьбу. Обнимаю вас и целую и желаю обнять скорее лично.

Ваш Гоголь.

Мои ни Арабески, ни Миргород не идут совершенно. Чорт их знает, что это значит. Книгопродавцы такой народ, которых без всякой совести можно повесить на первом дереве.

Я хотел показать состояние души Гоголя, для которого этот год можно было бы сравнить с болдинской осенью Пушкина, если бы преподавание в университете не накладывало свой отпечаток. Из письма Жуковскому 15 июля этого же года: «Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество, так что если бы не жаркое лето, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьев».

Через несколько месяцев, формально 31 декабря 1835 года, Гоголь-Яновский был уволен от должности адъюнкта по кафедре истории «по случаю преобразования Санкт-Петербургского университета». Несколько ранее, 6 декабря, он пишет М. Погодину:

Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный козак. Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее. Но в эти полтора года — годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся — в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души.

Большинство биографов Гоголя, описывая этот период, не слишком расходятся в оценках и мнениях. Приведу характерное описание А.Н. Пыпина из книги «История русской литературы», том IV.

История его профессуры известна, и с нынешней точки зрения не может не казаться крайней самонадеянностью это искание кафедры, когда Гоголь имел за собой только посредственно оконченный курс в плохой «гимназии высших наук», когда и теперь он мало восполнил свои познания, и когда наконец он был видимо не способен к научной работе, требующей настойчивого труда совсем иного свойства, чем труд художественный. Объяснением, если не извинением, этой странности может быть тогдашнее общее положение дела: неспособности Гоголя к профессуре не видел не только он сам, но не видели друзья, Пушкин и Жуковский, которые, напротив, бывши однажды на его лекции (заранее подготовленной), пришли даже от нее в восхищение; не видел, наконец, Уваров, министр народного просвещения, вероятно подкупленный похвалами этих важных друзей Гоголя. Не были вообще высоки и тогдашние требования от профессора: компетентных судей учености было слишком мало; в самом петербургском университете профессура была обставлена так слабо, что когда вскоре вводился новый университетский устав (1835 г), то найдено было нужным устранить около дюжины профессоров, которые не могли удовлетворить его требованиям, — в их числе оказался теперь и Гоголь...

Во время своей профессуры Гоголь прочел, кажется, только две лекции, над которыми постарался и которые были эффектны в его чтении: одну он прочел при начале курса, а другую — вне связи с другими лекциями — в тот раз, когда в его аудиторию пришли Пушкин и Жуковский; все остальное, по словам его тогдашних слушателей, было именно сухо и вяло; сам профессор видимо тяготился лекциями и часто пропускал их совсем. Не удивительно, что при введении нового устава он был просто устранен...

Эти две лекции были тогда же напечатаны; ученого достоинства они не имеют и не могли иметь, но Гоголь собрал ряд эффектных картин, громких, пре-

увеличенных выражений, словом дал художественный очерк, что было бы невозможно выдержать в течение курса; притом, это не была бы история...

Не будем повторять выражений, в каких он настраивал своих друзей действовать, когда шла речь о киевской или петербургской кафедре. Столь же неприятна грубая манера, с какой он говорил о своих ученых затеях, когда хотел «дернуть» историю Малороссии, «хватить среднюю историю томиков в восемь или девять», «удрать» необыкновенное издание песен, или о прекращении своей профессуры говорит, что «расплевался с университетом».

Добавлять еще какие-то новые краски в описание этого периода достаточно опасно, вроде бы слишком уж здесь все хорошо изучено литературоведами. И тем не менее.

Какую услугу оказывает биограф своему герою, когда, вместо того чтоб пояснить сущность его стремлений и благородство его целей, принимается разрешать противоречия, неизбежные в такой жаркой, лихорадочной жизни, и старается связать их скудной ниткой произвольных толкований, которая еще и рвется ежеминутно в руках исследователя?

П. В. Анненков. Н.В. Гоголь в Риме

Все так. Да так ли уж так? Слишком уж очевидно. Слишком уж навязчиво приводятся одни и те же аргументы и те же самые цитаты. Однако если мы продолжим письмо про то, как его автор «расплевался с университетом», то получим нечто другое:

Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия мысли волновали меня... Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку! Вас никто не знает. Вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения, когда вы исторгнетесь с большею силою и не посмеет устоять бесстыдная дерзость ученого невежи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и проч. и проч... Я тебе одному говорю это; другому не скажу я: меня назовут хвастуном, и больше ничего. Мимо, мимо всё это! Теперь вышел я на свежий воздух. Это освежение нужно в жизни, как цветам дождь, как засидевшемуся в кабинете прогулка.

Гоголь. Письмо М. Погодину. 6 декабря 1835

Красиво сказано! Может быть, это лишь красота слов? Но ведь есть записки Гоголя, его конспекты. Конечно, это лишь записки и лишь конспекты, написанные для себя, без всяких подзаголовков типа «а если можно, то и для других». Но мне было читать интересно. Так или иначе, но «дверь в тихий мир мечтаний» была перед ним захлопнута.

И слишком уж навязчиво проявляется портрет этакого немножко юродивого Гоголя, которого мы, конечно, все любим и почитаем за гения, и поэтому снисходительно относимся к тому, что он сел не в свои сани.

Уже дописывая предыдущую строку, я вспомнил, что первое мое свидание с Гоголем происходило гораздо раньше, чем я сказал вначале. А именно: я был одним из его слушателей в 1835 году, когда он преподавал (!) историю в

С.-Петербургском университете. Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом. Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две, во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре — он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран — и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории и что г. Гоголь-Яновский, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки». На выпускном экзамене из своего предмета он сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли — с совершенно убитой физиономией — и не разевал рта. Спрашивал студентов за него профессор И. П. Шульгин. Как теперь вижу его худую, длинноносую фигуру с двумя высоко торчавшими — в виде ушей — концами черного шелкового платка. Нет сомнения, что он сам хорошо понимал весь комизм и всю неловкость своего положения: он в том же году подал в отставку. Это не помешало ему, однако, воскликнуть: «Непризнанный взмошел я на кафедру — и непризнанный схожу с нее!» — Он был рожден для того, чтоб быть наставником своих современников: но только не с кафедры.

И. С. Тургенев

В общем-то, цель моя достигнута. Пушкин просил у Уварова за Гоголя, Гоголь остался без места. Причины отказать у Уварова были и достаточно веские, Пушкин оскорбился, поскольку если бы не было причин, то ему и просить не надо было. Но ведь он не просто просил. Он просил у арзамасца: «Утеха – скорби; просьбе – дань!»

И, тем не менее, что-то не так. Слишком уж хорошо просматривается снисходительное похлопывание по плечу – мол, не бывает гения без признаков безумства. И описания преподавательских неудач Гоголя множатся, как будто изображение выдуманных сцен юриводности есть признак художественности биографии.

Несколько более сдержанное и, по-видимому, наиболее близкое к истине описание всей истории с историей дал Н. И. Иваницкий в статье «Гоголь — адъюнкт-профессор». Но и это описание сделано со студенческой скамьи.

А у этой студенческой скамьи есть свои особые свойства.

Во-первых, – это не связано с качеством преподавания – первая лекция всегда отличается заполненностью аудитории, ее посещают все студенты, а далее посещаемость начинает падать, особенно если лекция в первые часы. Тем более это характерно для Петербурга, когда осенним утром промозгло, а квартирная хозяйка только-только затопила печь.

Во-вторых, если кто-то настроил аудиторию в том смысле, что лектор не знает предмета, то мало что поможет. И легко усилить это настроение, парой действительно неудачных лекций, прочитанных в болезненном состоянии.

В-третьих, лектор может и готовиться, причем готовиться и даже написать конспект. Например, про *тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда,*

лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество – широкая, разгульная замашка русской природы, – и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак».

Но вот взошел он на кафедру, приготовил свою поэму, начал читать почти наизусть, кажется что наизусть, ибо не нужно ему было искать слова, но взглянул на студентов, которые начинают засыпать, уставшие после ночных бдений, и чувствует себя как птица, долетевшая до середины Днепра, – и дальше лететь нет сил и повернуть назад поздно.

Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия, что значит не встретить отзыва? Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я решительно бросаю теперь всякую художественную отделку, а тем более желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю в даль и вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитую через год. – Хоть бы одно студенческое существо понимало меня. Это народ бесцветный, как Петербург.

Гоголь. Письмо М.Погодину. 14 декабря 1834

В-четвертых, опасно шутить на лекции. Во всяком случае, не в любой аудитории это можно делать. Особенно, если в ней присутствуют будущие мемуаристы. Более того. Я бы развернул и критику.

Ред. Не думаю, что имеет смысл обсуждать в деталях эту тему. Если мы начнем обсуждать, то уйдем в такие глубины, из которых трудно будет выбраться. Ясно, что Гоголь не был глупым человеком, наверное, он стал бы и интересным профессором истории, но сейчас неплохо было бы вернуться к Уварову.

А.В. Вот тут-то и зарыта собака. Во-первых, заметим, что произошло с кафедрами истории в это время. Несколько позже развивалась карьера Соловьева, который занял кафедру истории в Московском университете, затем стал деканом, затем ректором этого же университета.

Но в то время, о котором мы говорим, то есть в 1834 году, кафедру истории средних веков в Киевском университете, о которой мечтал Гоголь, занял Владимир Францевич Цых, человек, безусловно, достойный ее занять. В следующем году он становится деканом, а затем ректором Киевского университета.

В это же время Иван Петрович Шульгин занимает кафедру новой истории, на которой работает и Гоголь, становится деканом историко-филологического факультета, а затем ректором Санкт-Петербургского университета.

Гоголю не остается места во вновь образующейся системе профессионально преподавания истории в основных университетах России. *«Сыны существенности жалкой, пред ним захлопнули вы дверь».*

Но и во-вторых! Не знаю другого случая, чтобы Пушкин слушал чьи-либо публичные лекции. Не думаю, что Пушкин не понимал, что значит преподавать историю и какие основания нужны для того, чтобы занять кафедру. Не думаю, что его поддержка была просто «дружеской». Но, в конце концов, это не важно. Главное, что она была. И как раз в это время, когда И.П. Шульгин становится ректором в университете, переезжающем в новое здание – здание Двенадцати коллегий, Гоголь, а вместе с ним и Пушкин получают отказ. Было ли это оскорблением для Пушкина? Конечно. И уже в начале 1835 года появляются в записях Пушкина резкие, до неприличия, записи в адрес Уварова. Но вопрос не в этом. Вопрос другой: а как бы современные историки посоветовали бы поступить Уварову? И так ли уж Уваров не нашел, как более разумнее поступить в этом случае.

Но это уже детали, и о них в следующем номере. Как, впрочем, и о преподавании истории.

Дело Жобара

Хватает пса за уши, кто, проходя мимо, вмешивается в чужую ссору.

Как притворяющийся помешанным бросает огонь, стрелы и смерть, так – человек, который коварно вредит другу своему и потом говорит: «я только пошутил».

Где нет больше дров, огонь погасает, и где нет наушника, раздор утихает.

Уголь – для жара и дрова – для огня, а человек сварливый – для разжжения ссоры.

Слова наушника – как лакомства, и они входят во внутренность чрева.

Притч.26:17-21

- 1. Письмо Кондырева Салтыкову.**
- 2. Жобар, Иван Баптист Альфонс.** Из биографического словаря Н.П. Загоскина.
- 3. Жобар и Пушкин.** Сообщение В.В. Никольского.
- 4. Н. Агафонов.** Из «Заволжской вивлиофики».
- 5. В. Андреев.** Представители власти в России после Петра I.
- 6. Записка специального комитета Казанского университета.**
- 7. Никольский Григорий Борисович.** Из биографического словаря Н.П. Загоскина.
- 8. Донесение ректора Г.Б. Никольского попечителю.**
- 9. История преподавания французского языка.** Записка Д.А. Корсакова.
- 10. Выписка из дела об увольнении профессора Жобара.**
- 11. Выписка из протокола Университетского Совета.**
- 12. Указ Его Императорского Величества.**
- 13. Прошение с напоминанием о награде.**
- 14. Прошение в Совет с припиской Г.Б. Никольского.**
- 15. Письмо Жобара Уварову.**

P.S. Хорошо известная переписка Жобара и Пушкина представлена в Полном собрании сочинений А.С. Пушкина, а также на многочисленных интернет-ресурсах.

Отдел рукописей библиотеки
им. Лобачевского Казанского университета. Ф 2.Н 4842.

Письмо Кондырева к Салтыкову

Это письмо писано по отъезду Магницкого из Казани

Ах, Ваше Пр-во, из всего явственно, что хотят наш Университет разрушить, и верю совершенно изъясненному в письме Вашем расположению к тому М.Л. Магницкого. Он везде ругал наш Университет. Я не удержался по характеру своему противоречивому и утверждал о необходимости народной образованности. На примере представил ему поселян наших и Немцев.

Он не сказал ни слова, но верно на меня сильно рассердился. В его предложении Совету, мы Бог знает почему обвиняемся в безбожии и безнравственности и многое сказано то, чего никак доказать нельзя, спорить с ним мы не можем, а ему говорят, и нас безвинно обвиняют.

Нас укоряет в том, что конечно может быть причиною разрушения Университета, в том обвиняет, что весьма близко сердцу Государя и министра: видимо намерение. Разве вы позабыли слова в его предложении, что почти вчера и недалеко от сего самого Университета пылали дома и храмы нашей столицы, выжженные пламенником так называемого просвещения. Чего ожидать после сего?

Все у нас охуждено и разругано. Мы в презрении у города, даже у подлых приказных. Боже мой! Какое повсюду уныние, какая горесть на лицах. Чего нам ожидать? Чего надеяться? Сила всё может сделать!

**Н.П. Загоскин. Биографический словарь
профессоров и преподавателей Казанского университета**

Жобар, Иван Баптист Альфонс, профессор греческой и латинской словесности и французской литературы. Родился в 1793 году в Басси, близ Лангра. Получил начальное образование лангрской коллегии, а затем учился в Митавской гимназии, по окончании в 1817 году курса в которой определен в рижскую гимназию учителем французского языка. В 1820-22 годах состоял преподавателем французского языка в Смольном монастыре в С.Петербургском женском училище военно-сиротского дома.

По предложению покровительствовавшего ему попечителя Магницкого, 15 апреля 1822 года избран и 29 июня утвержден ординарным профессором Казанского университета по кафедре греческой и латинской словесности, с жалованием по обеим. 19 сентября 1823 года, взамен греческой словесности, на кафедру которой назначен проф. Мистаки, поручено ему преподавание французской литературы.

Возбужденные Жобаром советские скандалы и столкновения с ректором были причиной увольнения его 5 сентября 1824 года из университета, с испорченными документами, а следом затем и высылка из России. Только в 1832 году окончились (не в пользу некоторых профессоров университета) действия особой министерской комиссии, назначенной для расследования дела Жобара. Был жив еще в 1845 году, проживая в Вене.

Печатных трудов не имеет.

Русская старина, 1880, т. 60, стр. 555-564.

Жобар и Пушкин

Сообщил В.В. Никольский

М.А. Веневитинов представил в мое литературное распоряжение целую пачку документов по делу профессора Жобара. С благодарностью пользуясь данным мне правом, спешу сообщить из этого дела несколько документов, открывающих ещё одну печальную страницу в истории последних дней Пушкина, когда испытания и потрясения падали на измученную душу поэта даже с таких сторон, откуда не только нельзя было их ожидать, но и существования которых невозможно было подозревать.

Один из таких «камней на голову» упал из рук Жобара.

... ..

Ограничимся только кратким перечнем главнейших фактов его биографии, пользуясь послужным списком, который он сам издал в 1854 году, в Вене, под громким заглавием: *Extrait de mes me'moires sur la Russie.*

Альфонс Жобар (Jobard) родился в 1793 году во Франции, воспитывался сначала в Лангре (Langres), потом в митавской гимназии, по окончании курса в которой в 1817 году сделался учителем фр. языка в рижской гимназии.

.....

Известно, что такое был Казанский университет под управлением Магницкого. В это-то гнездо произвола, интриг, ссор, зависти и вражды попал Жобар. Трудно было найти человека, более способного еще сильнее разжечь страсти и усилить волнения. Жобар принадлежал к числу людей, страдающих, если можно так выразиться, нравственным дальтонизмом. Такие люди не только не замечают некоторых цветов в нравственном мире, но иногда все явления его видят только в одном каком-нибудь цвете. Они бывают сухи душой, черствы сердцем. Это, однако же, не исключает в них возможности самой пылкой, горячей страсти. Только эта страсть, направленная не на предметы чувства, а на отвлеченные теоретические идеи, создаёт из них фанатиков. Люди для них не существуют: это только символы преследующей их идеи. Они не знают ни прощения, ни пощады, ни снисхождения. Они не способны ни понять другого человека, объяснив себе его побуждения, ни принять во внимание его интересы, когда с ним сталкиваются, ни тем более подумать о последствиях своих поступков для других людей. Для них нет ни оценки, ни выбора средств: всякое средство хорошо, коль скоро оно логически ведет к цели.

Не будучи нисколько лицемерами, напротив искренние в своем убеждении (правом или неправом – этого они не разбирают), они бессознательно следуют езуитскому принципу.

Беспощадные как логики, упрямые как теоретики, эти люди не имеют никаких интересов вне своей идеи и бывают готовы выдержать за неё самую упорную борьбу, вытерпеть всевозможные страдания. Зато в защите своей идеи они обнаруживают изумительную силу ума, самую изворотливую диалектику, несокрушимую изобретательность.

Для Жобара такой властвующей идеей была идея формальной справедливости. Он не знал, что справедливость есть только внешнее выражение другого, более широкого и внутреннего требования человеческой природы – нравственной правды. Жобар знал только закон, и притом закон писанный, и вне его не признавал ничего.

Еще в 1854 году он не переставал требовать от русского правительства 200 000 фр. жалованья за те годы, когда он не только не читал лекций в университете, но даже и не жил в Казани ...

Многие его поступки носят бесспорно отпечаток высокой честности, но рядом с ними мы встречаем действия до того низкие и недостойные, что затрудняемся приписать их одному и тому же лицу.

.....

Мы не знаем, какие особенные причины предубеждали Уварова против Жобара, но именно Уварова последний считал своим величайшим врагом. Ещё Магницкий пустил в ход мысль о «расстройстве идей» Жобара; этою мыслию воспользовался и Уваров, когда Жобар 2 мая 1835 года успел, где-то на улице Петербурга, подать императору Николаю Павловичу следующую записку:

Sire,
Daignez m'entendre
Jobard

Но, Жобар добился освидетельствования в московском губернском правлении, присутствие которого, 20 июля 1835 года, нашло его «совершенно в здравом состоянии рассудка». После этого ожесточение Жобара не знало пределов. К Пасхе 1836 года, он послал Уварову и распространил в публике письмо под заглавием: «Mon oeuf de Pâques», в котором пытался доказать, что ученые труды Уварова, как-то: исследование об элевзинских таинствах и др., принадлежали не ему, а профессору Грефе.

Нетрудно видеть, как должен был отравлять жизнь министру такой ожесточенный и неотвязчивый враг. В самый разгар этого ожесточения появилась известная ода Пушкина: «На выздоровление Лукулла», направленная ...

.....

Среди тревог своей жизни, Пушкин, конечно, желал, чтобы эта вспышка была как можно скорее забыта. Но тут-то его злым гением и явился Жобар.

Н. Агафонов.

Заволжская вивлиофика. Казань, 1887 г., вып. 1

Рассказывая о другой персоне, Павле Сергеевиче Сергееве, профессоре Казанского университета, Н. Агафонов пишет:

... Был секретарем Совета и в этой должности подвергся взысканию, вместе с попечителем и ректором, по делу профессора Жобара, полусумасшедшего француза, известного крайне беспокойным поведением.

Этот Жобар был профессором в Казанском университете около двух лет и своим неуживчивым и сварливым характером вооружил против себя всю университетскую коллегию. В самом деле, человек, получавший 10 000 руб. содержания (он занимал две кафедры, благодаря всемогуществу Магницкого), был в тоже время источником постоянных раздоров и смут в публике и стенах университета. Ни одно заседание совета не проходило без скандала, если на нём присутствовал Жобар. Однажды он до того довел ректора, кроткого и деликатного К.Ф. Фукса, что тот вынужден был дать приказание вывести Жобара из залы заседания, что и было исполнено. А вскоре после этого случая, все профессора, в полном составе, пришли к Магницкому и сказали, что они не будут более служить с Жобаром и что или он, или они должны оставить службу. Жобар был уволен.

Очень любопытный эпизод о Жобаре помещен в книге англичанина Турнерелли, хотя в деталях не совсем сходный с действительностью. Перевод этого рассказа о Жобаре сделан в книге В.В. Андреева: «Представители власти в России после Петра I», изд. 2-е, СПб. 1871 г.

Вся вина секретаря Совета Сергеева заключалась в том, что он, вместе с ректором, вопреки уставу, привел в исполнение предложение попечителя Магницкого о выдаче орд. профессору Жобару аттестата без одобрения его поведения (с приписанием обвинений, ничем якобы не доказанных).

В. Андреев.

Представители власти в России после Петра I. СПб, 1871, Прил. IV

Николай I и француз Жобар

В книге английского путешественника Торнорелли (Tracy Turnerelli, What I know of the late Emperor Nicholas and his family) «Что я знаю о покойном императоре Николае и его семействе» помещен эпизодический рассказ об отношениях к покойному императору и окружавшим его лицам известного француза Жобара. Рассказ так полон юмора и так типически отделан автором, что нам оставалось привести его в дословном переводе, лишь иногда прибегая к сокращениям. Он заслуживает внимания как материал для истории русского просвещения и как дополнение к другим, уже обнародованным, материалам о Магницком и его деятельности.

Жобар был родом француз. Моя история начинается с того времени, когда он был учителем французского языка в петербургском Екатерининском институте и, как кажется, пользовался особенным расположением к нему императрицы-матери (Марии Федоровны), редко когда при посещении заведения забывавшей спросить у директрисы: «а что наш добрый Жобар? Как он поживает?»

Случилось так, что в это время генералу Магницкому, попечителю Казанского университета, нужен был профессор французского языка для этого университета. Выбор пал на Жобара. Посылают за ним и предлагают ему место.

– Какое жалование?

– 5000 рублей.

– Я получаю 8000 в Петербурге, ваше превосходительство. Я не могу ехать.

Магницкому было это неприятно, но он попробовал вновь.

– Вы знаете по-гречески, не так ли?

– Знаю.

– Настолько, чтобы учить этому языку?

– Да, мне приходилось в моей жизни давать уроки греческого языка.

– В самом деле? И прекрасно! Так вы получите две кафедры в Казани – французского и греческого языков. Теперь вы отправляетесь?

– А что, будет двойное жалование?

– 10 000 рублей.

– Принято, я отправляюсь! – и Жобар отправился домой собраться к отъезду.

Тут надобно заметить, что Магницкий, в своем старании завладеть *monsieur* Жобаром (или, если хотите, *protégé* императрицы) для Казанского университета, превысил свои права и поступил против постановлений, гласящих, что «один профессор не может занимать двух кафедр!» Ничего! Попечитель был всевластен и мог рискнуть на такое ничтожное нарушение статусов университета. Жобар официально назначен был к исполнению двойной должности и отправлен в Казань.

Уже того, что он имел две кафедры и получал двойное жалованье, было совершенно достаточно, чтобы заставить его товарищей недружелюбно глядеть на

пришлеца. Но, может быть, это не составило бы помехи, если бы Жобар по природе не был неуживчивого, беспокойного, сварливого характера, сумасшедший, который был по себе лишь когда схватывался с кем-нибудь, столь же упрямый, сколько раздражительный, так что отсутствие его везде могло предпочесть присутствию.

Попечитель и профессора скоро убедились в этом. Жобар был постоянным источником раздоров и смут в публике и стенах университета. Он препирался и спорил на каждом университетском Совете и однажды дошел до того, что ректор встал и сказал:

– Г. Жобар! Еще одно слово и я велю прислуге вывести вас из собрания.

Это не устрасило Жобара. Он продолжал спорить и был выведен из залы, как грозил ему ректор.

Скоро надобно было убедиться, что дела в университете не могут идти своим порядком, пока Жобар будет в числе его преподавателей. Действительно, несколько времени спустя, все профессора в полном составе, пришли к Магницкому и сказали, что они не будут более служить с Жобаром и что или он или они должны оставить службу.

Положение Магницкого было затруднительно. Жобар был им вызван из Петербурга. Против выполнения им своих обязанностей ничего нельзя было сказать: он трудился много и дельно. Правда это был необузданный и сварливый характер, но в этом не было еще достаточного повода к отставлению его от службы. Профессора, однако, стояли на своем, и Магницкий стал перед дилеммой: видеть удаление из университета 25 ученых или дать отставку Жобару. Он решился на последнее, так как это было легче. Предоставляю юристам судить, в какой степени это было справедливо.

Магницкий посылает за Жобаром и сообщает ему, как только мог любезнее, о требовании товарищей, представляет ему затруднительное положение, в какое он (Магницкий) поставлен и предлагает ему подать в отставку под предлогом нездоровья, обещаясь в таком случае быть ему полезным в иных отношениях.

Жобар отвечал клятвою, что он никогда не поступит так несправедливо в отношении себя. Он был «законно и официально, должным порядком определенный профессор Казанского университета», и профессором он останется, чтобы ни делали 25 его товарищей, и даже при содействии Магницкого, который заставил его отказаться от выгодных занятий в Петербурге, чтобы после бросить без места и копейки денег на границе азиатской России. – Нет, этого никогда не будет!

После этого Магницкий отставляет его на своей личной ответственности и бумага на этот счет подписывается всеми членами университетского Совета.

Жобар получил бумагу и показал вид, что ему остается примириться с судьбою. Товарищам он говорил, что с этой минуты он пропащий человек, что все, что ему нужно – это по крайней мере свидетельство в исправном поведении и способности отправлять свои обязанности, без чего он не может получить другого места. Профессора попались в ловушку. Будучи рады, что избавились от него, они охотно дали ему свидетельство, о котором он просил, и которое описывало его несравненно лучшим, чем он когда-нибудь сам предполагал, или позволял себе заявлять среди других.

– Победа! крикнул Жобар, когда бумага была в его руках. – Если я так умен и учен, то за что же вы отставили меня? Теперь мы примемся за вас, господа! Вы увидите, с кем имеете дело.

Жобар отправился в Петербург и прямо является к министру народного просвещения.

Что мог сделать министр? Положение его было столь же затруднительно, как и Магницкого. Он нашелся в необходимости сказать Жобару, что не видит основания вмешаться в дело.

В отместку Жобар перевел на французский язык сатирическую оду, написанную на его превосходительство знаменитым поэтом Пушкиным, где министр под вымышленным именем обвиняется поэтом в краже казенных дров для топки собственных печей. Эту лестную оду Жобар послал его превосходительству в день рождения последнего, в знак своего почтения и в виде поздравления.

Понравился ли комплимент министру, я не знаю.

Жобар затем отправился к французскому посланнику. Тот поступил так же, как и министр. Число врагов Жобара увеличилось еще одним. Он сказал посланнику, что «у Франции до настоящего времени национальною эмблемою был петух, но что ей теперь следовало бы – по крайней мере насколько это касается ее представителя – избрать вместо петуха «une poule mouillée» – как бы перевести – «мокрую курицу»».

Теперь мы переходим к тому месту в нашей истории, которое относится к императору Николаю.

Жобар, потерпев неудачу у министра просвещения и французского посланника, решил довести свое дело до сведения императора. Он написал прошение и подал его государю. Николай, как мы имели уже случай видеть, был не из тех, которые бы отказали в справедливости иностранцу, если находили его дело справедливым. Он принял его просьбу и велел произвести по ней тщательное расследование.

Следствием было то, что нашли Совет Казанского университета превысившим свою власть и по высочайшему решению Жобару назначено было вознаграждение в 32 000 рублей, с тем, чтобы на составление этой суммы деньги были вычтены из жалования попечителя и членов университетского Совета, подписавших увольнение Жобара.

Каждый человек с здравым смыслом удовольствовался бы этим решением. Но не удовольствовался такой феномен как *monsieur* Жобар. Какая-то мания овладела его умом; он настаивал, что остается по всем правам профессором Казанского университета и что правительство должно восстановить его на прежнем месте.

Он написал вторую просьбу к государю, благодаря его за великодушное решение и прося еще более усилить благодарность просителя возвращением ему места, столь несправедливо отнятого у него. Этого император Николай сделать не заблагорассудил.

Жобар не принимает отказа даже и от всероссийского императора. Он подал его величеству третью просьбу.

Царь «больше из сожаления, чем с досады» послал сказать Жобару, чтобы тот больше не беспокоил его подобными просьбами, и около того времени отправился в Москву.

Николай пешком шел сквозь густую толпу народа в церковь, как вдруг кто-то подает ему бумагу; бумага была прошение и проситель – Жобар.

Император с добродушной улыбкой прошел мимо. Полицейский, заметивший происходившее, арестовал Жобара и тот был отправлен в полицейскую контору для допроса.

Кажется, однако, что император отдал приказание, чтобы француза возможно щадили. Его продержали лишь с неделю в особой комнате при полицейском управлении в надежде, что короткий арест приведет его в себя.

Но и здесь Жобар выказал себя упрямым и сварливым, каким был в университете.

Каждому арестанту принято в России выдавать, если он того пожелает, по несколько копеек на дневное пропитание. Жобару пришло в голову потребовать эту лепту себе. Полицейский офицер принял такое требование за шутку и на спрос подал ему серебряную монету, стоившую в пять раз больше, чем сколько полагалось на арестантский паек.

– Как! вскрикнул Жобар, – так-то вы поступаете с людьми, обвиняемыми в тяжком нарушении закона? Знаете ли вы, сударь, чему подвергаетесь вы, давая мне несравненно более того, что положено по закону? Благодарите небо, что я не хочу повредить вам. Идите, сударь, и принесите мне тотчас точь в точь сколько полагается, ни больше ни меньше.

Полицейский офицер, вероятно впервые в своей жизни встретившийся с человеком такого закала, почесал затылок и с этого времени регулярно приносил арестанту каждое утро следовавшие ему по положению 6-7 фартиггов, которые Жобар положил хранить в знак памяти о своем плене.

Как это ни странно, но Жобар знал русские законы также хорошо как свой *raiter noster* и пользовался этим, чтобы мучить подобным описанному образом даже судейский и полицейский мир. Раз Жобар, будучи позван в допросную комнату при полицейском управлении, занятый своими делами и погруженный в глубокую думу, начал ходить взад и вперед по комнате, забыв снять шляпу. Дежурный офицер подошел к нему с сердитым видом и повелительно заметил:

– Милостивый государь! Вы забываете, что это правительственное учреждение – суд. Смею заметить вам, что вместе и неприлично и непочтительно прогуливаться здесь в шляпе.

– Вы правы, милостивый государь, отвечал спокойным голосом Жобар, снимая шляпу. – Я сделал это по рассеянности и благодарю вас за напоминание.

Несколько часов спустя, по окончании присутствия, тот же офицер, оставшись один в комнате с Жобаром, начал от скуки слегка напевать и насвистывать.

– Милостивый государь! сказал Жобар, подражая ему в голосе и приёмах, – смею заметить вам, что это правительственное учреждение – суд. И я полагаю, что со стороны вашей, как лица, находящегося на правительственной службе, вместе и весьма неприлично и непочтительно забыть в такой степени, чтобы напевать и насвистывать в подобном месте.

Офицер смолк в ту же минуту и не знал, куда глядеть от замешательства. Наступил вечер; офицер подумал, что недурно закурить трубку и поразвлечь скуку несколькими затяжками табаку. Едва однако пришлось ему затянуться несколько

раз, как Жобар остановил его словами: «Милостивый государь! Смею заметить вам, что это суд, и курить, как вы это должны знать, в высшей степени непристойно в подобном месте. Меня удивляет, милостивый государь, что вы подаете такой дурной пример окружающим вас».

Офицер потушил трубку, с сердцем бросил ее в угол комнаты и расстегнул свой узкий мундир, чтобы вздохнуть несколько свободнее и дать простор поднимавшимся в нем чувствам, которые он не смел выразить в словах.

Неумолимый Жобар подошел к нему вновь. – «Вы забываете, сударь, сказал он, – что это правительственное учреждение, суд – храм правосудия, и что здесь, более чем где-нибудь, должно наблюдаться приличие в одежде. Моя обязанность напомнить вам, что вы позволяете себе непростительный поступок, расстегнув свой мундир, будучи на дежурстве. Прошу вас тотчас же, милостивый государь, привести в порядок ваше платье».

Несчастный офицер нашелся в необходимости провести всю ночь в теснившем и душившем его мундире, мешавшем ему даже вздремнуть, сидя на стуле, что иначе он, несомненно, сделал бы.

В другой раз позванный к ответу в один из судов, Жобар решительно отказывался отвечать что-либо на предлагавшиеся ему вопросы.

– Милостивый государь, сказал судья, – я приглашаю вас отвечать на предлагаемые вам вопросы.

– А я, милостивый государь, отвечал впервые тут прервавший молчание Жобар, – приглашаю вас повелеть принести мне стул. Вы забыли, что я имею право на это, как полковник русской службы. Если бы вы поболее оказывали уважения законам, вы предложили бы мне его час назад.

Стул был принесен, Жобар сел, не говорил ни слова по-прежнему, несмотря на все увещания и угрозы.

Жобар был непреклонен в своем упрямстве и настойчивости. После разных допросов и дней, проведенных при полицейском управлении, он наконец был освобожден с тем, чтобы остерегался вновь докучать властям.

Поверить ли этому? Первое, что сделал он по освобождении, была подача пятой просьбы государю, с жалобой на притеснения, которым он, Жобар, подвергся.

– Это решительно сумасшедший! заметил император, получив прошение. – Пусть освидетельствуют его врачи, и если окажется, что он действительно нездоров, то пусть оказана будет ему возможная помощь.

Московский обер-полицеймейстер, на основании этого, послал Жобара в частное заведение для умалишенных, где собрался консилиум для освидетельствования состояния умственных способностей француза. Пока продолжалось предварительное совещание, один из докторов, войдя в комнату и увидев стоявшего у окна Жобара, которого он принял за одного из посетителей, указал ему в саду на пациента, вид которого почти не отличал сумасшествия, но который воображал себя «русским императором».

– Да, милостивый государь, отвечал Жобар, – странно, не правда ли как иные безумцы с виду кажутся в своем уме? Не замечаете ли вы чего-нибудь во мне особенного?

– Ничего! отвечал доктор, не догадываясь с кем ведет беседу.

– Ну, так вот видите: на ваш взгляд я в своем уме, а мне говорят, что я сумасшедший, потому что я воображаю себя профессором Казанского университета.

Доктор в изумлении отступил назад и пошел сообщить другим результат наблюдений над свидетельствуемым, вынесенный им. Расстройство ума Жобара не было достаточно доказано и сверх того частные приказания государя предписывали щадить его, и так, после 5-6 дней, проведенных в заведении для умалишенных, он был отвезен в дом московского генерал-губернатора, кн. Голицына, добродушного старичка, знавшего Жобара лично. Кн. Голицын употребил все усилия, чтобы склонить Жобара покориться решению властей. Жобар спросил его превосходительство, обращается ли он к нему как генерал-губернатор, или как частное лицо. Кн. Голицын уверил его, что им руководит личное участие к нему, Жобару, и что на этом основании он берет на себя дать ему совет. Жобар не уступал.

– Берегитесь, Жобар, это окончится дурно! – заметил старичок, почти со слезами на глазах. – Я скажу вам, что с вами, право, надобно обходиться как с ребенком и употребить в дело розгу.

– Ваше превосходительство, отвечал Жобар, – мне сдается, что розга не исправит меня. Я уверен, вы найдете, что спина у меня также тверда, как голова.

– В таком случае, сказал генерал-губернатор, – собирайтесь к отъезду. Вы должны быть высланы из России.

Жобар собрался в дорогу, но по возвращении домой он написал шестое прошение к государю. По-видимому, он знал, что ожидает его и потому, послав прошение, отправился с прощальным визитом к знакомым, а дома, для тех кого он не застанет, оставил карточку с следующей надписью:

«Жобар, профессор Казанского университета, отправленный на границу с жандармом».

Он не ошибся. Император решил выслать его из страны. Дано было приказание отправить его на границу. Однажды вечером московский обер-полицмейстер является к нему на квартиру с двумя жандармами. Жобар тотчас вскочил и облекся в полную форму профессора Казанского университета – шпага на боку, крест в петлице и треугольная шляпа на голове.

– Любезнейший мой господин, сказал с возможно ласковостью и любезностью обер-полицмейстер, – я пришел исполнить очень неприятную обязанность. Мне бы хотелось исполнить ее, сколько возможно щадя ваши чувства. Зная упорство вашего характера, я советую вам, как друг, не сопротивляться ничем тому, что я должен предпринять. Я уполномочен сказать вам, что вам бояться нечего и что в дороге будет оказано вам возможное внимание. Соберите ваши вещи. Экипаж и спутники ждут вас на дворе.

– Милостивый государь, отвечал Жобар, – вы употребляете слово друг всуе; нет речи о дружбе между нами. Вы исполняете вашу обязанность, я свою. Я поклялся не подчиняться тому, на что я смотрю как на несправедливость, и не оставлю России, даже не сделаю шагу из этой комнаты по доброй воле. Итак, поступайте, как сочтете нужным.

Обер-полицмейстер пожал плечами и позвал своих спутников. Жобара вынесли из комнаты силою и посадили в кибитку. Он был уверен, что его убьют доро-

гою и даже говорил в этом духе приятно, от которого я слышал большую часть этих подробностей. Этот приятель, спустя несколько времени, получил, однако, от него письмо, в котором он называет жандармов славными малыми, говорит, что с ним обходились как нельзя лучше и его спутники угостили его даже шампанским на последней станции перед границею.

Что после приключилось с пресловутым Жобаром, я не знаю, да не интересуюсь и знать. Я рассказал его историю и покончил с ним.

**Отдел рукописей библиотеки
им. Лобачевского Казанского университета. Ф 2, N 7299.**

Комитет, составленный для исследования дела сего июля 7 мнением полагал: По отличному одобрению Попечителя Магницкого и избранию Совета Казанского Университета Г. Министр Нар. Просв. Голицын июня 29-го 1822 года утвердил О. Проф. Латинской и Греческой словесности с жалованием по 4000 р. и квартирными 500 сер. в год Альфонса Жобара.

В июле 1823 вместо греческой словесности, по определении грека Мистаки, Жобар занял с утверждения Г. Министра с тем же окладом кафедру французской литературы. Жобар, с разрешения Совета, добровольно и безмездно преподавал в Университете и Гимназии французский язык по изобретенной им новой методе. По прошествии более года от определения Жобара в Университет он был отправлен визитатором для осмотра Астраханской Гимназии по представлению Попечителя с разрешения Г. Министра и исполнил сие поручение на свой счет. Между тем, как университет рассматривал отчет его по сей ревизии, в Совете произошел спор между Жобаром, Эйхвальдом и Эрдманом, как правильнее на французском языке назвать семена шелковичных червей. За допущение сего спора Попечитель сделал ректору и директору замечание, а Эрдману и Эйхвальду поставил на вид неприличность их поступка и предписал взять последнего под особый надзор. Из допроса Эйхвальду видно, что Попечитель сверх выговора предписал, чтобы Эрдман и Эйхвальд просили у Жобара извинения. Сего предписания Ректор не доставил Комитету. Комитет нашел:

1) Жобар, примирившись с ними, лишился тем самым, по указу 1787 года Апреля 21, права на иск за обиду.

2) Ректор весьма неприлично назвал холодною насмешкою слова, оскорбляющие честь Жобара.

3) Жобар не согласился с постановлением Совета присутствовать ему в Комитете вместе с Эрдманом и Эйхвальдом для поверки библиотеки. Ректор назвал сие действие слушанием закону, но Комитет не нашел в нем повода к обвинению Жобара.

В продолжение службы Жобара, до времени ревизии Астраханской Гимназии, не видно никаких споров между им и его товарищами. Попечитель изъявлял ему благодарность за отличное усердие к службе, и именно: в официальной бумаге от 7 ноября 1822 года он предписал объявить Жобару чрез Совет Университета, что о благонамеренном и полезном поступке его в рассуждении принятия на себя двух лекций французского языка для образования студентов и слушателей Университета довел до сведения Г. Министра Н. Пр., от 28 того же Ноября.

Попечитель дал знать Совету, что он получил с удовольствием конспект составленный Жобаром для преподавания Греческой и Римской словесности и, находя его в духе изложения заслуживающим одобрение, поручил Совету изъявить Жобару благодарность; от 4 мая 1823 года в отзыве на имя Директора Попечитель изъяснил, что он, усмотрев из ведомости постоянное посещение Жобаром преподаваний Казанской гимназии, поручил Директору объявить Жобару, что Попечителю весьма приятно видеть сие его усердие, и что он ожидает большой пользы от надзора Жобара за ходом гимназического учения. Спор, при коем Эрдман и Эйхвальд обидели Жобара неприличными словами, выговор Попечителя за сей спор Директору и Ректору, предписание его взять под особый надзор Эйхвальда и определение в Университет профессором Сергеева, человека, сколько можно видеть по его действиям, беспокойного, предвещавали предосудительные для ученого сословия и вредные для службы раздоры и распри, сопровождаемые разными противузаконными поступками.

Жобар донес Совету, что Экзаменованные и принятые в его отсутствие студенты не имеют надлежащих сведений в Латинском языке и требовал нового испытания. Совет по сему положил, что если при окончании академического года студенты не будут одобрены Жобаром, то не переведутся из первого во второе отделение.

Ректор обвинил Жобара пред Попечителем в требовании слишком большого знания от студентов, но Попечитель сделав ему выговор, и заметив, что в отсутствие Жобара некоторые были приняты в студенты малолетние и не имеющие надлежащих сведений в Л-ском языке; предписал составить Комитет под председательством Ректора из профессоров Суровцова, Сергеева и Жобара для переэкзаменования неодобряемых сим последним студентов, с тем, что ежели они окажутся недостаточными для поступления в Университет, отдать для усовершенствования тем профессорам, кои одобрили их.

Сей уже вторичный выговор, коего виновником был Жобар, поселил в Ректоре непримиримую вражду к Жобару, а распоряжение Попечителя, чтобы студентов, кои окажутся слабыми в знании латинского языка, отдать для усовершенствования Профессорам одобрившим их, вооружили против Жобара всех почти его товарищей. Директор был в числе одобривших профессоров тех студентов, коих Жобар не хотел принимать. Со времени предписания Попечителя о переэкзаменовании сих студентов составила Партия для преследования Жобара. Жобар по несовершенному знанию Российского языка употреблял в своих бумагах неприличные выражения; выписки, получаемые им из определений Совета называл донесениями и тому подобные делал ошибки. Ректор завел с Попечителем частную переписку, в коей представлял Жобара человеком беспокойным, представляя что он и для него сделается вредным. Сергеев не допустил письменного экзамена, коего требовал Жобар. Время прошло в спорах, а студенты остались без испытания.

Из писем Ректора к Попечителю и прочих бумаг видно, что ненависть Директора Никольского к Жобару возникла от того, что сей последний обвинил его пред Попечителем в злоупотреблениях. Жобар не только не опровергает его показания, но напротив в своих объяснениях признает, что доносил Попечителю на Директора и уверяет, что в сем случае он руководствовался приказанием Попечи-

теля, который, как впоследствии обнаружилось, вел и с другими такую же, как и с Жобаром секретную переписку. Когда продолжались споры о переэкзаменовании студентов, Директор Никольский основывался, как видно из письма Ректора Фукса к бывшему Попечителю, на тайном в отсутствие Жобара экзамене учеников Гимназии, из коего якобы оказалось, что они едва знали основания французского языка, предложив Совету рассмотреть методу преподавания Жобаром сего языка. По объяснении сей методы в публичном собрании в присутствии студентов и посторонних слушателей преподавания Жобара, Совет допустил его методу, как в Университете, так и в Гимназии. Но Никольский подал противное Советскому определению мнение, в коем, сознавшись в незнании французского языка и невозможности судить о методе Жобара, объявил, что сия метода пригодна для приготовленных уже в грамматике студентов, а для начинающих гимназистов слишком трудна. Попечитель, уважив сие мнение, предписал приостановить преподавание по методу Жобара впредь до дальнейшего распоряжения, коего, впрочем, не сделал.

Немедленно после рассмотрения в Совете университета методы преподавания Жобаром французского языка устранили его от заседаний в физико-математическом факультете. Поводом к сему были следующие обстоятельства: Совет препроводив в сей факультет сочинение Эйхвальда поручил, чтобы Эрдвин, Жобар и Адъюнкт Полиновский присутствовали при рассмотрении сочинения для суждения о слоге. Жобар донес Совету, что суждение факультета о сочинении Эйхвальда производилось незаконным образом потому

- 1) что Полиновский не был приглашен;
- 2) сочинение не было читано в заседании и не отдано Жобару и Полиновскому для прочтения, каждому на 24 часа как они просили;
- 3) Декан Лобачевский предложил свое мнение о сочинении, как мнение общее, с которым согласились Никольский и Дунаев;
- 4) Лобачевский запретил секретарю записать в протоколе мнение Жобара.

Совет требовал от факультета объяснения. Представляя оное факультет присовокупил, что Жобар в продолжение двух часов заседания подавал несообразные свои мнения, препятствуя другим рассуждать, не дожидался очереди и не внимал напоминаниям декана о порядке. Совет после сего определил впредь не отряжать Жобара в заседания факультета и о сем донес Попечителю. Ректор Фукс пользуясь сим случаем, чтобы усугубить обвинение Жобара, писал к Попечителю, что раздоры в Университетском Совете не прекратятся дотоле, пока Жобар будет членом его. Сие и прочие письма Ректора подействовали на перемену лестного для Жобара мнения, которое имел о нем Попечитель, определяя его в Университет, поручая ревизию астраханских училищ и изъявляя официально благодарность за усердное прохождение службы при Университете.

Комитет из дела Жобара и Пальмина удостоверяя в том только, что Попечитель, возненавидев Жобара, к коему он был весьма расположен, явил преимущественное, хотя и незаконное, покровительство Сергееву. Без испытания и избрания Совета сделал его [Жобара – А.В.] Экстраординарным, а впоследствии и ординарным Профессором, Секретарем Совета и вверил ему две важнейшие кафедры с полным жалованьем.

Ректор, как из дела видно, явный недоброжелатель Жобара, следовал советам Сергеева в изыскании способов к преследованию первого из них, как сие можно заметить в вопросах Ректора Совету, извлекаемых из неосновательных справок, Сергеевым наводимых. В каждом почти заседании Совета возобновлялись прения, особенно между Жобаром и Сергеевым. Совет хотя отвергнул ходатайство Сергеева о переводе студента Матюнина в юридический факультет, но вторичным определением дозволил перевести, по ходатайству Сергеева.

Комитет полагает: хотя Жобар имел право жаловаться на Совет за оставление без резолюции его прошения о выдаче разных копий, но приличнее было принести сию жалобу Попечителю, а не Совету.

Ректор и Совет поступили в противность указа 1764 года мая 13 дня не возвратив ему с надписью его прошения. В феврале 1824 года Жобар подал прошение об увольнении его в отпуск в С.Петербург на 28 дней. Попечитель по представлению Совета дозволил Жобару сей отпуск; но Жобар не воспользовался сим отпуском по причине лишения его перепискою с Попечителем удобного случая к отъезду в С.Петербург.

Все сие дало повод Комитету при обозрении разных статей дела Жобара заметить, что члены Университета не столько заботились о пользе юношества, сколько о побеждении друг друга в непристойных прениях. Ректор не только не старался прекратить сие злоупотребление предписанными ему в инструкции мерами, но и сам принимал участие в спорах. Словом в Университете под управлением Попечителя Магницкого и Ректора Фукса видно одно несогласие, беспорядки и совершенное расстройство ученого сословия.

Жобар имел неотъемлемое право на звание ординарного Профессора Французской словесности, подал прошение в Совет о снабжении его дипломом. Получив в сем справедливом требовании отказ, он пришел в камеру Совета и найдя там Ректора и Сергеева, занятых отправлением почты, завел с ними спор о своем дипломе, утверждая, что к отказу в оном наиболее содействовал Сергеев. Ректор призвал Директора и объявил Жобара нарушителем коллегиального порядка. Немедленно Директор сделал о сем невыгодное для Жобара представление и вслед за оным Попечитель предписал Ректору составить под его председательством Комиссию из Профессоров Баженова и Булыгина, для исследования жалоб изветов и поступков Жобара, воспретив ему участвовать в Университетских Собраниях. Вместо удовлетворения справедливому требованию Жобара присутствовать при испытании студентов 2-го отделения в Латинском языке, Совет предоставил Экзамен студентам факультету, под предлогом, что Попечитель запретил Жобару присутствовать в Университетских собраниях.

Между тем Ректор открыл следственную комиссию и, несмотря на то, что по званию Председателя в сей Комиссии ему следовало прежде обвинения Жобара выслушать его оправдания и рассмотреть доказательства, он произнес речь, в коей ссылаясь на свои частные письма к Попечителю, на возражения Сергеева против Жобара и на прочие подобные обстоятельства, не заменяющие собою доказательства, убеждал Сочленов, что Жобар уже изобличен в разных проступках. Сим образом ректор, излагая свое мнение о Жобаре, прежде исследования дела, поступил не только против должности судьи или следователя, но и преждевре-

менно подачею своего голоса лишил сочленов свободно и беспрепятственно рассуждать о сем деле. Весь труд Следственной Комиссии состоял в том: она была открыта 30 апреля 1824 года.

Жобар просил дать ему письменные вопросы и получил оные 13 мая, а 16 того же месяца Комиссия, признав дерзким прошение Жобара, в коем он объявил, что все тайные донесения о его деле будет считать ложными, предоставила Ректору спросить Попечителя, как далее вести сие дело. Ректор донес Попечителю, что Жобар не представил ответов на учиненные ему вопросы, старался только замедлить и остановить ход сего дела. Попечитель в отзыве на имя ректора изъяснив, что Жобар по упорству или по неведению русских законов не хочет подчинить себя установленному порядку, предписал дать ему отпуск в С-Петербург на 28 дней для объяснения лично разных жалоб и все дело прислать к нему Попечителю.

Таким образом прекратилась Комиссия, существовавшая не более 17 дней. Жобар быв вызван в С.Петербург подал лично Попечителю прошение с изложением причиненных ему Сергеевым и прочими лицами притеснений, присовокупив, что ежели Попечителю не угодно будет дать законного движения его делу, то он не желает продолжать службу в Университете. Вместе с тем Жобар просил об отсрочке 28 дневного отпуска. Попечитель, оставив сие прошение без уважения и не дав Жобару никакого ответа, представил Г. Министру Н.П., что Жобар помешался в уме, нагрубил следственной комиссии и сделал разные преступления. Почему Попечитель просил Г.Министра сперва об отобрании от Жобара диплома и высылке из города, а потом о предании уголовному суду.

Комитет, соображая представления Попечителя Г. Министру в обвинении Жобара с производством учрежденной ими Следственной Комиссии и с извещениями, давшими к сему повод, заключил:

а) Что действие Попечителя в назначении особой Комиссии, вместо исследования поведения Жобара чрез Правление Университета, не только противно уставу, но и стремилось к одному лишь гонению Жобара. Ибо

1) Частные письма Ректора, на коих в сем случае основывался Попечитель, не составляли акта обвинения. По общим законам нельзя никого подвергать следствию или суду без формального доноса, подкрепленного доказательствами.

2) Если далее положить, что письма Ректора заменяли собою формальный донос; то как в оных Ректор не избличал Жобара происшествиями, а только обвиняя его общими неопределенными своими выражениями, Попечителю следовало прежде всего истребовать доказательства от Ректора, на коих он основал свой извет, а от Жобара объяснения против оных. Но Попечитель, заведя дело без законных причин и приказав производить оное против порядка, уставом предписанного, в особой Комиссии лишил между тем обвиняемого преимуществ его званию присвоенных присутствования в Университетских собраниях и немедленно за сим прекратил Комиссию, едва вступившую в действие, вытребовал все дело на себя и представил о высылке Жобара из города и об отобрании от него дипломов.

Сими действиями Попечитель истощил все меры злобы и самоуправия. Если бы Попечитель соображался с мемориями Советских определений с собственными предписаниями, ему нетрудно было бы увидеть, что он сам был виновником писем, коими Ректор обвинял Жобара; ибо Ректор, получив два выговора от По-

печителя за Жобара по случаю спора с Эйхвальдом и экзамена студентов, с тех пор старался вредить Жобару всеми средствами. Если Жобар действительно вел себя неприлично, то Ректор мог подвергнуть его взысканию порядком в уставе предписанным, не ограничиваясь частными письмами.

в) Извет Попечителя внесенный в аттестат Жобара, будто бы он нагрубил следственной Комиссии а не давал на ее вопросы ответов, оказался недействительным. Жобар, как явствует из делопроизводства, означенной Комиссии не сделал никакой неприличности. Поданного им прошения с изъяснением, что все тайные доносы он будет почитать ложными и неблагонамеренными, нельзя причесть ему в вину. Закон не только воспрещает тайные доносы, но и велит сообщать их обвиняемым. Ответы на učinенные ему вопросы Жобар представил уже по закрытии Следственной Комиссии, но в том не его была вина, а самой Комиссии, которая дав Жобару обвинительные пункты 13 мая чрез три дня закрыла свое присутствие.

с) Возражение Ректора, что Жобар был первою причиною несогласия в собраниях Совета, что он дерзкими словами побуждал его пустить в ход бумагу его против Директора, которой впрочем по требованию Комитета не доставлено, не могут быть признаны уважительными как по тому, что Попечитель не дал в свое время донесениям ректора законного хода, так равно и по той причине, что сии выражения помещены в частной переписке.

Н.П. Загоскин. Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета

Никольский Григорий Борисович, профессор прикладной математики. Родился 11 ноября 1785 года в судагодской округе владимирской губернии, сын диакона. Воспитанник владимирской духовной семинарии (1793 года); отсюда 7 сентября 1803 года поступил в С.Петербургский педагогический институт, по окончании курса в котором 20 мая 1808 года, за отличные успехи в математике, определен в Казанский университет магистром, с поручением особому руководству проф. Бартельса.

23 марта 1811 года утвержден адъюнктом математических наук, 26 марта 1814 года – экстраординарным профессором, а вслед затем бессменным заседателем университетского правления, за труды по которому весною 1820 г. объявлена ему особая благодарность... 5 июня 20 г. избран и 1 авг. утвержден, на 3 года, ректором университета, с увольнением от должности бессменного заседателя правления. За увольнением директора университета Владимирского, исправлял эту должность с 11 сентября 1822 г. по 9 мая 1823 г.

Невзирая на свой отказ, 5 мая 1823 г. избран вновь ректором, но из предложения попечителя от 1 июня сделалось известным, что ректором назначен проф. Фукс, Никольский же – директором университета. 12 августа 1824 года уволен от должности директора университета, по прошению, но исполнял её до прибытия к должности его преемника Вишневого (13 марта 1825 г.).

С 15 января по 24 мая 1826 г. вновь исправляет директорскую должность за смертью директора Любомирова.

Отдел рукописей
библиотеки им. Лобачевского Казанского университета. Ф 2, N 4019

*Выписки из черновиков
донесений ректора Г.Б. Никольского попечителю*

1822 года, 4 дня. л. 3.

По наставлению Вашему и по представленным сочинениям Г-да Грубер, Суровцов и Жобар избраны 1-й в адъюнкты, 2-й в Экстраординарные, а 3-й в Ординарные Профессоры. Г.Грубер мог быть и Экстраординарным профессором, но предложен в адъюнкты по следующим причинам: 1-е, что ему как помещику прибавочное жалованье 400-ср к адъюнктскому окладу не даст значительного прибавка к его доходам, а что касается до чинов, то степень адъюнкта и Экстраординарного Профессора равны, то есть принадлежат к 8-му классу. 2-е, что он человек молодой и вскоре своими трудами сможет приобрести следующую степень.

л. 3 (об.)

Стоит ли дело труда отправлять магистров в чужие края? Тамошнее вольнодумство ужасно, оно может заразить и зрелых людей, и поручиться, что оно не прилипнет к кому-либо не можно.

Громы суда Божия кажется недалеко от тех областей. Неужели мудрость человеческая без причины названа буйствовать пред Богом. И зачем же молодых людей отправлять туда, как не учиться мудрости земной?

А небесной мудрости научались и здесь, в России, как Владимир великий, как Антоний и Феодосий Печерские, Александр Невский, Петр, Алексей, Иона и Филипп Московские, Макарий Желтоводский, Сергей Радонежский, Изосим и Савватий Соловецкие и проч.

Лучше быть простым невеждой, чем ученым развращенным. При том же в нынешнем состоянии России не ездя за море многими хитростями навывкнуть можно. Впрочем, как благоизволите.

1822 г., марта – ? л. 13 (об.)

Вы изволили предписать вольнодумные книги Казанской гимназии сжечь. Не лучше ли будет запечатать их Г-ну Директору Университета собственной печатью и запереть. По общим законам государственное имущество выводится в расход только по Высочайшим указам.

1822 года, сентября 4 дня. л. 18.

Г. Пензенского директора Лажечникова я мало знаю. Кажется, я имел честь доносить Вам, что он по моему замечанию вспылывив. А это качество при управлении молодыми людьми весьма вредно как для них, так и для управляющего. В прежнем письме я представлял Вам о Г. Баженове. Если Вам угодно избирать в Инспекторы из Губернских Директоров, то может быть весьма способен к сей должности Г. Тамбовский Директор Менделеев по ровности его характера и основательности правил.

л. 23 (об.)

О квартире Г. Жобару я имел честь сказывать Александру Павловичу и сделано распоряжение о приготовлении студентов – гимназистов к испытанию в Латинском и Греческом языках.

1822 года, сент. 28 и окт. 9. л. 25

В подлиннике честь имею представить Вам Описание Симбирского Директора о торжестве и богоугодном деле 30 Августа и покорнейше прошу Вашего наставления, как поступать в сих случаях. Возобновление обычаев древних христиан весьма похвально и какие к тому предпримутся способы в Казанском округе любопытно знать; но Св. Евангелие говорит:

Да не увесь шуйца твоя, что творит десница;

Егда творишь милостыню, не воструби трубою.

Впрочем Университетские и Гимназические чиновники и воспитанники почтили знаменитый день сей добрым делом, а именно: ходили в военный и гражданский Казематы, и всяк по достоянию своему принес дары несчастным братьям. Г. Жобар подарил 10-ср. Щедрость велика и похвальна. Дай ему бог расти и преуспевать в деле Св. Писания.

1822 года, окт. 16.

Г. Жобару вместе с Г. Суровцовым сделано поручение осмотреть женские пансионы.

1822 года, окт. 23 дня. л. 28 (об.)

Г. Жобар прилагает попечение завести в Казани Римско-Католическую церковь для Католиков, и подписался внести на первый раз до 500-ср. На доброе дело Бог на помощь.

1822 года, декабря 7 дня. л. 40.

Г. Крауз человек весьма образованный и французский язык знает очень хорошо. Впрочем будущий профессор французского языка лучше меня оценит Г. Крауза, который Г. Жобару не совсем понравился со своими немецкими приемами и обращениями, а более всего тем, что не согласился уступить одной своей лекции в Казанской гимназии в высшем отделении Г. Жобару, обучающему с начала Ноября месяца французской грамматике по своим таблицам учеников нижнего и среднего классов, кроме высшего. Г. Крауз говорит, что у него мало в гимназии учебного времени, а потому он не решится отдать Г. Жобару двух часов в неделю, чтобы от недостатка учебного времени неуспешность учеников не отнеслась к его нерадению.

1822 год. декабря 28 дня. л. 37 (об.)

На замечание мое [по другому поводу – А.В.] Палмин изъявил готовность записать и отзыв свой в журнал. Но я долгом почёл остановить его, сказав, что сей голос неуместен и что всех рассуждений членов Совета в журнал записывать нет причины, дабы не увеличивать понапрасну письмоводства, а замечать должно одно существо дела, и что излишняя, неуместные и неосновательные мнения и слова нередко влекут за собою распри, от чего терпит самое дело и служба, и

представил в пример, что дошло до сведения Вашего 1) будто бы произошли неприятности при выборе студентов Г. Жобаром, которому (однако же, что очень твердо помню) дана была совершенная свобода выбирать кого он хочет, 2) и что были неприятные разговоры в Совете с Г. Суровцовым. Кроме моего почтения и уважения к Г-м Жобару и Суровцову я ничего не оказывал, а потому и остается сие для меня загадкою.

Приводя на память все происшествия со времени прибытия сих Г-д, ничего другого найти не могу, как разве два следующих случая:

а) Когда Г. Жобар испытывал по прибытии своем студентов в греческом и латинском языках, нашел, что лучшие и успешнейшие студенты находятся не в одном только третьем разряде словесного, юридического, математического и врачебного отделений, но также во втором и первом, и есть слабые во всех трех разрядах. Надлежало бы всем студентам 3-го разряда, как оканчивающим курс быть успешными по крайней мере в познании латинского языка, но по трудности его некоторые мало успели.

3-й разряд, как высший препоручен Г. Жобару, а 2-й и 1-й, как низшие Г-м преподавателям Грацинскому и Полиновскому. Может быть Г. Жобару желательно сделать свои классы Латинские и Греческие сводными из всех трех разрядов, то сие трудно сообразить с общею табелью преподавания; ибо студенты 3, 2 и 1-го разрядов имеют совсем различные предметы и часы.

Остается один легкий способ учредить сводные классы из лучших студентов во всех трех разрядах, или рано поутру до начала всех лекций, или поздно повечеру, когда все лекции кончаются, а всякий другой способ гораздо затруднительнее.

Впрочем Г. Жобар не представлял ни мне, ни Совету о том, чтобы ему позволено было из всех 3-х разрядов выбрать лучших студентов, и что ежели есть на то его желание, то можно помыслить и о способах удовлетворить ему.

б) Когда рассуждали в Совете, кому поручить преподавание Славянского языка на время отсутствия Г. Скворцова, некоторые Члены Совета справедливо указали на Г-д Горчанинова и Суровцова. На сие Г. Суровцов отвечал, что и до сего времени возложенные на него обязанности весьма тяжки, что он не лошадь и что не хочет прежде времени издохнуть. На такой отзыв я сказал ему: что служба составляет иногда и ночи не спать, что и с ним может случиться.

По окончании сих изъяснений Г-да Жобар и Суровцев в присутствии всех членов Совета объявили, что они неудовольствий против меня не имели и никаких жалоб не приносили, и что они удивляются, кому была нужда доносить в том.

Впрочем я себя не правлю и отнюдь не называюсь человеком в слове непрегрешающим, напротив падаю ежедневно и ежечасно. Очень может быть, что иногда обращением моим оскорбляю Почтенных Г-д товарищей, и сам того не замечая.

За начальственное предостережение Ваше приношу искреннейшую и глубочайшую благодарность и обещаюсь крепче держаться Пифагорового учения о молчаливой скромности.

Что-нибудь одно мне делать надобно: или заниматься такими объяснениями; или отправлять прямые обязанности.

(Далее следует вставка, написанная позже. – А.О.)

Впрочем с Г-ми Суровцовым и Жобаром мне совершенно делить нечего. Всяк из нас на своем месте. Г. Жобар слишком огнист, а Г. Суровцов грубоват. Постараюсь бережно обходить сии свойства.

II. Но у Г-на Эрдмана с Г-м Жобаром открылось явное авторское неудовольствие. Недавно Г. Эрдман подал в Совет исправленный им из четырех рукописей отрывок из Истории Тамерлана, а Совет передал для рассмотрения в Отделение словесных наук, в котором Г. Жобар непременно требовал от Г. Эрдмана перевода на латинский язык сего исправленного манускрипта, а Г. Эрдман, кажется по упрямству, утверждал, что перевод сей ненужен, что он во-первых предоставляет поправки его на суд ученых и ежели они одобрены будут, то он постарается сделать полный и исправленный перевод Истории сего автора, по имени Эбен Шона. Хотя отделение отказалось от суждения о достоинстве сего сочинения, касающегося восточных древностей, в которых один только Г. Эрдман искусен, однако же в Совете по отзыву Г. Эрдмана, что в сем сочинении нет ничего противного Религии, Правительству и Нравам и что ориенталистам оно будет новым подарком, большинством голосов решено напечатать его на казенный счет по случаю торжества 17 Генваря 1823 года, как желал Эрдман.

Кажется в Г. Жобаре действует авторское соревнование, для которого есть иные предметы достойные человека с высокими и благородными чувствованиями. Стыдно и больно мне было смотреть на препирания Г-д Жобара и Эрдмана в отделении, в которое Г. Эрдман больного привел меня, что было 18 декабря и принес жалобу, что Г-да Члены сего отделения 15 декабря по его приглашению пришли не все, потому и заседание было отложено, да и к тому прибавил, что ежели и впредь члены не будут повиноваться, то он просить будет о сложении с него звания декана, ибо декан без власти не значит ничего.

Поджигую в сем деле был Г. Палмин, который, как видно, находит особенное удовольствие в том, чтобы сводить людей лбами. Деятельность и крепкий характер его похвальны, но беспокойный дух его, питающий костер непрестанной вражды, нестерпим.

Когда Г. Эрдман подал свое сочинение в Совет, тотчас можно было решить большинством голосов, печатать его, или нет, на счет казны. Ибо известно было и прежде, что в отделении о трудах Г. Эрдмана судить некому. Но Г. Палмин указал на 61 параграф устава, в котором именно поставлено в обязанность отделения рассматривать достоинство сочинения. А как против закона спорить нельзя, притом же Члены словесного отделения не отрекались принять на себя рассмотрение сего сочинения, то и передано оно было в отделение для оценки.

Г. Палмин знал из прежних ответов, что Г-да Эрдман и Жобар друг друга не жалуют, почему надеялся, что вспыхнет между ними огонь, в чем и не обманулся, и может иметь теперь адскую радость, что Г. Жобар именно с того дня жестоко захворал и лежит теперь при смерти.

Разбирая все мое поведение с Г. Палминым, не могу придумать, чем оскорбил его и за что он восстает на меня с такою силою и тайно и явно. 30-го декабря он уволен на 29 дней в С.Петербург, куда отправится в половине Генваря. По всему вероятно он горы взносит на меня будет, злейшие ябеды польются рекою, как то доказал уже он на многих опытах. Видно тяжкие грехи мои по-

мянулись пред Богом: и стал я нищ, озлоблен, убит духом и телом, знамение на стреляние.

Достопочтенный Настоятель весьма справедливо желает старый квас еще разбавить. По мнению моему сиё разбавление всего нужнее относительно Ректора и Директора Университета. Будут ли сии звания соединены, или разделены, в обоих случаях нужно определить новых чиновников. Причины тому суть следующие:

1) в течении 12-летнего занятия моего письменными делами наскучило всем слышать, что такой-то всё остается при управлении, как случилось в старину с Аристидом в Афинах.

2) От долговременного занятия сими скучными и утомительными делами я потерял остроту ума и здоровье.

3) Проходя с большею частию нынешних чиновников Университета все степени по порядку я более известен им как товарищ, нежели Начальник. Ни лета мои, ни гражданское значение, ни богатство не дают мне той именитости и той важности, какие нужны начальствующему в Университете.

4) Судя по той высоте, на которую поставлены или мнимо себя ставят некоторые из Г-д Сотрудников, им нужен Начальник более строгий чем я.

л. 43 (об.)

С Г. Жобаром говорил я, не угодно ли ему принять французскую кафедру, а греческую отдать Г. Суворцеву. Он отвечал мне, что опасаясь показать непостоянство в своих намерениях и отвлечься от изучения греческого языка, не желает оставить сей кафедры, которая ему весьма нравится, и что изъяснялся с Вами о сем непосредственно. Кажется это дело проще сладить можно. Не благословите ли предложить в адъюнкты французской словесности Г. Краузе, который в полной мере заслуживает как по его познаниям, так и поведению. Он отличный в Университете чиновник.

24 июня Г. Рикард бывший Начальник Камчатки удостоил Университет своим посещением.

29 ноября, 1823. лл. 51-52.

В дополнение к донесению моему с прошедшей почтой представленному об ученом, или по выражению Карла Федоровича, педантическом споре между Г. Жобаром и Эйхвальдом (*de Semine et ovo*) о семени и яйце и нескромном и обидном выражении Г. Эрдмана на счет Г. Жобара: (*oxhala scapulam tuam*), просить честь имею представить новые обстоятельства.

В заседании Совета 24 ноября вместе с другими членами слушался сочиненный Г. Секретарем Палминым сепаратный журнал о сем споре. В нем также упомянуто, что Г. Эйхвальд по случаю спора с Г. Жобаром *de Semine et Ovo*, произнес укорительные на счет Г. Жобара слова: Вы не знаете французского языка. Весь журнал был написан в таком тоне, что Г. Жобар совершенно прав, а Эйхман и Эрдман во всем виноваты.

Заключено:

представить сиё дело на Ваше благоусмотрение, как прикажете вести его. Прибавлено, что Г. Жобар как Жобар прощает оскорбивших, но как профессор требует, чтобы оскорбившие просили извинения. Словесно он пояснил сие так:

что требует от всех членов Совета (не просит) сказать, кого он оскорбил, и пред оскорбленными готов просить прощения, и что он со своей стороны как христианин прощает только тех, которые просят у него прощения.

Вслед за сим журналом Г. Секретарь с большою заботливостью прочитал новое произведение Г. Жобара к сему делу относящееся, в котором изъяснена целая история оскорблений, им претерпленных от Г. Эрдмана и Г. Эйхвальда, и указаны ученые недостатки первого, дабы смутить его.

А так как Г. Жобар все свои дела защищает с великим жаром и криком и делает другие непристойности, в коллегиях не имеющие места, как например, жмет у товарищей руки крепко до слёз, так что они кричат; то я счел нужным сказать ему, чтобы он сохранял более равнодушия. Ибо взаимные распри кроме неприятных последствий ничего более не приносят.

Из последнего донесения Г. Жобара и словесного его отзыва, как слышал я стороною, состоящего в том, что или Эрдман и Эйхвальд должны просить у него публичного прощения, или в случае отрицания должны быть выключены из Университета, а ежели ни того ни другого не последует, то он выйдет из Университета, заключили, что сие (...) дело в его начале показывающее одно учение педантства, принимает вид довольно важный, и потому обязанностью поставляю изъяснять всё, что мне известно, тем более, что подозреваю связь, хотя в том еще и неустоверен; между Г-ми Палминым, Суровцовым, Вишневым и Жобаром и опасуюсь ябед, которым, как вижу из предложения Вашего на имя Ректора, уже положено начало, будто приняты в Университет студенты 11 и 12 лет.

Правда, что есть из числа принятых недовольно зрелые, но менее 14 лет нет никого. Погрешность сделана из излишнего снисхождения Казанскому Дворянству, как Вы совершенно справедливо изволили заметить. Но от сего снисхождения не изъяты и Г. Жобар, пред которым те только студенты хороши, которых он похвалил, а я знаю доподлинно, из числа одобренных им есть худшие тех, которые приняты без него.

Он вообще крайне самолюбив и горяч, и думает, что только то и хорошо и пригодно, что он делает. Поведение его в Совете со времени возвращения после визитации из Астрахани сделалось несносным. Он представляет теперь более народного Оратора, нежели Профессора.

Карл Федорович приписывает сие с одной стороны игре мужских сил его, а потому думает, что женить его надобно, с другой – тому великому доверию, которым Вы почтить его изволили в начальственном письме Вашем, которое он показывал Карлу Федоровичу. К тому добавлю, что Г. Жобар довольно прост и легковверен как француз; нежели он попадет на дурных советников, как подозреваю, то они его с пути собьют.

А поелику Г. Жобар ныне держит себя выше профессора; то я опасуюсь, чтобы оно не упало ниже своего звания. Пусть смирятся пред ним нынешние его недоброты Эрдман и Эйхвальд, или изгнаны будут вон из Университета; но при таком поведении, в какое он облачается, всегда встретит себе врагов, которые излучив время отмстить могут.

Для познания его характера с сердечным прискорбием я должен рассказать все известные мне случаи, доказывающие неосновательность и неприличие его поведения.

1-е. Во время болезни своей он не оставил почти ни одного человека ему прислуживавшего, которого бы не обругал, а Грацинского и Суровцова только что не бил, да и на то он нередко покушался, но слабость сил препятствовала.

2-е. Г-н Корейша сказывал мне, что Жобар в большом собрании (на ... поле) за ногу едва не вытащил его из кареты (помнится Г. Фукса), что на провожанье Г. Симонова на катере по Волге так крепко сжал у Корейши руку, что он едва вытерпел, не сделав взаимной неприязни.

3-е. Недавно Г. Лобачевского, больного, едва вставшего с постели, шутя ударил кулаком в брюхо так сильно, что у него подступило под ложку.

4-е. В прошлое Университетское торжество, начавшееся 6-го июля, во время служения Владыки в воскресенской церкви стоял совсем непристойно. Очевидным свидетелем сего я не был, Будучи занят молитвою и в немалом расстоянии от Г. Жобара, а слышал от других, что он разговаривал и смеялся с Г-жею Фукс и другими дамами и выходил их проводить. Не знаю куда и зачем.

Владыка сиё заметил, и, как кажется, чувствительно оскорблен был; ибо после обедни пред обедом или после обеда, не упомню, в Университетской зале Собрания выговаривал как пастырь любовно и отечески Г. Жобару, не упоминая впрочем проступка, а Г. Жобар покорнейше просил прощения. Тогда я не понял в чем он извинялся, но услышал об этом после.

5) 6). В принятии в Университет студентов пристрастен. Недавно он не принимал сначала младшего из двух братьев Волковых, но после по просьбе отца согласился взять с него подписку, чтобы он пригласил для наставления сына в Латинском языке особого учителя, как будто записка может заменить требуемые от студента познания. А в прошлом году по просьбе Г. Арцыбашева он принял в студенты Дубровского, который и до сего времени в Латыни не успел. Сии пристрастные отзывы происходят от одного только честолюбия. Кто умеет удовлетворить ему, тот и хорош.

7) То же самолюбие управляет им во введении табличного способа обучать по-французски и по-латыни, который знатоки не одобряют. В гимназии не приносит он надлежащей пользы. Недавно помещик Камашев взял своего сына из среднего французского класса и объявил исправляющему должность Директора Баженову, что он не находит пользы в таком обучении.

Лектор Краузе, обучающий в гимназии высший французский класс, после летней вакансии приносил мне жалобу, что к нему перевели мальчиков, совсем ненаученных грамматике, и приписывал сиё именно способу Г. Жобара учить по таблицам. Хотя ученики и вытверживают таблицы, но не умеют переводить. Впрочем, сия жалоба может происходить от взаимного неудовольствия между ими.

Не будучи судьей в пользу таблиц французских по малому знанию моему сего языка, скажу о латинских, что они та же грамматика в других лицах, и кроме запутанности никакой помощи не делают. Ученик, вытвердив формы склонений и спряжений по грамматике, должен еще то же самое, с разными переменами в номенклатуре твердить по таблицам. Какая из того польза?

Неужели Г. Жобар думает, что он всех на свете бывших грамматиков умнее, да ежели и было это так, то надлежало бы издать во-первых новья грамматики по его толку, и по ним учить, а не тратить времени напрасно на изучение одного и того же разными способами.

8) Он распространяет неприятные и поселяющие вражду слухи. Так например до сведения моего дошел отзыв его о наших профессорах немцах: будто бы они нас русских презирают, считая глупыми, а французов не терпят. Хотя всем известно, что ученые немцы очень горды, но презрения я не заметил, а Г. Жобар сему причиною, что его не терпят. Обо мне говорил он Г. Эваресту Андреевичу Груберу, что будто бы Вы изволили спрашивать его, т.е. Г. Жобара мнение, могли я быть Директором, дабы Вам не попасть из Сциллы в Харибду, но что он до того времени удерживался сказать Вам обо мне мысли. Пусть было это так; само собою разумеется, что такой вопрос был секретный, который надлежало Г. Жобару сохранить между им и Вами.

14 янв. 24 (понедельник.) л. 59 (об.)

Едва мог с трудом [из-за болезни, жесткого кашля – А.В.] написать мнение на философский конспект Г. Сергеева, которого впрочем все обозрения, как философии, так и юриспруденции, превосходны, но некоторые места в них нужно объяснить, а без того будут темны.

Отдел рукописей библиотеки

им. Лобачевского Казанского университета. Ф 2, N 4382

*Корсаков Дм. Ал-ч. История преподавания французского языка
в Казанском университете (1805 – 1891)*

14 февраля 1805 года в Совете Казанской гимназии попечитель учебного округа прочел Высочайшую грамоту об утверждении Казанского Университета и в тот же день зачислил в адъюнкты латинских и греческих древностей Йоганна Генриха (Ивана Ивановича) Эриха, с жалованием 800 руб. в год. В этот же день Эрих вместе с другими адъюнктами и исправляющим должность директора был приведен к присяге. 23 февраля предложено было адъюнктам занять прежние их классы в гимназии, и Эрих занял высший французский класс с производством 2/3 жалования. Из послужного списка этого первого лектора французского языка (написанного в 1810 году) видно, что он – немец по происхождению, имел от роду 55 лет, обучался в Эрфутском, Йенском и Геттингенском университетах, имел ученую степень кандидата богословия и поступил на службу в 1794 году. Сначала он был учителем немецкого языка в Нижегородском главном народном училище, затем с 28 марта 1799 года – в среднем классе Казанской гимназии, где 31-го декабря получил чин XIV класса. 12 августа 1800 года он был утвержден учителем высшего латинского класса, но «за неоткрытием его обучал средний, латинский» по июль 1802 года, а 13-го августа ему поручен, вместо среднего немецкого, высший французский. 9 января 1804 года он произведен в чин XIII класса, 23 января 1805 года утвержден адъюнктом древностей, 6-го февраля уволен от высшего ла-

тинского класса и 16-го января 1810 утвержден «публичным» экстраординарным профессором.

.....
Краузе – за июнь 1816 года подал рапорт, в котором впервые есть аттестация студенческих успехов по французскому языку.

.....
За 1817 год об успехах студентов говорится более подробно. Против каждой фамилии списка, где 6-ть лучших слушателей отмечены двумя крестиками, стоят такие замечания:

«bien; assez bien; a manqué souvent; de m^eme; passablement; c'est lui, qui a fait le plus de progres; n'a presque rien fait; tr'es appliqué» и т.д.

13 и 15 октября 1821 года Краузе вместе с проректором университета экзаменовал иностранца Ле Мера Бунью (Лемера Буньи) и нашел, что он «говорит по-французски чисто и знает изрядно орфографию», но «слаб в синтаксисе» и потому может обучать «только начальным основаниям французского языка».

.....
Бумагой от 31 января 1822 года попечитель Магницкий предложил университету определить ординарным профессором греческой и латинской словесности Альфонса Жобара, бывшего учителем французского языка в Петербурге. К бумаге приложена краткая автобиография Жобара на французском языке с прибавлением французских и латинских стихов и тех условий, на которых он желает приехать в Казань и которые принимает министр народного просвещения, по словам Магницкого.

По рассмотрении ученых трудов Жобара, именно перевода трактата Цицерона «De Senectute» и перевода из «Одиссеи» (с 222 ст. 7-й песни), причем насчет последнего ректор спрашивает мнение архиепископа Казанского и Симбирского Амвросия, так как в университете греческой словесностью никто не занимался, – 15 апреля 1822 года Совет избрал Жобара, а 29 июня министр Голицын утвердил публичным ординарным профессором греческой и латинской словесности и древностей с штатным жалованьем по обеим кафедрам по 4000 руб., по 500 руб. квартирных и с выдачей 1000 руб. на дорогу.

Жан Баттист Альфонс Жобер родился в 1793 году в Бэсси, близ Лангра, в Шампани, в департаменте Верхней Марны. Вскоре после окончания образования в Лангре он познакомился с некоторыми знатными русскими людьми (это было в 1814 – 1815 г., когда русские войска были во Франции), один из которых Грацинский, «Aumônier des gardes» оказался для него «un amis, un menter, un second père», а генерал Депреядович взял его с собой в Россию для обучения дочерей. Затем 2 года он жил в Митаве где учился в гимназии греческому языку, истории, математике, давал уроки французского языка и изучал немецкий; после этого 3 года он был учителем французского языка в Рижской гимназии, дальше в Петербургском воспитательном обществе благородных девиц (в Смольном монастыре) и, наконец, в девичьем училище военно-сиротского дома. В 1822 году, вместо упраздненной кафедры сельского домоводства в Казанском университете, была учреждена кафедра французской словесности, и Жобар с 7 октября взял на себя труд безвозмездного обучения студентов и слушателей французскому языку. 8-го

февраля 1823 года Жобару поручено рассмотреть переводы иностранца Маньяго (Louis Magnago de Bored), и он нашел, что они позволяют допустить Маньяго к обучению детей началам французского и итальянского языков.

В июне Жобар был отпущен в Саратов «для исполнения, по его вероисповеданию, христианских обязанностей», с поручением ему осмотреть Астраханскую гимназию. В Астрахани он нашел большие беспорядки и по учебной, и по хозяйственной части и «приватно» уведомил о них попечителя, следствием чего было смещение директора Маркова. Вместе с тем он ходатайствовал о прибавке учителю французского языка в Астраханской гимназии 200 и даже 300 рублей жалованья.

Затем в ноябре он хлопочет о назначении учителем французского языка в одной из гимназий округа дерптского учителя фехтования Дюфура. Тогда же он, просмотрев сочинение француза де Санси, рекомендует его как домашнего учителя, способного подготовиться и к общественному воспитанию.

Желая приготовить хороших слушателей французской литературы, Жобар начал преподавание «по собственной особенной методе логических, основательных начал французского языка», на что были назначены 8-й час и половина 9-го утра; но студенты почему-то почти не посещали его лекций, и он 20 декабря 1823 года обратился в Совет с просьбой определить, чтобы все студенты и слушатели, учащиеся французскому языку, посещали его лекции и чтобы лектор Краузе занимался со студентами только повторением лекций Жобара и переводами.

22 декабря в Совете было решено рассмотреть способ преподавания Жобара и для этого собраться 3-го января 1824 года. Жобар согласился раскрыть этот способ, но с условием 1) выдать ему свидетельство на изобретение его, если его одобрят, и 2) пригласить на заседание указанных им 5 студентов и несколько посторонних лиц, знающих его методу.

После двухчасового заседания члены Совета не пришли к единогласному решению о пригодности этой методы, а профессор Никольский заявил, что Лобачевский и Эрдман производили испытание учеников гимназии, где применяется способ Жобара, и нашли, что только один ученик оказал значительные познания. Все-таки определено было способ Жобара допустить и его желание исполнить. 19-го января Жобар подал в Совет обширное представление о том, что он недоволен «подозрением его методы в недостатках»; он получил за нее от Государыни золотую табакерку; он одобрен Дерптским и Петербургским университетами, и даже Казанский принял его конспект на 1823 году, а попечитель благодарил за него; студенты, особенно Сыромятников, на публичных экзаменах отвечали отлично; а между тем его заставили подвергнуться «неблагоприятному испытанию» и тайно испытывали в знании французского языка учеников гимназии. Так как этим ему «дают разуметь, что его усердие излишне и оскорбительно для начальства, он находит себя принужденным» отказаться от вольного преподавания французского языка и от надзора за преподаванием французского и латинского яз. в гимназиях.

В Совете университета эта бумага вызвала порицания за неприличный тон, и ее решено было возвратить автору с соответствующей надписью.

20 февраля Краузе подал в Совет прошение об увольнении его от сопричастия на лекциях Жобара и от повторения его уроков, а также о замене его, Краузе,

каким-либо студентом, знающим французский язык. В прошении своем он между прочим пишет, что служит уже 10 лет и преподает усиленно по методу, общепринятой в Европе, тогда как метода Жобара нова, непривычна и непригодна, что он готов доказать; кроме того, он не может содержать свое семейство без частных уроков, а присутствие на лекциях Жобара лишило бы его возможности давать эти уроки; он и по летам своим не годится в слушатели и боится впоследствии заслужить упреки за неудовлетворительные успехи студентов. Дело кончилось тем, что попечитель округа велел приостановить преподавание французского языка по способу Жобара до тех пор, пока тот не приведет этого способа в порядок и пока Совет не рассмотрит, а попечитель не одобрит его. 8-го января у Жобара происходит столкновение с физико-математическим отделением по поводу суждения о сочинении профессора Эйхвальда «Historia naturalis maris Caspii,» причем он так неприлично ведет себя, что отделение вынуждено просить Совет, «дабы он избавил его от соприсутствия Жобара».

15-го января 1824 года Жобар просит освободить его от сочинения речи на 17-е число, так как занят спешным переводом инструкций, данных директору и ректору университета. По его же просьбе от 21 марта ему выдано было свидетельство «для получения патента из герольдии» и диплом, в котором сказано, что с сентября 1823 года ему поручена «вместо греческой кафедра французской словесности». Долго не получая этого диплома, Жобар 9 мая опять делает представление в Совет, которое просит записать в протокол «слово в слово» и в котором требует объяснения, почему он не получает диплома или официального отказа в нем. В июне 1824 года Жобар получил отпуск в Петербург «для объяснения разных его жалоб», а бумагой попечителя от 26 сентября Совету сообщено, что он вовсе уволен из университета. В выданном ему по распоряжению министра формулярном списке сказано, что успехов в преподавании французского языка и словесности по его методу не усмотрено; что в качестве визитатора Астраханской гимназии он только обременил университетское начальство; что в последний год своей службы показывал грубость и наглость, заводил распри и писал дерзкие выражения; что ему было запрещено ходить на заседания Совета и что однажды ректор даже принужден был прибегнуть к помощи университетской полиции.

.....

От лектора Краузе 6-го мая поступает прошение о дозволении открыть публичный пансион для мальчиков, с 14-го июня – о выдаче ему аттестата за службу, так как он узнал, что по представлению попечителя министр уволил его от должности лектора.

***Выписка из дела Правления Казанского университета,
начавшегося с 30 июня 1824 года, за N 154
о увольнении профессора Жобара***

Совет от 28 июня 1824 г. за N 994 сообщил Правлению, что он уволил проф. Жобара, согласно его Прошению и предписанию Г. Попечителя, в С.Петербург на 28 дней, для объяснения Г. Попечителю разных его жалоб, и предоставил Правлению снабдить Жобара пашпортом, который правлением по постановлению 30

июня ему выдан, и сообщено к Г. Управляющему Губернией о выдаче Жобару подорожной на 2 месяца по казенной надобности с будущими при нем.

Совет от 1 ноября за N 1846 уведомил Правление, что Г. Попечитель от 26 сентября за N 1081 предложил Совету Университета об увольнении Жобара из Казан. Университета, с аттестатом, с тем, чтобы кафедры, которые занимал он, поручены были на время, до приискания Профессоров, Латинской Словесности Профессору Караблинову, а Французской Лектору Бюрно, с жалованьем по 800 рублей в год каждому, из сумм, на сии кафедры полученных. За тем Г. Попечитель изъяснил, что под Аттестатом Жобару разуметь должно токмо засвидетельствование о службе его при Казанском университете без одобрения поведения; ибо оно, по известным Совету делам, не заслуживает одобрения. Во исполнение сего Совет выдал Жобару аттестат, не означил в нем поведения.

Жобар прислал в Правление от 12 Августа 1825 года из С.Петербурга прошение, в котором он называет себя бывшим о. проф. Латинской и французской словесности, а ныне Профессором французского языка в Главном Инженерном Училище, о выдаче ему причитающегося жалованья по день увольнения его под расписку инспектора студентов Вишневого. Считая с июля, в которое Жобар получил паспорт, по 26 сентября, в которое получил он увольнение из Университета по предложению Г. Попечителя, Жобар пользовался отпуском 82 дня, включая сюда 28 дней законного отпуска по 3 августа, а с сего числа по 26 сентября, т. е. по то число, от которого последовало в Совет предписание Г. Попечителя, 54 дня или 7 недель и 5 дней, о причине просрочки коих Жобар не представил законных доказательств.

В Законах изображено: Генерального Регламента в 10 главе: «Ежели кто из членов или из служителей коллежских на некоторое время для каких нужд отпущен будет: и по тому отпуску на указанный срок не явится, а доказать не может, что на определенный срок не явился за болезнью, или иных ради несчастных причин: то на том вычесть из жалованья за каждый день по неделе, а за неделю по месяцу.» В Указе 1785 года Августа 19 дня: «Если кто из уволенных на 29 дней явится к команде своей в срок, у того жалованья не удерживать; напротив того, буде на срок к команде не явится, и законных причин не представит, или будучи в отпуску, станет просить еще на несколько отсрочки, а потому и увольнение получит на такое время, которое с первым его отпуском составит больше месяца: таковым за все то время, сколько в отпуску пробудет, жалованья не давать. А с просрочившими и законного оправдания не представившими, сверх того поступать по силе Генерального Регламента 10-й главе».

По силе сих законов не должно выдавать Жобару с 6 июля по 26 сентября 1824 года жалования, как за время нахождения в отпуску, а из причитающихся с 1 мая по 6 июля 715 надлежит произвести вычет за просрочку, в которой Жобар не представил законного оправдания.

Выше упомянуто, что Жобар просрочил 7 недель и 5 дней; из 4000 сер., которые получал Жобар в Университете, за вычетом на госпиталь, причитается в день 10 сер. 84 к, а в неделю 75 сер. 94 к. Почему следует вычесть за 7 недель 2310 сер., и за 5 дней, за каждый недельное жалованье 379 сер. 72 к, всего следует вычесть с Жобара 2689 сер. 72 к. Но ему причитается жалованья 715, исключая которое

из 2689 сер. 72 к, останется вычесть с Жобара 1974 сер. 72 к. Поелику Жобар находился тогда Профессором в Главном Инженерном Училище, то обстоятельства сии представлены были в благоусмотрение Г. Попечителя от 21 сентября 1825 года за N 3488.

Г. Ректор Университета Фукс от 23 июля 1826 года за N 550 предложил правлению, что Г. Министр Н.П. предписал ему от 6 июля за N 1971 о выдаче Жобару аттестата и послужных списков и причитающихся по день увольнения его из Университета жалованья.

Г. Министр принял во внимание, что Жобар просил Г. Попечителя об отсрочке, но не мог получить единственного неучиненного о том распоряжения со стороны Г. Попечителя, а в последствии оставался в столице в ожидании окончательного увольнения его от службы при Университете, так и то, что он терпит нужду в содержании себя, сделал распоряжение о выдаче ему из сумм Департамента Н.П. 1000 сер. в счет следующего ему от Университета жалованья. Почему Г. Министр и предложил о высылке всего причитающегося Жобару жалованья в Департамент Н.П., как для уплаты Департаменту вышеупомянутых 1000, так и для выдачи остального количества самому Жобару по принадлежности. Правление донесло Г. Министру чрез посредство Ректора, что причитавшееся Жобару жалованье с 1 мая по 6 июля 715 сер., а с 6 июля по 26 сентября, как по день совершенного его увольнения из Университета 880 сер., всего 1595 сер., за расходами от 1824 года, поступило в хозяйственную сумму, просило разрешения, из какой суммы следует выслать Жобару жалованье, и поступило в ответ предписание Г. Министра на имя Г. Ректора от 8 Октября 1826 года за N 2760, что следует оное выслать из экономической Университетской суммы. Сие предложение подписано Г. Министром Шишковым и Директором Языковым. Во исполнение оного отослано в Департамент 1579 сер. 20 к и заплачено страховых почтамту 15 сер. 79 к от 3 Ноября за N 3073 и Г. Министру донесено за N 3074: От полученных сих денег Департамент уведомил от 2 Декабря 1826 года за N 2658.

Далее приписка несколько измененным почерком

В мемории с протокола Совета Казанского Университета за 3 число Октября 1825 года статье 7-й записано:

Слушано предложение Г. Попечителя от 2 Октября за N 926 о выдаче бывшему профессору Жобару аттестата согласно его службе. Приготовить аттестат и предложить вчерне присутствию Совета. При слушании сего предложения Г. Попечителя отзыв членов Совета обнаружился в следующих выражениях: беспокойный нрав и грубость прежнего их товарища была всегда причиною шумных заседаний Совета, где неприличность и дерзость доходила иногда до того, что однажды Г. Ректор принужден был прибегнуть к помощи Университетской полиции. Поступков, изветов и вымыслов Жобара было одно только желание вредить своим товарищам, несправедливо подозреваемым от него, что все сие противно предписаниям и инструкции данной Г. Директору и Ректору. Обратив наконец внимание начальства, которое указало судить его комитетом, избранным из числа членов Совета, комитет мог только увериться в крайнем упорстве Жобара, потому что вместо ответов слышал одни неудовлетворительные требования. Преподавания Жобара, в особенности французской словесности, не могут быть одобрены

по несообразности оных с университетским учением, потому что они ограничивались большей частию замечаниями на грамматику. Поручение, сделанное Жобару, осмотреть Астраханскую гимназию, было исполнено в обременение Университетскому Начальству; потому что оно не раскрывало надлежащим образом обстоятельств и поступков чиновников Астраханской гимназии, и повсюду представляло разыскания неправильно начатые и неоконченные. Все сии обстоятельства упомянуты в аттестате. В сем заседании не присутствовали: профессор Эйхвальд за путешествием, Иван Дунаев, Петр Сергеев и Адъюнкт Миллер за увольнением в отпуск.

NB. Черновой протокол сей статьи хранится у Г. Секретаря Ерохова за скрепою Г. Суровцева.

Отдел рукописей библиотеки

им. Лобачевского Казанского университета. ф 2, N 7299. л. 30

Читано в Совете 19 генваря в субботу 1824 года.

В Совет ИМПЕРАТОРСКОГО
Казанского Университета
Профессора Жобара

ПРОШЕНИЕ

Честь имею донести Совету о следующем: в начале прошлого академического года, лелея быть полезным своими трудами воспитанникам Гимназии, принял я на себя, с позволения Начальства, обучать их по своей методе, один раз в неделю, французскому языку, для вернейшего приготовления их к слушанию в Университете, полного курса французской словесности. Нынешнего же года, разделив их на две части, хороших и слабых, решился обучать их отдельно два раза в неделю, и делал сие когда в том не препятствовали мне заседания Совета.

Но теперь г. Директор Университета, подозревая мою методу в недостатках, невзирал на то

1-е) Что она одобрена Ея ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ Государынею ИМПЕРАТРИЦЕЮ Марию Феодоровной, которая наградила меня за нее золотою табакеркою с изъявлением Ея Монаршего благоволения, и повелела мне словесно и письменно, напечатать и посвятить оную Ея ВЕЛИЧЕСТВУ.

2-е) Что я экзаменован и одобрен Дерптским и С.Петербургским Университетами.

3-е) Что я утвержден ординарным Профессором французской словесности при здешнем университете, Его Сиятельством Господином Министром Духовных Дел и Народного Просвещения.

4-е) Что конспект мой за 1823 год, в котором я объявил, что я буду обучать французскому языку по собственной методе, принят Советом без всякого противоречия и одобрен Его Превосходительством Господином Попечителем, который изъявил мне за это благодарность.

5-е) Что Г-да студенты и особенно Г. Сыромятников, который постоянно посещал мои лекции, отвечал на публичных экзаменах отличным образом и доказал своими успехами пользу моей методы.

6-е) Что я из чистого усердия к службе, принял на себя прошлого года обучать Г-д студентов, сверх преподавания греческого и Латинского языков, французскому языку, два раза, а воспитанников гимназии один раз в неделю; нынешнего же года, сверх должности, три раза при Университете и два раза в Гимназии.

Не взирая на все то, Г. Директор Университета предложил подвергнуть методу мою испытанию, и сие предложение было принято по общему согласию всех в тот день присутствующих членов Совета, и далее в присутствии студентов и некоторых посторонних лиц, дать отчет о моей методе.

Сколь бы оскорбительно ни было для меня такое подозрение Г. Директора после усердного моего одногодичного преподавания, но зная подчиненность, которую служба требует, я подвергался смиренно испытанию, ожидая справедливости от Высшего начальства.

После сего испытания в следующем заседании Совета, г. Директор не хотел сказать свое мнение о моей методе, но однакож продолжал хулить ее. Тогда я просил объявить Совету причины своего подозрения и неодобрения.

Г. Директор обнаружил

1-е) Что один из воспитанников Гимназии именем Камашев (который, впрочем, как сам это признает Г. Директор, несколько раз только посещал мои лекции) донес ему, что он не понимает меня; из чего заключает г. Директор, что способ мой преподавания нехорош.

2-е) Что он Г. Директор вместе с Г-ми Профессорами Лобачевским и Эрдманом сделал тайное испытание воспитанникам гимназии во французском языке (в отсутствии моем) и нашел, что они все кроме одного Титова, несведущи и отвечают худо.

Сколь бы мне желательно ни было продолжать учение в гимназии, и обучать сверх должности три раза в неделю, студентов нижних разрядов, после таковых поступков, как дают мне разуметь, что мое усердие излишне и оскорбительно для начальства, я нахожу себя принужденным объявить Совету, что я с сего времени откажусь как от вольного преподавания французского языка в Гимназии и студентам нижних разрядов в Университете, так и для избежания дальнейших оскорблений от надзора за учением латинского и Французского языков в гимназии, впредь до разрешения и дальнейшего предписания его Превосходительства Господина ПОПЕЧИТЕЛЯ. О чем имею честь донести Совету.

Подлинное подписал: *Ординарный профессор Жобар*

С подлинным верно: Директор Университета *Григорий Никольский*

[Приписка далее на той же странице. С печатью и датой: 22 августа 1823]

Господам О. Профессорам Эрдману и Лобачевскому.

Г. Лектор Краузе, вникая в успехи ныне переведенных к нему в высший французский класс в Казанской гимназии учеников, и находя их менее удовлетворительными, нежели в прошлом году, просит в присутствии Университетских Чиновников проэкзаменовать их и означить с возможною точностью степень успехов, дабы по окончании сего учебного года не быть ему в ответственности в том случае, если сии ученики не сделают, по малому их знанию, таких успехов, какие

видны были на прошедших испытаниях. Признавая с своей стороны изъяснения Г. Краузе правильным, прошу Вас, как искусных в познании языка французского, подвергнуть испытанию вновь поступивших к Г. Краузу учеников, и что они знают каждый порознь.

Почтите меня Вашим уведомлением

Г. Никольский

Отдел рукописей библиотеки

им. Лобачевского Казанского университета. Ф2, N 7299, л. 25

Профессор Никольский в Генваре месяце 1824 года в присутствии Совета Университетского объявил: а) Что он по несовершенному знанию французского языка о достоинстве табличного метода употребляемого Жобаром при обучении оному судить не может; б) Что он слышал от бывшего директора Гимназии Пономарева и ныне исправляющего его должность Профессора Баженова, что дальней пользы от его способа преподавать в Гимназии не видно, и что Г. Камаев своего сына, обучающегося в гимназии, взял из сего класса; в) Что Лектор Краузе, обучающий высший французский класс, вникая в успехи переведенных к нему в прошлом 1823 году, просил в присутствии Университетских чиновников проэкзаменовать их и означить с возможною точностью степень успехов дабы по окончании сего учебного года не быть ему в ответственности в том случае, ежели сии ученики не сделают, по малому их знанию, таких успехов, какие были на прошедших испытаниях. Признавши изъяснение Краузе правильным, он поручил 22 Августа 1823 года Профессорам Эрдману и Лобачевскому, как знающим французский язык, подвергнуть испытанию вновь поступивших к Краузу учеников, и что они знают, каждый порознь, уведомить, но никакого письменного ответа от них до сих пор не получил; г) Что вообще всякий новый метод учения приводить должно в исполнение по мнению его следующим порядком: он должен быть изложен систематически в подробном сочинении и представлен на рассмотрение Совета. Если Совет одобрит, проверить на опыте будет ли он полезен при обучении юношества. Изведав пользу его на самом деле, представить через Г. Попечителя на утверждение Высшего Начальства о позволении издать учебные сего рода книги и ввести их в общее употребление; д) Что он нимало не сомневается в отличных познаниях Жобара во французской словесности и в прекрасных его педагогических способностях, но согласно с ректором Фуксом думает, что сей табличный метод пригоден более приготовленным уже в грамматике студентам, нежели начинающим гимназистам, как логическое познание языка, в связном и сокращенном виде представляющее грамматику, и находит оправдательную сего причину в том, что молодой ученик не имея перед глазами никаких грамматических правил, а одни таблицы без слов, с трудом может содержать в памяти, что сии таблицы представляют и чему они учат, а знающий предварительные грамматические правила может находить в таблицах облегчение; е) А потому остается желать, чтобы Жобар издал в свет сии таблицы с изъяснением их, а при самом обучении приспособил к понятию молодых людей, судя по их образованию и возрасту; ж) Впрочем ревность его и бескорыстное усердие, с каковыми продолжал он более года добровольно сверх своих обязанностей обучать началам французского языка, как в университете, так и в Гимназии, заслуживает всякое одобрение и справедливую награду от Начальства.

Отдел рукописей библиотеки

им. Лобачевского Казанского университета. Ф2, N7299, л. 24

В Совет Императорского Каз. Уни.
Орд. Про. Лат. И фран. Словесности Жобара

ПРОШЕНИЕ.

Покорнейше прошу Совет внести в послужной Список мой, между прочим, следующее обстоятельство: «Что я, в воздаяние ревностной службы своей, начальством засвидетельствованной и блаженной памяти Государынею императрицею Мариєю Федоровной одобрения удостоенный, всемилостивейше пожалован Высочайшим указом от 12 Ноября 1828 года кавалером св. Владимира 4 степени»; а о определении, каковое последует по сему моему прошению, дать мне знать без замедления.

В Москве 1830 года Августа 30 дня.

Отдел рукописей библиотеки

им. Лобачевского Казанского университета. N 3267 (N 808)

24 Декабря Копия

УКАЗ

Его Императорского Величества Самодержца
Всероссийского из Правительствующего Сената
Казанскому Губернскому Правлению.

По указу Его Императорского Величества Правительствующий Сенат слушал выписку из дела, перенесенного в Общее собрание Московских Правительствующего Сената Департаментов из I Отделения 6 Департамента, а в оное препротожденное 1829 года Марта 18 при ведении I Департамента Правительствующего Сената, о беспорядках, произведенных бывшими попечителем Казанского учебного Округа, Действительным Статским Советником Магницким, Ректором Казанского Университета Фуксом и прочими членами при составлении увольнительных актов тамошнему ординарному Профессору Жобару и о прочем.

Приказали:

Правительствующий Сенат, рассмотрев во всей подробности дело сие находит, что оно в Министерстве народного Просвещения началось по представлению от 17 августа 1824 года бывшего попечителя казанского учебного Округа действительного Статского Советника Магницкого, об увольнении из тамошнего Университета Ординарного Профессора Жобара с отобранием дипломов: ибо он при получении сего звания обязывался выслужить пять лет и пробыл в Университете не более двух лет и звание сие обесчестил объясненными в том представленными поступками. Вслед за сим Профессор Жобар в поданном Г. Министру Народного Просвещения прошении изложил подробно служение свое при Казанском Университете и изъявив жалобы на Начальство и членов оного, в заключение всего просил уволить его от службы в том Университете.

Г. Министр 5 сентября 1824 года предписал Попечителю предложить Университету уволить Жобара согласно желанию его с аттестатом. С сего времени надлежало бы дело сие считать по Министерству оконченным и Профессора Жобара свободным от всякой обязанности по Университету; но как увольнительные виды выданы ему (Жобару) первый без облечения онаго в законную форму, а второй с помещением в оном осуждения службы Жобаровой при Университете и сверх того удерживаем был у него в противность предписания Г. Министра Народного Просвещения диплом на звание Ординарного Профессора Французской Словесности, то упомянутое Министерство в необходимости было по всем предметам жалобы Жобара и о распоряжениях Университетского Начальства собрать надлежащие сведения, из коих открылось во-первых: Что некоторые показания о приписываемых Жобару поступках неосновательны, а прочие не подкреплены доказательствами, во-вторых виновниками в причиненных Жобару убытках, коим он подвергся быв лишен возможности продолжать службу по невыдаче ему правильного вида в законной форме, оказываются бывшие Попечитель Казанского Учебного Округа Магницкий, Ректор Фукс, Секретарь Университетского Совета Сергеев и хотя в меньшей степени еще некоторые члены того Университета, ибо первый из них предложил о выдаче Жобару аттестата без одобрения его поведения, а потом о перемене онога на другие с прописанием обвинений ничем не доказанных; последние же вопреки параграфа 66-го Университетского Устава и 2 Главы Генерального Регламента привели в исполнение предписание Попечителя без предварительного исследования поступков Жобара и суждения об оных, между тем как от Жобара на некоторых чиновников ведомства университетского, так и от всех последних на него предъявлены неудовольствия в личных оскорблениях.

Г. Министр Народного Просвещения получив все сии сведения, 27 Декабря 1828 года, дал Жобару свидетельство, что он беспрепятственно может вступить в службу, где заблагорассудит а от службы при Казанском Университете совершенно увольняется. По всем сим обстоятельствам Правительствующий Сенат полагает: **первое:** согласно мнению Г. Министра Народного Просвещения выдать Профессору Жобару увольнительные от Казанского Университета виды, сообразно актам, одобряющим его поведение и отправление должности, а выданные прежде считать недействительными. **Второе:** понесенные Жобаром от невыдачи ему надлежащих видов убытки, разумея под оными жалованье, которое Жобар по двум кафедрам получал, считая со дня прекращения ему онога по 27 Декабря 1828 года, в которое получил он упомянутое свидетельство, взыскать в удовлетворение его Жобара с бывшего Попечителя Казанского учебного Округа Действительного Статского Советника Магницкого, с бывшего Ректора Фукса и с прочих членов Совета Университетского и Секретаря, подписавших приговоры, обвиняющие Жобара без предварительного исследования его поступков, расположа взыскание сие по мере жалованья, которое они в то время получили, но из суммы следующей к взысканию исключить то содержание, какое получают ныне, т. е. половинное в сравнении с воинскими чинами. **Третье:** В личных обидах обоюднo от Жобара и от чиновников на него изъявленных предоставить всем им, буде того пожелают, ведаться где следует по законам. **Четвертое:** Противозаконные поступки попечителя Магницкого неисполнением Начальственных предписаний оказанные и

неправильные действия Членов Университета по производству дела сего усматриваемые, по силе ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО Манифеста 22 Августа 1826 года 1-й статьи оставить без дальнейшего исследования. О чем с обращением дела к Г. Министру Народного Просвещения, а для надлежащего в чем следует исполнения в Казанское губернское Правление послать указы. Каковым объявление сего Профессору Жобару, по жительству его в Москве, предписать Московскому Губернскому Правлению, и о всем оном 1-му Департаменту Правительствующего Сената дать знать ведением.

Декабря 15 дня 1831 года

Подлинный подписал Обер-Секретарь *Иван Ильин*,
Скрепил в доверенности секретаря *Михаил Кашин*,
Справил столоначальник *Андрей Данчевский*.

Письмо г-ну Уварову, министру народного образования, президенту АН, автору заметок по классической древности, переводчику «СЛАВЯНСКОЙ РАСПРИ», и проч., и проч.

[.]

Да, мсье, при чтении прилагаемого при сем отрывка, каковым Пушкин, ваш почитаемый поэт, обогатил русскую литературу, мою душу охватывает энтузиазм, и, хотя я давно уже потерял обыкновение взвешивать свои слова, я не мог не переложить на французский язык эту восхитительную оду, на которую его без сомнения вдохновило то особое покровительство, которым Ваше Превосходительство удостоивает детей Аполлона.

Желая также привлечь к моей скромной музе благосклонный взгляд мецената Севера, наинижайшим почтением я беру на себя вольность положить к подножию Геликона французский перевод последнего стиха русского Пиндара, этого любимого дитя муз.

Так как Ваше Превосходительство сами соблаговолили в свое время переложить на французский стих «СЛАВЯНСКУЮ РАСПРЮ», осмелюсь надеяться, что Вы благосклонно примете сею дань уважения от наипочтительнейшего из наипреданнейших из своих подданных.

[.]

Находя, что Европа должна узнать эти несравненные строки, я мог бы обратиться к моему брату, литографу, издателю – книгопродавцу и редактору «l'Industriel» в Брюсселе, со всеми комментариями, кои могут потребоваться для понимания текста, но прежде полагаю должным представить мой перевод на суждение Вашего Превосходительства и испросить его мнения на сей счет.

Осмелюсь надеяться, что Ваше Превосходительство сможет оценить чистоту моих помыслов, соблаговолит удостоить меня благосклонным ответом и, возможно даже, дарует аудиенцию самому искреннему почитателю Ваших достоинств, самому исполненному почтения и преданности среди Ваших подчиненных.

Альфонс Жабар,

преподаватель литературы греческой, латинской и французской при Казанском Университете, 7-ого класса и кавалер ордена св. Владимира 4-го класса.

Москва, 13 января 1836

Épître

À Monsieur Ouvaroff, Ministre de l'instruction publique, Président de l'académie des sciences, auteur de commentaires savans sur les classiques anciens, traducteur de la querelle des Slaves < etc. etc. etc.>

Protecteur des beaux arts, grand Mécène du Nord,
 Ma muse, en ton honneur, vient de faire un effort:
 In tenui labor, at tenuis non gloria: du sage
 Je chante les haut-faits: accepte cet hommage,
 Grand Ministre, et bientôt l'Europe et ses savants
 Sauront apprécier tes vertus, tes talens.

Oui, Monsieur, à la lecture de la pièce ci-jointe dont Pouchkine, votre poète de prédiction, vient d'enrichir la littérature russe, l'enthousiasme s'est emparé de mon âme, et, quoique j'aie depuis longtemps perdu l'usage de mesurer mes discours, je n'ai pu m'empêcher de mettre en vers français cette ode admirable, que lui a sans doute inspirée la protection spéciale dont Votre Excellence daigne honorer les fils d'Apollon. Désirant attirer aussi sur ma muse inconnue un regard favorable du Mécène du Nord, je prends la respectueuse liberté de déposer au pied de l'Hélicon, sa demeure inaccessible, la traduction française du dernier chant du Pindare russe, de cet enfant chéri des muses. Votre Excellence ayant daigné naguère Elle-même mettre en vers français la querelle des Slaves, j'ose espérer qu'Elle voudra bien agréer cet hommage, de la part du plus respectueux, du plus dévoué de Ses subordonnés.

Ode

sur la guérison de Luculle, nuitée d'Horace, par A. Pouchkine.

Tu te mourais, jeune richard,
 Et, malgré les secours de l'art,
 La mort, au teint pâle et livide
 Sur la trame de tes beaux jours
 Etendait une main avide,
 Et, sourde aux cris de tes entours,
 Sur toi, d'un bras impitoyable,
 Brandissait sa faux redoutable.

2.

Atterrés et sans espérance,
 Les fils d'Hippocrate, en silence,
 De l'art consultant les secrets,
 T'ouvraient les sources de la vie,
 De la mort bravaient les décrets.
 Tes amis, tes serfs, ta patrie,
 Pour toi, de leurs pleurs, de leur vœux,
 Sans cesse importunaient les cieux.

3.

Déjà ton héritier, ainsi qu'un vil corbeau
 Qui dévore sa proie enlevée au tombeau,
 Livide et frémissant d'une soif criminelle,
 Convoitait en son coeur ta dépouille mortelle;

Et son <seing> odieux, empreint sur tes lambris,
 <Thahissait> de l'honneur sa haine et son mépris:
 Délirant dans les feux d'une cruelle attente,
 Il comptait tes trésors d'une main palpitante.

4.

« Désormais, pensait il en son étroit cerveau,
 « Je n'irai plus des grands flattant les vils caprice
 « De leurs enfans criards l'alancer le berceau:
 « D'autres, plus vils encor, m'offrirent leur servi
 « Me voila donc enfin haut et puissant seigneur,
 « Et n'ai plus maintenant que faire de l'honneur
 « Pourtant je cesserai d'escroquer ma pouponne
 « Et ne volerai plus le bois de la couronne «.

5.

Tu revis: tes amis accourent pleins de joie,
 Te pressent dans leur bras, et tes vassaux heur<eux>
 S'embrassent d'allegresse, et rendent grace aux cie<>
 Aux transports les plus vifs ton Esculape en pro<>
 Triomphe de la mort, s'applaudit de son art:
 Le fossoyeur déç cu baisse un triste regard:
 Celui qui convoitait tin immense héritage,
 Chassé par tes valets a la honte en partage

6.

Enfin la vie ainsi que tous ses charmes
 Te sont rendus: c'est un don précieux,
 Sache en jouir, mets fin à nos allarmes
 De tes amis écoute aussi les voeux:
 Elle s'écoule aride, infructueuse;
 Rends la fertile, et, sans autre examen,
 Prends une épouse et belle et vertueuse,
 Le ciel, crois moi, bénira ton hymen.

Etant bien résolu de faire connaître a l'Europe cette pièce extraordinaire, je me propose de l'adresser à <mon> frère, lithographe, imprimeur-libraire et rédacteur de l'Industriel, à Bruxelles, avec tous les commentaire que peut réclamer l'intelligence du texte mais, avant de faire cette démarche, j'ai cru dev<oi> soumettre ma traduction au jugement de Votre Excellence et Lui demander son autorisati<on> à ce sujet. J'ose espérer que Votre Excellence saura apprécier la pureté de mes intentions, daign<a> m'honorer d'une réponse favorable, et accordera peut-être même une audience au plus sincère admirateur de Ses talens et de Ses vertus, au plus respectueux, au plus dévoué de Ses subordonnés.

Alphonse Jobard, professeur ordinaire actuel de littérature grecque,
 latinè et française pres l'université de Casan, de la 7-ieme classe et chevalier de l'ordre de St.Vladimir de 4-ieme classe.

Moscou, le 13 Janvier 1836

А.Л. Неучев

**РОДОСЛОВНАЯ
ЧИСЕЛ**

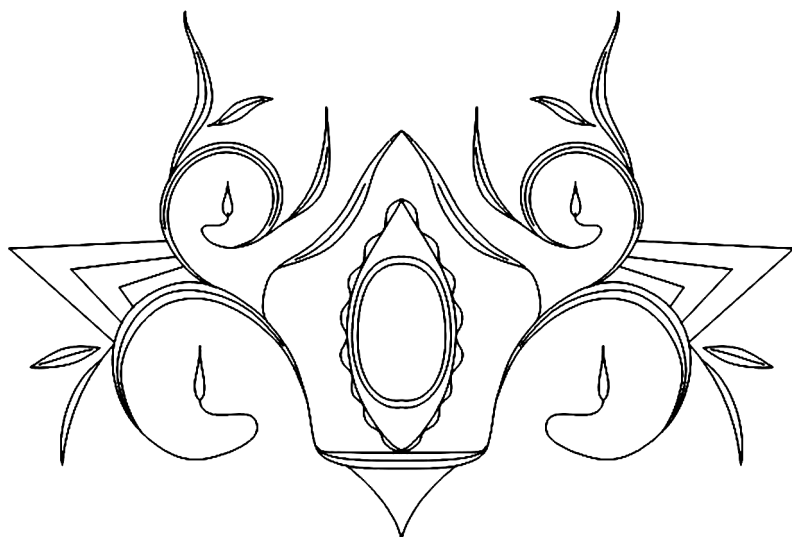

*И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.*

А.С. Пушкин.

Евгений Онегин.

Глава вторая. XXXV

...надо учредить всеобщий владычествующий образ правления, который распространялся бы над целым светом, не разрушая гражданских уз, и при коем все прочие правления могли бы продолжаться обыкновенным своим порядком и делать всё, кроме того только, что препятствует великой цели нашего ордена...

Л.Н. Толстой. Война и мир.

Глава VII части третьей тома II.

Из речи Пьера Безухова в масонской ложе

Глава пятая. Число «Четыре»

*И усеян двор большой
Золотую скорлупой.*

*А.С.Пушкин.
«Сказка о царе Салтане,
о Сыне его славном
и могучем богатыре князе
Гвидоне Салтановиче
и о прекрасной царевне-Лебеди»*

Продолжим нашу работу с числом как передатчиком древнего знания о миро-
сложении. У грека Платона (427 ... 347 годы до н.э.) числа – это идеи, умопо-
стигаемые формы, охватывающие всю полноту подлинного бытия. Они являются
объектом достоверного научного знания и существуют, подобно классификаци-
онным единицам, «поверх», охватывая множества разновидностей единичных ве-
щей и групп, к ним причастных. В учении китайского философа Шао Юна (1011
... 1077 годы н.э.) числа – постижимые высшие принципы, управляющие миром.

В предыдущих главах мы выяснили, что числом «Нуль» и египетским образом
«Великого круга», Океана¹, обозначена началообразующая реальность, свобод-
ная от предметности и неведения и не подразумевающая своей изменчивости в
пространстве и времени. В русской мысли о строении действительности неиз-
менность, неподвижность, инвариантность – качество самого времени.

*Люди вздор городят
О времени; оно для мудреца
Всегда стоит, они ж идут, проходят
Или плывут по жизненной реке
И к берегам относят то движенье,
Которое на утлом челноке
Свершают сами. Всюду – заблужденье².*

Из прародительского нульмерного пространства возникает явь действующего
начала. Эту явь отобразило как светом дня, вызывающего вещи к существованию,
так и метафизическим светом абстрактного образа, рассеивающего мрак иной,
число «Один». В предметной области числа «Два» воссуществовали отношения
распознавания, различения, доводы «за» и «против». (По отношению к расчёту
человека за содеянное при жизни хадис называет тем и другим доводом Коран).
С отношениями различения, распознавания, ведения, кодированными числом
«Два», сопряжены «перья» короны бога Амона (рис. 2.1) и столба Дждед (рис. 2.7),
прообразовавшие точки над $\ddot{\text{E}}$ и десятиричным $\dot{\text{I}}$. С перьями и точками соратуют

¹ У шумеров Океан пресноводен и носит имя Ансу (Абзу, прообраз названия «апсида») вы-
ступающей алтарной части церквей). В песни Илиады «Изготовление оружия» Океан
– река.

² Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807 ... 1873), член-корр. Императорской Россий-
ской Академии. Стихотворение «На 1861».

рога зодиакального Тельца и оба Ока египетской мифологии, поднимающих человеческие веки на суть происходящего. Число «Три» обозначило условие совместного существования первосил, природу работы, взаимодействия и роста структур и систем. На эрмитажной мозаике, найденной близ Рима, три кабанчика тянут кубическую повозочку с яблоками Гесперид, дающими вечную молодость и растущими на крайнем пределе всего – берегу Великого круга – Океана.

Повторив пройденное, попробуем выделить неколичественный общий признак множества элементов предметной области числа «Четыре». Начнём поиск идеи (Платон), высшего принципа (Шао Юн), благодохновенного качества миросложения (Дионисий Ареопаг), с перечисления элементов, входящих в класс эквивалентности «Число «Четыре».

Пусть возглавят реестр четырёхбуквенные имена верховных богов Древнего Египта, восставивших и поддерживавших вечные последовательности и законо-

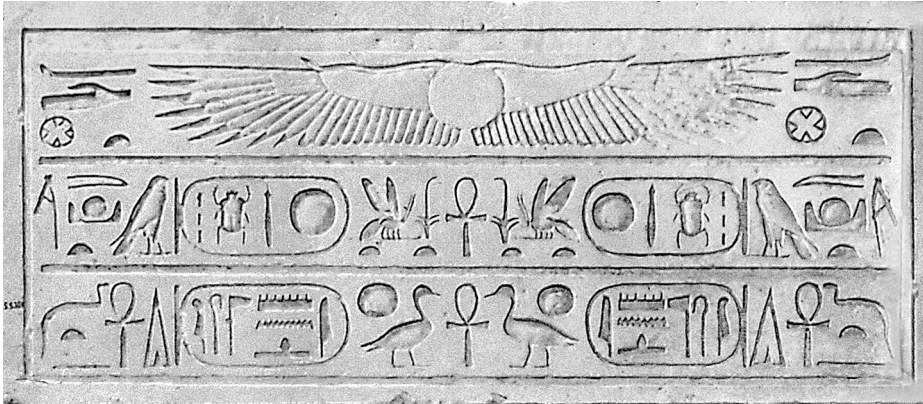

Рис. 5.1. Знак «великого имени» титулатуры царя – трава с цветососом и пчела в центре среднего регистра симметричной надписи архитрава дверного проёма храма Аменофиса II (Аменхотеп II, 1438 ... 1412 годы до н.э.), государя XVIII династии. Новое царство. Около 1400 г. до н.э. Гиза. Египетский музей. Каир.

мерности, называемые миропорядком. Это имена Птах, Атум, Амон, Атон, Ир-та, Маат, Тевт (Джехути, Тот), Исет (Исида) и Усир (Асар, Ас Ар, Асирис, Осирис)... Отметив четырёхбуквенность имени Анна и слова «вера», пополним реестр четырёхзвённым сакральным символом – телескопическим столбом Дждед (рис. 2.5 ... рис. 2.7). Церемониальный фетиш Дждед «укрепляющего истину» бога Осириса – образ, пришедший из таинственных додинастических времён.

В четвёртом часу плавания ночной Ладьи бога Ра происходят события, восстанавливающие чин предустановленного в солнечном мифе Египта. Час этот протекает в четвёртой долине царства мёртвых – Дуата. Здесь вновь наполняется водой русло исподнего Нила. Здесь бог мудрости Тевт (Тот, Джехути) исцеляет расчленённое Сетом (суета, Сатана) Око Уджат (сравн. задачу Христа «взыскать и спасти погибшее» Лк. 19:10). Исцелённое Око ясного сокола Гора, сына Исиды и Осириса (рис. 5.16), – ключ к воскрешению Осириса, свет которому несёт Ра.

Плутарх в сведениях своей эпохи указывает, что супруга Осириса Исет (Исида) – дочь Тота, и что родилась великая богиня во влажной местности в *четвёртый* из пяти предновогодних дней, самостоятельных в египетском календаре. Четвёрка как количественный признак присутствует в древнейших символах титулатуры царей Египта. Иероглиф в виде растения с цветоносом имеет четыре отходящие от стебля листочка (рис. 5.1). Четыре крылышка природа дала пчеле (рис. 5.1).

Предание Древнего Шумера повествует о сотворении людей и животных четырьмя богами: Аном, Энлилем, Энки и богиней Нинхурсаг (рис. 5.2). Из мифологического наследия Древней Греции широко известны четыре богини судьбы. Клото прядёт пряжу жизни, пядень³ ручки Лахесис отмеряет её длину, Атропос безразлично обрывает нити, ну а тихая, скромная, ныне не всегда удостоивающаяся упоминания Тюхе украшает и укрепляет жизненную пряжу золотой ниточкой радости.

Откроем священную по своему статусу «Илиаду» Гомера. В песни восемнадцатой «Изготовление оружия» среди прочего, изображённого искусным богом-кузнецом Гефестом на щите Ахилла, четыре пастыря сопровождают стадо волов.

*Там же и стадо представил волов, воздымающих роги:
Их он из золота одних, а других из олова сделал.
С рёвом воли из оград вырываяся, мчатся на паству,
К шумной реке, к камышу густому по влажному берегу.
Следом за стадом и пастыри идут, четыре, золотые,
И за ними следуют девять псов быстроногих.
Два густогривые льва на передних волов нападают,
Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревёт он,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
Чёрную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.
Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами.
Близко подступят, залают на них и назад убегают.*

На примере этих строк (18:573 ... 586) выясняется также осведомлённость источника и получателей сообщений «Илиады» о рассматриваемых нами свойствах чисел и образов. Со стремительными круторогими быками щита Ахилла однастаден Телец Зодиака. Звёздной литерой головы Тельца, второго созвездия Зодиака, древняя мысль обозначила могущество разума. Представление об этой абстракции оживает и в применённых Гефестом металлах, золоте и олове, изоморфных разуму и рассудку. Отношения порядка в стаде реализуются четырьмя пастырями. Златые пастыри Гомера напоминают о четырёх сыновьях золотого Гора, изображённых на цветке лотоса в сцене суда Осириса (рис. 2.2).

³ Пядь, пядень (четверть). Малая пядь – расстояние между кончиками расставленных большого и указательного пальцев. Пядь великая – наибольшее расстояние от конца большого пальца до наиболее удалённого от него конца пальца кисти руки. Название старинной меры длины производно от слова «пять», обозначающего кисть руки.

От блистательной работы бога Гефеста, поэта Гомера и неизвестных носителей философского гения, усилия которых венчают «народная» сказка, былина или песня, обратимся в пополнении выборки элементов с признаком «четыре» к православному культурному наследственному веществу. В нём тайнодейственному Творцу, Солнцу вселенной, поставлено в соответствие не четырёхбуквенное имя, как в Древнем Египте, а ячейка из четырех имясловов – местоимений «Азь», «Иже», «Наш», «Он». Правда, в «Откровении» (Обавлении) Иоанна Богослова Творец четырежды отождествляет Себя и с коммуникативными буквенными символами (1:8; 1:10; 21:16; 22:13). Одним из видов приобщения к тайнодейственной божественной силе считаются крестное знамение (звёзды Альдебаран, Сириус, Бетельгейзе и Ригель на рис. 5.33 как вершины креста) и четыре православных поста. *Четырёхдесятну* (четырёхдекадному) посту «*вдадеся язык словенских Апостол и богумудрый учитель*» Кирилл (Константин Философ) прежде сотворения Буквы в Духе – славянской азбуки. Ходят слухи, что Пётр Ильич Чайковский предварил создание оперы «Пиковая дама» сорокадневным затворничеством на чердаке своего дома в Вятской губернии.

Продолжим нашу выборку включением в неё четверга, в который происходит Тайная вечеря Христа и учеников. Элементом выборки станет и явление Богоматери, которое происходит в четвёртом часу ночи воскресения во влахернской церкви Константинополя. Предание о событии гласит, что святой Андрей и блаженный Епифаний созерцают грядущую по воздуху Пречистую Матерь Божию, распростёршую затем над молящимися Покров со Своей головы, защищающий от врагов видимых и невидимых.

Покров – эталонный сакральный образ только российской православной этической системы. Это выражение благочестия, соединённое преданием с числом «Четыре» часом явления Богоматери, стóбит того, чтобы поговорить о нём подробнее. Формально, внешне, явно, наружно сияющая ткань Покрова воспринимается неким отражающим зло талисманом, посланным в ответ на мольбы и слёзы. Неявная же существенность явления Богоматери в очередной раз напоминает об известной мотивирующей и поднимаю-

Рис. 5.2. Богиня Шумера Нинхурсаг. Рельеф из Суз. II тыс. до н.э. Париж. Лувр.

шей личность задаче сближения трудов божественного и человеческого. Древний образ эволюционной пряжи верховной богини славян⁴ сохраняет в двухпараметричном Покрове значение основы, обуславливающей прочность ткани жизни. Параметр второй – нить утка ткани. Нить утка должна получаться и соединяться с обуславливающей крепость основой – усилиями людей.

Скажем о конкретной задаче отражения зла и изменения судьбы человечества, сопряжённой с образом рукотворной нити утка сияющей ткани Покрова. В качестве не очень давнего примера решения подобной задачи можно привести благородный подвиг советских военнослужащих – участников интербригад в войне в Испании в 1936 году. Апостольского величия этих людей не умаляет распространение на их деяния, соответствующие заповеди «за други своя»⁵, служебного долга и, следовательно, формулы «grace under pressure» (благородство под давлением⁶). Их подвиг – овеществление, проявление субстанции «Свет истинный» (И. 1:9), то есть того, что делает человека человеком. Аллегория сияния и силы Покрова предвещает и охватывает сияние и силу героики их «послушания».

Исповедальный по природе (Пс. 103) образ Покрова – пресуществление упорядочивающей мотивирующей идеограммы очень древней теории личности. Её линия тока узнаётся в пряже Макоши и ведийском священнодействии, дававшем человеку чувство силы и части мироздания. Ту же дхарму Вед вкладывает в сердце ребёнка сказка о репке, не вытаскивающейся без его участия. Осмысленным и освящённым бытием звена системы-иерархии Маат была и жизнь египтянина, воспринимавшего свой труд как часть порядка Маат. Триада Иоанна Богослова: «И Слово плоть бысть. И воссели Ся в ны (нас). И видехом славу Его», – интонирование ведийского мотива индуизма о происхождении дхармы человека из всеобщей вселенской дхармы и учения о мокше как результате достижения тождества атмана (санскр. – дыхание, душа, я сам) и брахмана, из которого возникает мир.

Идеограмма Покрова и метафизического истинного Света, просвещающего всякого человека, приходящего в мир (И. 1:9), проявляется также в символике обратной перспективы православных икон, в вещании айата 12 (11) суры 13 «Ар Ра'ад» (Гром)⁷ и в изложении Константином Философом сути своей науки: «раз-

Рис. 5.3. Омфал (пуп), знак центра Земли из храма Аполлона в Дельфах. Бог Аполлон изображался сидящим на вершине омфала. Музей Дельф. Греция.

⁴ Акафист святым равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию утверждает, что они нашли славян исповедующими истинную веру. Икос 5.

⁵ Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя. Иоанн. 15:13.

⁶ Одно из значений слова «grace» – благодать.

⁷ Поистине, Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними.

умение божеских и человеческих дел». Разумение, свет ведения явного (рассудок) и неявного (разум), помогает достигать обязательного в христианской антропологии: «*через добродетель, насколько возможно, приблизиться к Богу*». Послушание Ему разнообразно.

*Невод рыбак расстилал по берегу студёного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям⁸.*

Четырёхзвённая ячейка сети – один из древнейших образов, который мы тоже поместим в нашу выборку. В последующем изложении станет ясно, что образ сети относится к сути философии, названной Сенекой наукой о спасении. Обратимся вначале к ячейкам евангельских рыболовных сетей и мрежей сказочных. Образ цедащих мрежей рыболовов сопоставим и с межевой задачей Христа *дать земле разделение* (Лк. 12:51), и с тождественным преобразованием Его задачи *взыскать и спасти погибшее* (Лк. 19:10).

В славянской волшебной сказке о королевиче и его злом дядьке невод служит средством спасения героя. Спасительное орудие загодя вяжет леший, оставивший для решения этой неотложной задачи свои звероловные силки. Благодарный представитель древних верований леший, некогда избавленный от железного узилища добросердечным мальчиком-королевичем, заблаговременно прибывает на морской берег с целью спасения своего освободителя. Извлекает же неводом из глубокого моря утопленного дядькой добра молодца царевна, приложив к приготовленной лешим ячеистой снасти свои белые ручки. Заканчивается народная сказка с явным отзвуком как шумерского мифа о похищении у Энлиля Таблиц Судеб их обаятельным «охранником», так и египетского мифа об Исиде и Осирисе, как водится, свадьбой царевны и королевича – победителя семиглавого Идолища.

Четырёхсторонняя ячейка, подобная ячее сети, – повторяющийся элемент платья богини Исет (рис. 5.16) и манжет облачения Богоматери на новгородской иконе начала XIII века «Знаменье» в экспозиции Государственной Третьяковской

⁸ А.С. Пушкин. *Отрок*.

Рис. 5.4. Богоматерь Владимирская. Первая треть XII века. Константинополь. Линия тока канона Древнего Египта – изображение движения левой ножки Младенца. Собрание Государственной Третьяковской галереи. Москва.

галереи. Ромбы сетки можно различить на манжетах Богоматери Владимирской, константинопольской иконы первой трети XII века (рис. 5.4), и на постаменте раки новгородской успенской иконы Богоматери (рис. 5.5).

В собрании памятников старой веры Русского музея в Санкт-Петербурге сеткой орнаментированы поля рамки поясного изображения Николая чудотворца (рис. 5.6) и облачение святого (рис. 5.7). Ячейке сети подобны грани трона (рис. 2.1; 2.2; 4.13; 4.14; 4.21) и куба Каабы, сетка попоны священного быка египтян Аписа, омфалов греческой мифологии (рис. 5.3). В быту России сетчатый рисунок – атрибут росписей керамики Дагестана, Гжели (рис. 5.8), крылышек павлина дымковской игрушки (рис. 5.9) и попоны коня буквы «Веди» (рис. 3.7). Инвариант решётчатости присущ новым сенам и вратам в русской народной песне «Ах вы сени мои сени». Четырёхугольную форму имел серебряный жетон Императорской Российской Академии. Его обратную сторону украшали символические изображения Грамматики, Витийства и Стихотворства⁹. Сетка – очелье русского женского головного убора (рис. 5.10). Извлечённые из глубин речных вод и раковин жемчужины очелья – смысловой эквивалент суфийской метафоры природы и итогов работы разума. (Суфии сравнивают её с извлечением мозга из кости и обозначают произведением КС.)

Рис. 5.6. Святой Николай Чудотворец. Пробраз орнаментовки сеткой полей рамки – созвездие Орион. XIX век. Собрание Государственного Русского музея.

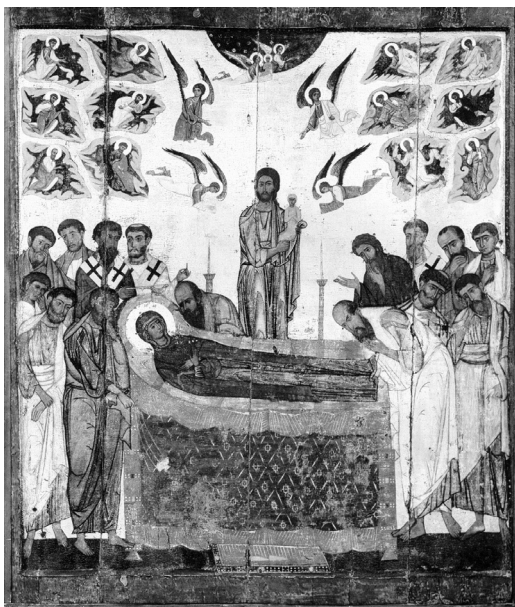

Рис. 5.5. Успение Богоматери. Начало XII века. Новгород. Собрание Государственной галереи им. П.М. Третьякова.

Ко множеству с ёмкостью «четыре» прибегает Аллах Таала, являя Своё могущество в чуде оживления. Аят 262 (260) суры 2 «Аль Бакара» (Корова) повествует: «И вот сказал Ибрахим: «Господи! Покажи мне, как Ты оживляешь мёртвых». Он сказал: «А разве ты не уверовал?» Тот сказал: «Да, но чтобы сердце моё успокоилось». Сказал Он: «Возьми же четырёх птиц, собери их к себе, а потом помести на каждой горе по части их, а

⁹ Золотая медаль Академии вручалась «Российскому слову отличную пользу принесшему».

потом позови их: они явятся к тебе стремительно, и знай, что Аллах велик и мудр».

В учении индуизма действие собственной функции предметной области числа «Четыре» выражено в четырёхрукости богов. Под барабанчик космического ритма в пальцах четырёхрукого Шивы происходит упорядоченное движение пребывающего. Ведийская эмблема коллеги Шивы бога Вишну – свастика из четырёх конструктивных элементов. Древняя ведийская свастика напоминает о прообразе четырёх рукавов райской реки. Прямой угол в построении знака Вишну означает несимметричность связи порядка между величинами. Предание о Вишну как хранителе мироздания позволяет говорить о том, что масштабность знака свастики может охватывать и рукава галактические.

Само индийское общество в устройении матрицы социальной ответственности было искони поделено на четыре варны. Варну брахманов составляли «дважды рождённые», то есть жречество. В сообществе эта варна с присущей ей «кабаньей» метрикой мышления и долга решала культовые задачи и задачи интеллектуальных ловитв. Отважная варна кшатриев, изошрённая оружием и умением владеть им, воевала,

предупреждая и отражая вред вторжений, и давала стране царя. «Тягловыми» варнами была земледельческая и ремесленно-торговая варна вайшьев и варна слуг, шудр.¹⁰

Возвратимся на просторы, покинутые некогда египтянами, кельтами (галлами), шумерами, индоариями и самураями. В волшебной русской народной сказке о царевне-лягушке четыре испытания устраивает царь жёнам своих сыновей. Каждая из молодых жён царевичей должна испечь хлеб, сшить рубашку, соткать ковёр и показать себя на пире. Первые две задачи можно упрощённо назвать преимущественно испытанием на «оловянное»,

Рис. 5.8. Интонирование тематики начал мира: омфала и божества на нём; новогодних мистерий Сириуса (звезда Исиды) в восьмисекторной эллипсоидной форме и росписи гжельской посуды.

Рис. 5.7. Николай Чудотворец. Орнаментировка облачения святого сеткой – семантическим переоформлением темы Осириса. Конец XIX века. Москва. Мастер Р.С. Хрусталёв. ГРМ.

¹⁰ Изображение четырёхрукой богини на льве открыто при раскопках дворца VIII ... IX веков в Таджикистане. Богиня держит изображения Солнца и Луны. Её третья рука благословляет, а в четвёртой – кнут (экспозиция Государственного Эрмитажа). В правой нижней руке держит оружие Вишну в своём храме в Прамбанане. Серебряная хорезмская чаша VI ... VII веков с изображением четырёхрукой богини найдена в дер. Ковина Пермского уезда Пермской губернии (зал 48 Государственного Эрмитажа).

рассудочное знание пропорций и свойств последовательностей. Относятся они к простым жизненным реалиям, повседневная сосредоточенность на которых упрощает картину мира, но не побуждает к саморазвитию сверх побудительных мотивов ремесла. В художественном же украшении ковра преобладает не техническое умение. В нём домоправительница не может не открыть своего взгляда на мир и правила его движения, обнаружив тем содержание категориального аппарата, мотивационной, идентификационной, аналитической метрик более высокого чина мышления. Своего рода узором ковра можно назвать историю, мотивы и архетипы такого субъекта познания, как народ.

Рис. 5.9. Сетка на крылышках павлина Дымковской игрушки.

Рис. 5.10. Сетка-очелье из речного жемчуга – атрибут русского головного убора. С её повторяющимися элементами сопоставляется и знак косого креста созвездия Осириса Орион (рис. 5.33). Отвечает ему и бант на коснике. Солистки Волжского народного хора им. П.М. Милославова. Самара. 2010 год.

Царский пир в передаваемом сказками учении – аллегорическое оформление ещё одного уровня мышления. Его свойством является умение помнить о веках, совершая дела дня, умение владеть собой и ведущим к цели инструментарием в больших временных отрезках¹¹. Свойство, необходимое для царствующих. У суфия Низами представление о миротворческой энергии этого уровня наблюдательности и анализа намечено образом «огневое вино», согласующимся с пиром, а в Евангелии – вином тайной вечери. Уровень обуславливает существование, благополучие и эволюцию сообщества в отрезках, во много раз превышающих время действия «закона трёх поколений» из «Романа в письмах» А.С. Пушкина. Действия, мотивированные этим программным уровнем, производным от непреложного, наиболее верны в самых разных обстоятельствах, хотя могут восприниматься как совершаемые «невпопад». Вино, как-никак...

¹¹ Задача ориентировки в больших временных отрезках ставится в соответствие учению о спасении (мокиша, сравн. Макошь) путём осуществления в «Я» бесконечности и абсолютности осознанием единичности «Я» брахману, вечному. Сердцевинной коранического Послания является мысль о грядущем ответе человека перед Аллахом за вверенное предназначение, предначертанный путь.

Пополнив мимоходом нашу выборку примеров чином царского пира, описание одного из них взято эпиграфом к предыдущей главе, перейдём от коврикатчества к другим жанрам в работе художника. Как и всякая настоящая работа, не только царская, она переводит один вид энергии в другой. Отнесём к работе и сосредоточенное размышление, предваряющее преобразования.

В славянской былине о Святогоре значимость художественного воплощения непреложной закономерности мироустройства передана эпизодом со скоморошьей сумочкой, которую богатырь Святогор не может поднять. Какую силу символизируют четыре медведя в торжестве рождения дня на живописном полотне И.И. Шишкина «Утро в сосновом лесу»? Силу, выраженную четырёхбуквенным именем великого божества? Четыре сотни лет жизни царства? Движущие силы жизни, знакомые нам по именам рек Исети, Тобола, Иртыша и Оби? Представляет ли тетрада с выделенным главным элементом¹² открывшуюся художнику четверичную космическую структуру, формирующую мир, объясняющую природу творчества и хорошо известную людям, изобретшим куклу-матрёшку или нанесшим древние знаки-тетрады, напоминающие след носорога, на камень столпа пещерного святилища на уральской реке Сим?

Среди особенностей сценографии преемницы романа «Евгений Онегин» – сказки А.С. Пушкина о царе Салтане – четыре появления кораблика. Собрат кораблика сказки в мифологии Древнего Египта – златотронная Ладья Ра. Она приводится в движение усилиями четырёх гребцов. Их имена Ху, Сиа, Сехем и Хех означают Волю, Разум, Энергию и Вечность¹³. Мало сомнений в том, что на языке функций сходными будут имена крылатых коней Гелиоса (он же Хорс) и коней квадриги «возжигателя народов» Аполлона над фронтонами Большого и Александринского театров. Четыре пантеры влекут колесницу с божественной парой над порталом оперного театра Дрездена.

В уставе ислама видоизменения тех же первоначал просматриваются в ансамбле четырёх его элементов. Это шарият, – «закон»; тарикат, – «путь»; марифат, – «знание» и хакикат – «истина». Подобно четырёхзвенному фетишу Осириса столбу «Джед» и рекам бассейна Оби, ансамбль-тетрада раскрывает изменившую ход истории природу доктрины ислама. Мусульмане, помимо четырёх перлов мироздания и их функций, знают и четырёх надзирающих за миром архангелов. Джабраил руководит беспроигрышными битвами на путях Аллаха Таала и не даёт зарастать тропам откровений. Фельдмаршал тыла архангел Михаил правит пропитанием. Архангел смерти Азраил забирает души умерших. Четвёртый архангел, Исафил, озабочен чином и часом Судного дня. Функциональным подобием гребцам ладьи Ра и архангелам представляются грифоны свастики могильника Пазырык на Алтае (рис. 5.11).

В религиозных текстах зороастризма на четвёртое утро после смерти душа, пребывавшая рядом с умершим, оказывается на мосту Чинвад (Чинвар). Судный мост в потусторонний мир для праведных широк, а для грешников сужается до

¹² Примерами такой тетрады служат святые Вера, Надежда, Любовь и мать их София (Сотис, Септ, Сириус), Зевс с сыновьями на фреске с Крита (рис. 4.16). Отчётливую тетраду с главенством Сириуса образуют поименованные звёзды рисунка 5.33.

¹³ И.В. Рак. Египетская мифология. Стр. 20. СПб. 2000.

режущей кромки клинка, и они падают в ад. У моста душе умершего являет свой прекрасный или безобразный образ её вера. Мост принадлежит к тому же множеству, что предопределённые пути небес и земли, и сотворён «благодаря силе разума».

Рис. 5.11. Свастика из голов грифонов – отображение представлений о динамической системе с четырьмя параметрами? Могильник Пазырык. V... IV века до н.э. Кожа. Экспозиция алтайских древностей. Государственный Эрмитаж.

времени было принято различать четыре типа фундаментальных взаимодействий: сильное, слабое, электромагнитное и гравитационное. Соответственно существуют и четыре класса элементарных частиц: *адроны*, *лептоны*, *фотон* и гипотетический переносчик гравитационного взаимодействия *гравитон*.

Высокой жизни служители высшей геометрии нашли, что типичная поверхность, как-то горный ландшафт планеты, не касается никакой прямой, например, луча восходящего светила, более чем в четырёх точках. Невозмутимый строй этого универсального математического закона царит и в главе четвёртой романа А.С Пушкина «Евгений Онегин». (Заметим в скобках, что три четверостишия и двустрочная кода слетаются в строфу романа подобно четырём птицам, о которых вещает Аллах благословенному Ибрахиму в упомянутом чуть выше аяте 262 (260) суры 2 Корана¹⁴.)

В луче главы четвёртой «Евгения Онегина» – четыре образа, четыре «точки касания» таинственного пространства существа человека. По своим особенностям образы главы четвёртой напоминают о динамической системе с четырьмя

Сила внимания к миру, присутствующая типу мышления, выраженной некогда образом веоря, пополнила сокровищницу класса эквивалентности числа «Четыре» блестящими достижениями естествознания. Молекулярная биология открыла четыре элемента – нуклеотида, которыми записывается замысел действия молекул ДНК. Это *аденин*, *гуанин*, *тимин* и *цитозин*. Четыре – наименьшее число нейронов, установленное природой для биологических объектов, где их наличие ею предусмотрено. В таблице, выражающей высшую общность, фундаментальный закон, открытый Д.И. Менделеевым, любой из химических элементов полно охарактеризует четвёрка квантовых чисел n , e , m , s . В физике до последнего

¹⁴ Ибрахим, чей праведное сердце вместило откровение Всевышнего Аллаха – прямой потомок шумерского Зиусудры, переименованного в Ветхом завете в Ноя.

параметрами и подобны тройке базовых цветов солнечного спектра. В спектре ни одна из основных красок не получается из двух других. Сочетаниями трёх основных цветов образуется вся цветовая гамма природы и живописи. В романе ни одна обнаруживаемая образами Татьяны Лариной, Евгения Онегина, Ольги Лариной и Владимира Ленского собственная функция не получена соединением других. Но подобными ментальными побудительными мотивами и их сочетаниями может быть описано множество самых разных проявлений человеческого характера. Подобно базису осей декартовой системы координат в математике, базовым цветам спектра в физике, четырём гребцам египетской солнечной барки и четырём грифонам алтайской свастики (рис. 5.11), образы главы четвёртой – неизменные метрики, инварианты, извлечённые мыслью из многообразия реальности, из пространства текущих событий. Каждый из четырёх главных образов – подобное иконическому чистое состояние, конечный рубеж, предел аналитической функции. Каждый образ олицетворяет представление о параметре, который можно назвать только ему присущей метрикой мышления. Очевидно и то, какой метрике тетрады отдаёт предпочтение А.С. Пушкин. Она пресуществляется затем в образе царевны-Лебеди.

Предельными абстракциями, причинными факторами, метриками мышления, олицетворениями представлений о которых служат образы главных героев романа, А.С. Пушкиным выражен мотивационный состав поступка и поведения, предмет радений мудрецов механики личности: психологии и антропологии. Будучи, как гребцы ладьи Ра или координатные орты, моделью определяющих характеристик исследованного пространства, образы могут служить основой его причинного объяснения и организации. Таково содержание романа, украшающее антропологию своим представлением о параметре «среда мышления» и его четырёх метриках: движущих силах, обусловленных ментальными побудительными мотивами. Моделирующее жизнь содержание романа главенствует над совершенной формой, но выражено её предельными образами. Роман и сказки А.С. Пушкина помогают человеку делать нравственный, этический, не основанный на корысти выбор и поступок, который и является, и называется обычно деянием веры. Вспомним, в связи с признаком предельности абстракции, что на предельном рубеже всего, на дуге великого круга Океана, растут и золотые яблоки Гесперид – аналогия молодильных яблок русской сказки.

Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» уже назывался частью теоретической схемы, моделью, созданной для важнейшей общественной цели. В.Г. Белинский дал этому явлению национальной мысли и формулы наименование – «энциклопедия русской жизни». А.С. Пушкин, сократив до необходимого число существенных функций системы, оставил на каждом функциональном уровне (горизонте понимания) единственную переменную – образ¹⁵. Такой язык в аппарате исследования наиболее глубоких и существенных закономерностей бесконечного множества «сообщество», создаёт и типологию приходящих в мир искателей, и общую картину всеохватности постижения реономной среды, пространства текущих событий. Ранее мы назвали этот аналитический аппарат теорией инвариантов.

¹⁵ Сравни в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Русская мелодия»: «Я дал им вид, но не дал им названья».

В рамки яви, обозначаемой числом «Четыре», текст книги «Бытие» помещает феномен знамений. В синодальном издании замысел событий четвёртого дня творения изложен в следующих начальных строфах:

*И сказал Бог: да будут
светила на тверди небесной, для
отделения дня от ночи, и для
знамений, и времён, и дней, и годов;
И да будут они светильниками
на тверди небесной, чтобы светить
на землю. И стало так.*

Отличительной особенностью четвёртого дня творения является то, что он завершает подготовку неопалимой купины жизни к стадии обзаведения локализованным мозгом, инструментом осмысления как предельных оснований бытия и знания, так и самоосмысления. Поэтому сигнал знамений в предметной области числа «Четыре» заслуживает особого внимания. Вывод об источнике и назначении знамений можно сделать из священных строк Корана и «Илиады». В песни первой «Илиады» Зевс вещает о значении знамения, имеющего ясные признаки инварианта:

*Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно
И не свершиться не может...*

Об усеянном золотой скорлупой небесном своде, о золотых литерях небесного калама и о горизонте его восприятия в аяте 32 суры 21 «Аль Анбийя'» (Пророки) Корана говорится:

*Мы небеса раскинули (для них) охранным сводом,
И всё же отвращаются они
От тех знамений (что являет им творение Господне).*

Изданный в Казани мусульманский календарь первых лет XXI века приводит некоторые поучительные примеры, входящие в границы понятия «знамение». По достоверному свидетельству Абу Хурейра, Мухаммат отвечает спрашивающему о знамении Последнего дня, что таковым знамением будет утрата понятия чести. Среди знамений Последнего дня Пророк назвал также отмирание науки, возрастание невежества, азартных затей и опьянения. Касаясь этой темы, Христос связывал срок жизни храма с образом жизни его служителей.

Содержание хадиса Пророка согласуется с аятом 17 (16) суры 17 «Аль Исра'» (Ночной перенос): «*А когда Мы желали погубить селение, Мы отдавали приказ одарённым благами в нём, и они творили нечестие там; тогда оправдывалось над ними слово, и уничтожали Мы его совершенно*». В патологическое кольцо нечестия входит, в частности, отсутствие условий, позволяющих реализовать способность к творческому труду. Этот аят, напоминающий о причине гибели Атлантиды, Трои и Египта после исчезновения из его религии моральных и мировоззренческих устоев древних народных алтарей, предварён Кораном напоминанием о том, что Милосердный не карает селения, какого бы масштаба и вида то «селение» ни было, не направив туда предварительно вестника.

*И никогда никто не был наказан Нами,
Пока Мы не послали (к ним)
Посланника (с предупреждением о каре
И наставлением на правый путь).*

Но говорящее зеркальце едва ли не всегда норовят разбить.

С высказываниями пророков Мухаммата и Исы (Иисуса) о знамении Последнего дня, о зависимости срока жизни храма от образа жизни его служителей, согласен непреложный физический закон. Он гласит, что *плотность поступающей энергии ограничена физическими свойствами среды, через которую энергия течёт (вектор Умова)*. Своеобразной средой является и категориальный аппарат субъекта познания, движущие силы, метрики которого в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» отразили образы Татьяны Лариной и Евгения Онегина, Владимира Ленского и Лариной Ольги.

Задачу содействия уму в восприимчивости поступающей метафизической энергии решают, помимо благочестия и науки, названных в ответе Мухаммата на вопрос о Последнем дне, каноны грамматических правил¹⁶, границ и содержания понятий, установленной формы языка, чистоты речи. Они, подобно бруску из дуба роши оракула Зевса в киле корабля «Арго», служат безошибочной навигации в море мимолётностей, связывают человека и этнос с его историей и будущим. Пренебрежение их исповеданием, оракулом, – разновидность сеяния нечестия и безумия, то есть не что иное, как знамение Последнего дня.

Мы выяснили также, что в извещениях чисел и образов выражено действие силы внимания и знания, на которое ориентирован и которому соприроден замысел знамений. В качестве примера витийства, касающегося языка, назовём образы рыцарей поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». О рыцарях Руслане и Рогдае можно говорить

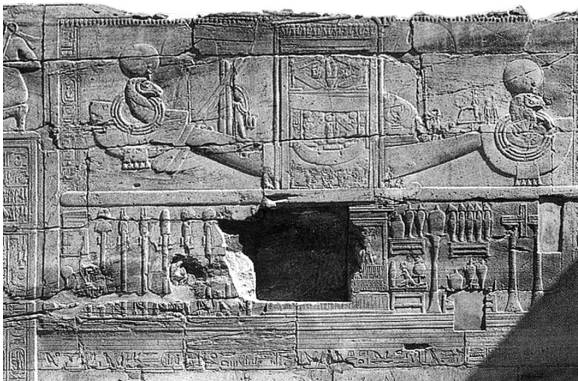

Рис. 5.12. Изображение барки-раки Амона – вероятный прообраз кириллической буквы с имясловом «Добро». Капелла заупокойного храма Сети I. XIX Династия, ок. 1280 года до н.э. Западный Тебен. Кurna.

как о метафорах форм языка: одной – живущей в духе; другой – заражённой подходом с иерархией ценностей, выраженной властолюбивым именем и характером действий «героя» Рогдая.

Пусть слово о витийстве, представляющем замечательный феномен знамений, закончит нашу краткую выборку элементов, входящих в класс эквивалентности «Число «Четыре». Выборка позволяет говорить о том, что золотые узоры небесного

¹⁶ В представляющем математическую область отношений слове «грамматика» угадываются имена богов Гора, Ра, богини Маат и наименование категории Ка, светила египетской теории отражения.

калама, воссуществовавшие в четвёртый день творения, знаменуют собой значение нормативности. То есть о том, что в границы обозначенной числом «Четыре» предметной области входят отношения порядка. Являющееся образом охранительного небесного свода тюркское слово «чатыр» по-русски произносится «шатёр». В первом приближении если и не станем рассматривать происхождение названия числа «Четыре» в связи с тюркским наименованием «шатёр», то учтём фонетическую близость числительного «четыре» и существительного «чатыр».

Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат. Благодаря звёздному полю и его строгому чину существует такой инструмент упорядочения и совместимости, как канон летоисчисления. Звёзды – базис для определения координат любого из украшений лика Земли. Недвижность звёзд относительно друг друга издревле покровительствует путям судов и караванов. Отношения навсегда установленного порядка на усеянном золотой скорлупой небесном дворе исправно служат и для проверки наведения укрытых в шахтах ракет.

Отношения порядка, которые мы увидели и рассматриваем, опираясь на нашу аналитическую выборку, именовались в Древнем Египте «вода изобилия». Одно из начертаний знака числа «Четыре» напоминает об истоке изобильных вод райских рек (рис. 3.14), а изгиб знака – о реке, географически истолкованной как Евфрат. Во время империи власть Египта распростиралась до её верховьев.

Поговорим немного об отношениях порядка в империи на стыке династий. Свидетелем «последнего часа» фиванской фамилии, создавшей величайшую империю и рухнувшей вслед за интеллектуальным каркасом созидательных деяний, подточенным богатством второстепенным, был умный царедворец Хоремхем. Бывший до своего коллегиального утверждения на египетском престоле искусным воеводой, Хоремхем воспринимал как знамение беды неумелое размещение войск к началу битвы и появление зыбкости в порядке воинского строя. Император Египта Хоремхем карал лиц, подменявших своим усмотрением требования норм в отношениях с властью и другими подданными царя, избегая зыбкости и тяжких бед царства. Часть законов, применявшихся государем XVIII династии Хоремхемом (1333 ... 1306 годы до н.э.) для обуздания произвола должностных лиц, была настолько древней, что происхождение их статей приписывалось богам. Боги хорошо понимали, что без честного труда многих чиновников, заботящихся о своих согражданах, не будет и государства. Закон иногда подобен инструкции по охране труда – пособию, в которое превратилась череда трагических ошибок.

Может статься, современником эпохи империи и расцвета Фив (Тебен, Уасет, Нэ) был Гомер. Во всяком случае, он знал о ней. Страшная разрушительная сила зыбкости основания, которой стремились избежать цари Египта Тутмос III и Хоремхем, выражена ясномыслием Гомера в образе Скиллы (Одиссея. 12.118):

...не смертное зло, а бессмертное Скилла. Свирепа,

Дико-сильна, ненасытна, сражение с ней невозможно.

Мужество здесь не поможет; одно здесь спасение – бегство.

Движение Скиллы (Сциллы), парное с чудовищной Харибдой, жадной дочерью Кратейи, с шестью головами на длинных изгибистых шеях, стоило богоравному Одиссею и его спутникам «шестерых, отличавшихся бодрой силой товарищей». То, что в образе Скиллы мыслителем и поэтом кодировано представление

Рис. 5.13. Обелиск Рамзеса II на площади Конкорд (Согласия) в Париже.

о поразительном факторе неустойчивости основания, открывает латинское слово «oscillo» в значении «качаюсь».

Понятливый и работающий египетский монарх, сведущий в делах, людях и задачах державы, поддерживал порядок и достаток в стране на принципах прогноза, долга, справедливости и гуманности. Свидетельства о должностных обязанностях египетской знати нанесены на стенах гробниц вельмож. Взвешивать должное помогали основанные на строгой норме, на широкой архивной и оперативной канцелярской информации административная и судебная системы. От самых ранних дней непревзойдённого по уму и энергии Древнего царства Египта оба уровня управления представлял визирь. В Египте эпохи Фив верховный визирь царя был одновременно верховным жрецом богини правды и истины Маат. Именовался канцлер «чати»¹⁷. Заметно, что это древнее название должности входит в одну смысловую ячейку с нормативным понятием «учёт» и глаголом санскрита «чит» со значениями «воспринимать», «замечать».

Отношения порядка отождествлялись с крепостью правления и прочностью престола при дворах могущественных государей Ирана. Они, вслед за ливийцами, эфиопами (нубийцами), ассирийцами, заняли в VI веке до новой эры египетский трон, давно ослабевший духом пророчества и оскудевший мыслями об основаниях сохранности нации и её союзников. Заведовавший организацией информации и управления столп персидского престола назывался «дабир». Обратим внимание на созвучие наименованию хранительной должности «чати» числительного «четыре», а также на тройку смысловосущих согласных звания «дабир» в слове «добро». Разные выражения единого опыта изобретательный случай сочетает в церковнославянском буквенно-числовом соответствии. Числу «Четыре» (чати) в

¹⁷ Чатхан – название героического эпоса Хакасии.

нём отвечает буква «Д» с имясловом «Добро» (дабир). Чудодейное свойство случайности покажет также, что если число «Четыре» в первом своём разряде соответствует имяслову «Добро», то буквы, сочетанные с третьим (400) и вторым (40) разрядами числа образуют в сложении слово «ум».

Число «Четыре» задаёт состав вод реки «Добро». Разбор вещественных проявлений категории «Добро» будет обширным. До него поговорим, во-первых, о знаках буквы с имясловом «Добро». Во-вторых, поскольку «Добро» – философская и этическая категория, попытаемся приблизиться к исконному смысловому истоку слова «философия», считающегося греческим.

Рассмотрим сначала графическую форму знака Д азбуки кириллицы. Уже говорилось, что основание кириллической буквы Д, как и перекладина согласной Т, повторяет египетский иероглиф с огласовкой «пет» и значением «небо». Надстройка над иероглифом «пет» в букве Д того же типа, что надстройка ладьи «визиря бедных» верховного бога египетских Фив (Тебен, Уасет, Нэ) Амона-Ра (рис. 5.12). Характерна форма и для павильонов творца Птаха и владыки вечности Осириса (рис. 4.21, 5.34).

Надстройку в начертании буквы Д можно упростить, придав этому элементу вид треугольника. Тем самым мы соединим безотчётно в начертании буквы Д мосток иероглифа «пет» (небо) и треугольник из звёзд Бетельгейзе, Ригель и Сириус. Вершина треугольника – звезда Сириус (египетск. Септ), светило премудрой богини Египта Исиды (рис. 5.33). Подобные треугольники, в иероглифике сопряжённые со смыслом долженствования, образуют пирамидальную вершину четырёхгранного египетского обелиска (рис. 5.13). Покрытые сплавом серебра и золота, они сливаются с небом и лучами великого солнечного божества, как и Сириус (Септ) в первое утро своего появления на небосклоне после семидекадного отсутствия на нём.

Рис. 5.14. Египетские иероглифы верховного порядка значимости в капелле Богоматери пещеры на реке Сим. Слева сосок окружности с точкой в центре – иероглиф солнечного бога Ра и времени. Справа от него основанием вверх развёрнут императивный треугольный иероглиф, форма которого ставится в соответствии форме грани вершины обелиска (рис. 5.13) и светилам ночным: звёздам Сириус (вершина), Бетельгейзе и Ригель (рис. 5.33). Три звезды пояса Ориона символически обозначены треугольничком чёрным. Южный Урал.

Мысль о связи с этим священным днём, открывавшим своим рождением год в Египте, вызывают также начертания букв «Иже» и «Слово» азбуки-глаголицы (рис. 4.19). Буквы «Иже» и «Слово» из сочетаний треугольника и круга связывают с образом Христа, открывшим новую эру светом солнца правды. Вместе

Рис. 5.15. Пуповина на алтаре. Символ шумерской богини-матери Нинхурсаг и прообраз знака глаголической буквы «Веди» на межеевом камне кудурру. XII в. до н.э. О состоянии беременности как образе саморегулирующейся работы мысли, рождающей ведение, знание значения, напоминает и кириллическая буква «Веди». Её прообраз – увеличенные грудь и живот материнской ноши.

знаки можно увидеть в капелле одной из пещер на реке Сим (рис. 5.14). В Сванетии, этнической области Грузии, круглый и треугольный знаки вместе размещены и в верхнем регистре украшения трона старейшины

сванского рода (рис. 4.13). Комбинация слагаемых орнамента нижнего регистра трона со звездой Исиды в центре ещё ближе к знакам глаголицы.

Итак, кириллический сигнал обозначения звука Д указывает на силы правды, долга и ведения, держащие кормило миропорядка и изобилия. Графический символ звука, «буква в Духе», хранит и освещает свойства этого своего прообраза (Откровение. 1:8; 1:10; 21:16; 22:13). Такими же, как буква и звук, средствами преодоления барьеров пространства и времени служат абстрактные образы мифологический и фольклорный. Перейдём к форме буквы «Добро» в другой азбуке – в славяновизантийской глаголице. Мы увидим попутно, что разнообразие форм знаков не означает различия смысла, ими транслируемого.

В глаголице буква «Добро» – зеркальное отражение глаголической же буквы «Веди» воображаемой водной гладью (рис. 4.19). В качестве прообраза того и другого знака образовавшейся группы симметрии можно рассматривать форму символа шумерской богини-матери Нинхурсаг¹⁸ – пуповину на алтаре (рис. 5.15).

С небольшим изменением авторы глаголицы использовали шумерский символ ещё раз. Утверждая действие внешней силы добра через человека и прирожденность человеку ведения непреложного, чистого и светлого (И. 1:9)¹⁹, они построили букву с имясловом «Людие» (Люди), видоизменив букву «Добро» так, чтобы её обход не предполагал, как и течение реки и жизни, как продольный изгиб линейки, разрыва и изменения закона движения (рис. 4.19). Заклучим разговор о буквах повторением того, что дух знаков славянских букв в значительной мере следует вышедшим из употребления божественным знакам «Меду-нетчер»

¹⁸ Слово «корсак» в татарском языке означает живот. Аят аль-Корси – название Престольного стиха Корана. В японском культурном наследственном веществе живот (хара) считается вместилищем жизненной силы и души. Прикрывающая живот повязка харамачи – оберег для защиты души от от кознодействия и часть воинского снаряжения.

¹⁹ Метафоры изначальных свойств человека – состав груза корабельщиков сказки о царе Салтане: «Торговали мы булатом, чистым серебром и золотом». Булат – разум, мысль. В поэме Низами Гянджеви «Сокровищница тайн» чистое серебро – аллегория слова; золото – веры.

(сравн. египетск. «меду» – «знак» и цезск. «имаду» – «сказка») иероглифического письма, полученного избранным египетским народом в наследство от премудрого бога Тота (Тевт, сравн. имя Тават-ханум героини дагестанской волшебной сказки).

Приступим к рассмотрению происхождения названия «философия». Луций Апулей (II век н.э.) первым именователем и основателем философии числит Пифагора (VI век до н.э.), возвышенного духом грека, просвещённого учителями Персии, Египта, Месопотамии и Индии, пленника персидского царя и египетского фараона Камбиса. Римлянин же Луций Анней Сенека (I век н.э.) называет философию наукой о спасении. Византиец Константин Философ говорит, что его наука «*через добродетель*» решает асимптотическую для человека задачу «*насколько возможно, приблизиться к Богу*». Задача решается путём «*разумения божеских и человеческих дел*»²⁰. Каков же возраст самой темы, интонируемой высказываниями римского и византийского философов? Проверка сопряжения человеческих дел с божественным замыслом происходит уже на суде Осириса (рис. 2.2). Вершится суд в «Великом Чертоге Двух Истин». Ещё раньше помогала человеку осознавать значение событий, себя и нетленное в своей жизни философия древних Вед.

Родовое гнездо слагаемых термина «философия» мы найдём в Древнем Египте. Первая часть названия родомысленной науки, дающей благодатное «*разумение божеских и человеческих дел*», несёт тот же смысл, что слово «фильтр»²¹. К смыслу выделения нужного примыкают греческие мифологические образы нимфы **Филиры**, матери кентавра²² Хирона, воспитателя Геракла, Ахилла и Асклепия; и медного стража **Тала**. На четыре чина с названием «филы» разделялись по своей подготовленности миряне, исполнявшие в эпохи Древнего и Среднего царств жреческие обязанности²³. На сакральном нильском острове с названием Филэ находился храм и центр культа матери природы и госпожи стихий Исиды.

²⁰ *Богословие ислама тоже утверждает, что человек совершенен в той мере, в какой познал Господа миров и приблизился к Нему.*

²¹ *В технике фильтрацией называются действия по выделению нужных компонентов сигнала. В быту обыденном смысл выделения нужного компонента транслирует название «филе» освобождённого от костей мяса. Имя мусульманского архангела Исрафила своей второй частью напоминает о сети и фильтре Судного дня, а произведением СР – о египетском владыке такового дня Асаре-Осирисе (рис. 2.2), прообразе Исрафила.*

²² *Фигуру кентавра можно рассматривать в качестве олицетворения представлений о таком объединении множеств, как выражение свода знаний в форме образов, аллегорий. Искусство, создающее очерк необычных, абстрактных вещей, дающее им вид – всеобщее орудие философии.*

²³ *Исполнение окармливающего жреческого служения мирянами – установленный факт религиозной жизни Старого и Среднего царств Древнего Египта. Жречество становится профессией во времена империи, когда доминирует идея бога как вселенского владыки, перенятая Ветхим заветом, и храмы приобретают огромные богатства. Форма культа начинает служить контролю теократии над богатствами страны и губит её. Последний исторический факт нашёл отражение в греческом мифе о Каллидонской охоте. Разоряющий царство вепрь – тот же образ, которым издревле обозначалось жреческое сословие. Нанесённой кабаном раной обусловлена и гибель Адониса в мифе о нём.*

Премудрая супруга Осириса сведуща и в целях проектов верховных сил творящих, и в шифровках человеческих дел.

При дворе Ирландии существовала должность, предполагавшая ответственность за судьбу страны, равную ответственности королевской. Человек, исполнявший должность, именовался филид. Филид был верховным знатоком поэтического наследия страны и многозначности поэтической речи. Поэтическая речь подобна не только ковру, но и светильнику. Её долговечные аллегории указывают на смыслы, отличающиеся от собственных «буквальных» значений образов. В поэме Низами Гянджеви «Семь красавиц» витязь находит по отзвуку (санскр. – дхвани) барабана (арабск. тараб – музыка, песня; рабаб – виола, эпитет суфийского певца) тайные ворота неприступной стены замка девы гор. Подобную задачу решал филид, вызывая из поэтического светильника джинна различения значений фактов и закономерностей в пространстве текущих событий.

В повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» с фильтрующей задачей философии соотносимо имя Филипп Филиппович, однокоренное с «фил». Освещает значение науки, о котором говорят Сенека и Константин Философ, и фамилия профессора: Преображенский. Филатьевна, Филипьевна – «первородное» и тиражированное отчества няни Татьяны Лариной, главной героини романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Морфему «фил», помимо слов «фильтр» и «философия», содержит греческое название винограда «стафил». Церковью виноград ассоциируется с жизненным опытом, как ассоциируется с ним и пушкинский образ няни. Суфии сравнивают с питанием виноградом стремление человека к такому «послушанию», как слияние с замыслом и целью творения (рис. 5.7 поле рамки).

Вторую смысловую часть слова «философия» трудно не назвать престольной. Она неотделима от греческой формы Сотис (Софис, затем София) имени Исет, Исиды. Ранее мы пришли к заключению, что силовое поле, обозначенное образом и именем богини, связано с точным представлением о естестве. О том же говорит термин «Сыфат Аллаха» исламского богословия. Вечный сыфат Аллаха, не состоящий из звуков и слов, называется «Аль-Калям». Эти же характеристические признаки безбуквенности имеет книга Багуа, которую держит скульптурное изображение Фуси, первого философа, учителя и правителя Китая в посвящённом ему мемориале²⁴. Одним из выражений вечного сыфата «Аль-Калям» служит Коран, не являющийся самим сыфатом. С парой СФ имени Исиды «Софис» и термина «сыфат» мы уже знакомы по именованию «суфии» чистосердечных друзей Аллаха и по арабскому слову «сифр». Слово обозначило число «Ноль» и стоящую за ним реальность с функцией началообразования. Признаки начала начал присущи и матери природы Исиде. Декор её платья диагональным сетчатым орнаментом (рис. 5.16) напоминает о фильтрующем и отражающем, об укрывающем и питающем действии ведения²⁵. Знаменательно также сближение с парой СФ и обозначенным ею вечным в пребывающем (классом истин, например) имён греческого Зевса, индуистского Сивы (Шивы) первородного Исава, Сивки-Бурки

²⁴ Мавзолеей Тайхао Фуси находится в городе Джукоу уезда Хуайань провинции Хайнань.

²⁵ Лексической единице «сеть» созвучна лексическая единица иудеев «сод», «тайна». Её числовое значение – 70. «LXX», «Семьдесят» – название Септуагинты, перевода на греческий язык Торы.

и татарского слова «саф» со значениями «чистый», «свежий», «девственный», «благородный».

Иллюстрировать действие началообразующей функции может и силовое поле пределов места, удела. Голову премудрой Исет на её изображениях часто венчает такой символ места, как трёхступенчатый престол. Сама богиня носит эпитет «престол Осириса». Назовём ступени престола обретениями «Хорошее», «Прекрасное», «Благое».

Поговорим ещё немного о разнообразии «наружности», которой философский процесс разумения может быть уподоблен. Его аллегорией может служить софит, сценическое осветительное устройство. Фис – имя члена кельтской триады со значением «Познание». Одним из древних уподоблений свойства разума является Око, взирающее на нас из иероглифической записи имени благодатного повелениями Осириса (рис. 4.21, 5.34). Обозначением процесса и движущей силы разумения служит и кириллическая буква с имясловом «Веди». Не называвшиеся ранее прообразы двух элементов буквы «В» – парный характеристический признак беременности – увеличенные грудь и живот. Саморегулирующееся течение беременности, из «мраков» которого родится плод, тоже может служить приемлемо точной метафорой процесса и свойств мышления.

Ветвь смысла «плод» – египетское слово «мес» со значением «ребёнок, мальчик». От него происходят термин «мессия», имена Муса (Моисей) и Рамзес (Рамесу). Суфии видят в образе Мусы аллегория духовного свойства разума, посредника между непостижимым и безначальным верховным богом и материальным миром. Посредника спасительного и превосходящего по силе «пособия фараона», закабаляющие поколение за поколением. Суфии считают, что когда-то все овладеют даром, аллегорией которого является образ Мусы. Понятно, что как деспот с его узами, так и освободитель от уз Муса, – доньне обитают в одной голове. Равно как там же могут находиться вместе ворона и лисица из басни И.А. Крылова.

Своим египетским генезисом название «философия» указывает на особенность продуктивности такого парного образования, как, во-первых – тайный метафизический свет исповедальной премудрости, а во-вторых – на мыслительный процесс, рождающий догадку, яркий образ. Обращает внимание на омолаживающую силы страны благодать ясной мысли²⁶. Силы внимания, позволившей создать уподобление восприятию и развитию в образе материнской ноши, египетские мыслители, наверное, достигли сами. Греческая мифология использует их аллегория и заставное произведение ФЛ, перестроив пару без нарушения равенства множеств и, вероятно, без понимания неявного смыслового истока тропа, в имени Илифия богини деторождения²⁷.

Займствованием египетской жреческой рабочей метафоры интеллектуального процесса объясняется появление и частотность образа чрева девы и его плода

²⁶ Заметим движение тех же сил в образах философа Ивана-царевича и добытых им молодильных плодов.

²⁷ Ответственная за появление на свет ребёнка Илифия – высокоранговая богиня, дочь Зевса и Геры, сестра воителя Ареса (Марса) и кузнеца Гефеста. Обратим внимание и на часть имени шумерской богини Нинхурсаг, почти тождественную со словом «корсак», обозначающим живот в тюркской речи (японск. – хара).

в ветхозаветных писаниях. Перенятый у египтян образ-чистое состояние, «прекрасный сам собой и бесконечностью за ним лежащей дали», будучи по ёмкости формой всеобщности, более чем легко истолковывается как самостоятельное пророчество. Евангелистам не остаётся вариантов для определения отцовства плода. Точной аллегорией природы мыслительного процесса жрецов-философов Древнего Египта родственно по образному строю стихотворение А.Н. Майкова.

*Есть мысли тайные в душевной глубине;
Поэт уж в первую минуту их рожденья
В них чует семена грядущего творенья.
Они как будто спят и зреют в тихом сне,
И ждут мгновения, чьего-то ждут лишь знака,
Удара молнии, чтоб вырваться из мрака ...
И сходишь к ним порой украдкой и тайком,
Стоишь, любуешься таинственным их сном,
Как мать, стоящая с заботою безмолвной
Над спящими детьми, в светлице, тайны полной...*

Перед заключением параграфа о происхождении названия «философия» скажем, что в метод её входит и разбор событий для превращения их в повседневное пособие людям (сын Филеры (ФЛ) и Зевса (СФ) кентавр Хирон – воспитатель и целитель). Исторические процессы и проверенные опытом закономерности обретают форму, в том числе образов и аллегорий мифов, сказок, былин и притч. Одно из «докириллических» отображений навигационного свойства науки разума – говорящий брус в киле корабля «Арго», изготовленный из дуба рощи оракула Зевса в Додоне. Его даёт умному зодчему корабля непобедимая богиня мудрости Афина, имеющая достаточно много существенных общих признаков с премудрой египтянкой Исет.

Оглянемся ещё раз на задачу уразумения и аппроксимации²⁸, образного оформления философией соотносительности целей сил творящих и человеческих дел. На Руси, как и в Древнем Египте, всегда считали, что бога нельзя понять рассуждениями, но можно – сердцем. Великие философы Руси не исключали из процесса навигации в лабиринте пребывающего сигнала сердца, ариадниной нити чувства, которым доступно неявное для рассудочного знания. Они отлично знали, что рассудочная логика может быть тайной ловушкой и вести к утрате связи с многомерной реальностью²⁹. Древние носители философского гения выполнили работу, непосильную поколениям, хлопочущим о насущном и полезном, выковав незримые латы для страны и души. Они соединили спасительную силу своего вестнического служения с силой формы, когда облекли свои метафизические открытия в чертежи образов и отношений, включив в процесс «уразумения» свой ин-

²⁸ Аппроксимирование – выражение исследуемых величин через известные и простые. Сродни методу замены переменных для ускорения сходимости ряда.

²⁹ В первом путешествии Синдбада – морехода неверное, а потому гибельное представление о действительности кодируется образом рыбы, к которой как к берегу причаливает корабль. Попал в ловушку и царь Мидас, когда всё, к чему он прикасался, становилось золотым. В волчьей яме оказывается мулла Насреддин, отдавший предпочтение привлекательному короткому пути.

теллект и доступное детям сердечное переживание. Искусство Аполлона и Муз³⁰ – орудие в первую очередь именно такой философии, формирующей ментальные побудительные мотивы, их движущую силу.

«Скоморошная сумочка»³¹ таковых философии и искусства – манифестация как пророческой природы авторов «народных» сказок, так и исповедального духа, достоинства национальной мысли и формулы. Один из примеров манифестации, «репрезентативности» национального духа с пока точными авторством и ещё не утраченной первородной принадлежностью – русское искусство XIX века, когда вровень по непревзойдённой точности и мощи шли «святая русская литература» (Томас Манн), живопись, архитектура и музыка³².

В мифологии Древней Греции и в Илиаде (Песнь 8) представление о непревзойдённой мощи олицетворяет не скоморошья сумка, как в русской былинке, а образ Зевса. Вскормлен Зевс нимфой Идеей молоком божественной козы Амалфеи. Остановим рассказ о происхождении наименования и о потенциале философии разбором этого поэтического фрагмента образного свода знаний и его смысловых полей, «коразмерностей».

Амаль в переводе с языка арабского – работа, в том числе поисковая. Произведение КС (КЗ) в русском названии домашнего и сказочного животного в знаковой системе суфиев несёт исследовательский смысл «извлечение мозга из кости». Как и греческая буква Ξ (Кси), знак X, обозначающий произведение КС в латинице, имеет своим прообразом созвездие Орион (Сах, рис. 5.35), отождествлявшееся египтянами с Осирисом.

*На земле справедливости сеял он истины семя,
Дал он правду народам в наследье на долгое время.*³³

В татарской речи от корня КС производно существительное «күз» со значением «глаз». С произведением КС сопрягается и наименование Казань столицы Татарстана с крылатым змеем в её гербе, напоминающем о полозе Осирисе.

Образ «молоко»³⁴ в мифе о младенце Зевсе пресуществляет в себе итог собирания сил, радений над аллегорической суфийской «костью». Образ охватывает (как и жемчужины очелья, рис. 5.10) и исповедальные абстракции образного, аллегорического свода знаний, и аксиомы Эвклида, и законы Архимеда, Ньютона,

³⁰ Имеется в виду происхождение понятия «искусство» от основы «поиск», а не «искушение». Последнее слово – смысловой резонанс египетского названия «Куш» сопредельной враждебной южной страны «чёрной» части Африки. В книге Эдуарда Шюре «Великие посвящённые» искушение красавицей-нубийкой было одним из испытаний, предваряющих посвящение в жречество.

³¹ В былинке о Святогоре великий богатырь не может поднять «скоморошнюю сумочку» и видит в этом знамение своей смерти. В описании последней русская былина пересекается с египетским мифом об Осирисе.

³² В другой группе представителей не менее талантливым современником русского живописца Рублёва (ок. 1360 ... ок. 1430) был хоровой композитор (старинн. роспевшик) Опекалов, известный ныне лишь специалистам по истории музыки..

³³ Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Речь первая – о сотворении человека..

³⁴ Название молока в татарском языке «сөт» имеет в корне ту же смыслонесущую пару, что имя Исет (Исида).

Д.И. Менделеева... Диктенская пещера, где тайно рос маленький Зевс³⁵, уже называлась переоформлением представлений о подходе, парадигме, о «главе» (Кол. 2:19) класса истин. План наполненного «млечным» метафизическим светом подземелья мы видим на боку Зевса, изображённого с сыновьями Миносом, Сарпедоном и Радамантом на критской фреске (рис. 4.16).

Таковы называющая, обозначающая и скрывающая коразмерности в аллегорическом языке искусства и фольклорных, в том числе «скоморошных» учётных

Рис. 5.16. Сетчатый диагональный орнамент в моделировке ткани платья богини Исида образован верховными символами древнего культа: знаком звезды Сотис (Сириус) и перекрестием группы звёзд Сах (Орион). Сведущая в тайнах небес и земли Исида и её и Осириса сын Гор в короне царя Верхнего и Нижнего Египта. Гробница царя Хоремхеба. XVIII династия. 1333 ...1306 годы до н.э.

в христианстве обозначено в евангельских выражениях: «Видевший Меня видел Отца» (И. 14:9), «Я и Отец одно» (И. 10:30). Выражения свидетельствуют о признаваемых православием отношениях неразличимости. Нельзя принимать за существенное различие и выражение древнего вселенского благочестия образами таких владычиц, как Богоматери Мария³⁶ и Исида. Обе они представляют одно «рудное тело», из которого выплавляется сила высших ментальных побудительных мотивов. На уровне горизонта «добро» этого «рудного тела» совместимы и

формам философского знания. Нам предстоит вернуться к отображению представлений о ноше души и ясной мысли и к её сложению в образе и ученике. Пока же приступим к рассмотрению категории «Добро», поставленной в соответствие числу «Четыре». Множественность в проявлении категории, направленной на развитие и цель человека, покажет ещё раз, что разнообразие состояний не означает различия в свойстве.

Абстракция и философская категория «Добро» – общий признак, характеристическое свойство очень ёмкого множества. Функциональный уровень «добро» в египетском мифе о престолонаследии представляют образы Исида (рис. 5.16), Осириса (рис. 2.2; 4.21; 5.34) и их сына Гора. В православии ключевые фигуры разумения функционального уровня «добро» – Богоматерь и Христос. Отцовство

³⁵ Германская транслитерация Zeus имени Зевса созвучна с самоназванием «цезы» сагадинцев, являющихся в этой главе далее.

³⁶ Один из смысловых корней имени Мария связан со значением «возлюбленная» египетского слова «мери». Та Мери – земля возлюбленная – одно из самоназваний древнего Египта.

их сыновья, ясный сокол Хор (Гор) и *солнце правды, дух истины* Христос. Они оба олицетворяют представление об одном классе истин и побудительных мотивов собирания сил, об идеале общественной системы. Упомянутое математическое обстоятельство неразличимости обусловило в своё время мгновенный охват римской провинции Египет христианством. Египет безошибочно воспринял образы христианства как видоизменение, обновление, омоложение выразительной формы своей древней веры.

Нельзя миновать того важного обстоятельства, что египтяне не могли быть безразличны к выпадению из порядка отношений отцовства Осириса. Мифологический Осирис имел отчётливое и имеет доселе непревзойдённое безотчётное этическое влияние. Если свести суд Осириса к известному образу басни И.А. Крылова, то на нём субъекту познания, возвратившемуся из кунсткамеры жизни, предстоит ответить на вопрос: «А видел ли слона» (рис. 2.2)? Иначе его ждёт не воскрешение в междуцарствии Аменти (рис. 2.3), а участь шестерых проглоченных чудовищем спутников Одиссея.

Какие же признаки генетической связи Бога-отца с богом Осирисом, бывшей для египтян нерасторжимой, мы можем найти в христианстве? Для ответа на вопрос просмотрим ещё раз наборы отношений типа равенства с точностью до преобразования. Четыре местоимения, «Аз», «Он», «Иже» и «Наш», обозначающие тайнодейственного Творца, Солнце вселенной, изоморфны четырём звеньям фетиша Осириса – столба Джед. Числовой эквивалент буквы с имясловом-местоимением «Он» – 70. Этот же числовой эквивалент имеет круглая, как и «О», буква финикийского алфавита³⁷. Её созвучное с «Он» имя «Айн» обозначает глаз. Изображение глаза – главный иероглиф имени Осириса. Ему отвечает морфема «Ир».

Числовой эквивалент 70 буквы «Он» дают в сумме числовые эквиваленты согласных Н (50) и К (20) с имясловами «Наш» и «Како». Произведению НК было отдано много места при обсуждении функции началообразования в главе о числе «Ноль». Глаголическая буква с имясловом «Како» (рис. 4.19) привлекает внимание своей похожестью на графическую иллюстрацию восприятия египтянами линии тока своей древней веры. Рассматривая её с математических позиций, мы видим график функции, терпящей разрыв в точке. Примеры подобного разрыва функции – круговорот воды в природе и смена раком панциря по мере своего роста, смена аппроксимации (лат. *approximare* – приближаться), то есть отображения, представления, уподобления, аналогии, формы. Смена – как разновидность, но не как различие.

Букве «Како» кириллической, равно как и греческой «Каппа», ставится в соответствие в качестве прообраза египетский иероглиф. Он обозначает такие продукты «разбора полётов», такие результаты наблюдения и анализа, рефлексии,

³⁷ Проникновение финикийского алфавита в южную Европу – вторая стадия процесса движения культурных сил. Построение алфавита в Финикии опирается на египетский «нулевой цикл» и обусловлено появлением и перенятием там культуры Египта. Служебная письменность Древнего Египта не была иероглифической, хотя в её знаках и прослеживаются признаки графики иероглифов, поставленных в соответствие со звуками речи. Д. Брестед, Б. Тураев. «История Древнего Египта».

– как книга или папирусный свиток. Выглядит иероглиф как толстая горизонтальная пластина с падающим и отражённым лучом. Морфема «Ка» имяслова «Како» совпадает с наименованием важнейшего понятия египетской теории личности. Касается понятие «Ка» восприятия извне, глазами других. Со свойством «Ка» сопряжены вопрос «какой?» и существительное «сказка».

Пара согласных Н (50) и К (20), суммой эквивалентных знаку «Он», работает в египетском обозначении правителя «Нук»³⁸ (сравн. глагол «понукаль»). Идею Бога – творца природы и вселенского правителя и владыки, царившую в имперском Египте, сверхдержаве своего времени, олицетворяет в мифе об Исиде и Осирисе озаритель земли, создатель знаков и стад, владыка вечности Осирис. Семьдесят дней заняла процедура бальзамирования тела Осириса, предвавшая воскрешение царя Египта в качестве такового правителя.

Началообразующая пара НК, слагающаяся числовыми эквивалентами в имяслов-местоимение «Он», живёт в арабском корне НХЛ. В ближнем поле его смысла – название «нахл» символа изобилия – финикового пальмового дерева. На уровне же причинной платформы корень НХЛ означает *«тонкую сущность, исходящую почти неосяземо»*³⁹. Гнезду НХЛ принадлежат и лексические формы со значениями «просеянная мука» и «моросящий дождик». Последние ведут к символу просфоры и задаче понимания сущности того, что на самом деле стоит за выразительной формой «тело Христово». Об эвристической составляющей причастия Низами говорит:

*Вина – разум лозы, но вкушать огневое вино
Для утех души лишь одним неразумным дано.*

Основное значение ещё одного арабского корня с той же парой, НХФ, – «наклоняться в одну сторону». Возможно, что оно тоже выкристаллизовалось под влиянием формы созвездия «Орион» (его египетские имя Сах, рис. 5.33), отождествлявшегося с Осирисом, озаряющим землю светом метафизических побудительных мотивов. Подобным свойством, напоминающим о цели человечества, обладает линейка. При продольном нажатии она имеет обыкновение всегда изгибаться в одну сторону. Значение корня НХФ и поведение линейки могут служить аллегорией единого существенного свойства, общего для нашего образного ряда. Свойство это выражено категорией «Добро».

Заклучим эту о стройности и согласованности выражения вселенского благочестия древними египтянами и христианами ещё двумя примерами. Пример первый – это название Иисуса старообрядцами «Ярое Око», напоминающее об Оке Гора, обусловившем в египетской мифологии воскрешение Осириса. Осирису говорят о Горе: *«Душа твоя в нём и сила твоя в нём»*. Пример второй – сопоставление с миротворчески активной виноградной лозой Осириса (рис. 4.21) и Христа (И. 15:1.4 ... 6). В нём за тождественностью обозначения просматривается как неизменность обозначаемого, так и тождественное евангелическое *«Я и Отец одно»* (И.10:30). В некотором отдалении сопоставление намечено, прообразовано повторяющимися элементами в изображениях пещерной фигурки (рис.

³⁸ По-египетски *hk'*, свидетельство Манефона. Д. Брестед, Б. Тураев. «История Древнего Египта». Москва, АСТ; Минск, Харвест. 2006. Стр. 213.

³⁹ Идрис Шах. Суфии. М., Локид-пресс. 2001. Стр. 13.

4.1), бога Энки (рис. 1.4; 5.20) и заявлением бога Вишну о порождении им самого себя, которое прозвучит в этой главе чуть позже.

В качестве примеров выражения исповедальными образами устойчивых закономерностей, представлений о предельных основаниях, о замысле, которыми обуславливается существование такого множества, как сообщество, назывались Веды, мифы, былины, сказки. Попытка найти ключ к вечным закономерностям существования сообщества сделана с помощью образного языка преданий о начале мира Ветхого и Нового заветов. Много ранее аналогичный по природе перечень был изложен в шумерских таблицах. Вероятно, сведения о других первообразах и аналогиях круга знаний о человеке и человечестве содержались в фондах Александрийской библиотеки. Из оставшегося после её сожжения завета Ветхого достоверно известно, что уже его Господь применял меру «добро» для оценки итогов каждого дня Своей системной творческой деятельности в области определения жизненных функций.

Его «уполномоченные», в целях облегчения понимания, а на деле – профанирования, строгое каноническое «добро» смешали с либеральным «хорошо», послушно гнувшись, в отличие от линейки, во все стороны. Очевидно, что в триаде «Приятное», «Прекрасное», «Благое» оценка «добро» принадлежит главной ступени «Благое», а балл «хорошо» – только ступени «Приятное». В настоящее время распутица либерализации привела к тому, что мнения по поводу содержания категории «Добро» столь же разнообразны, как и вкусы. *«Не держась главы»* (Кол. 2:19), представления о функциональном уровне «добро» моделируются ныне закономерностью обратной пропорциональности $XY=1$. Словесное выражение этой порождающей слепоту множественности – «чем меньше знаний, тем больше мнений».

Образные выражения изобилия некомпетентных мнений и решений, связанных с ними локальных и масштабных катастроф, – слюна из полого рта и дорожный прах, составляющие яда, производящего действие стрелы в мифе об Исиде и Осирисе. Аллегорией последствий изменения границ категории «Добро» в греческом мифе может служить опустошение Земли сыном Гелиоса и Климены смертным Фаэтоном⁴⁰, взявшимся править колесницей бога-отца.

Добро в Древнем Египте представлял новогодний утренний восход звезды Исиды (Исет) Сириуса (Септ), окрест которого начинался благодатный разлив Нила. Православие отождествляет с чудом силы добра Рождественское чудо. Но задача предназначения *«стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи»* Серафима Саровского понимается исходящими из врат храма не как пресуществление высказывания Константина Философа о задаче понимания и сопряжения происходящего на небе и земле, открывающего путь добродетели и приближения к Богу, а как рабское смирение, решающее все проблемы в этой и дающее награду в иной жизни.

Покорно угождая любителям присваивать, под благовидным предлогом или без него, плоды чужого труда, человек становится их добычей, уподобляется слепому ослу, вращающему жёрнов мельницы хозяина, а врата в вечность, открывающиеся осознанием своего предназначения, становятся дверью в печальную темницу. Перечисленные «добродетели», обретаемые рассудком субъекта познания, – при-

⁴⁰ *Имя происходит от одного со словом «польза» смыслового корня.*

знаки абсолютно открытой системы, обречённой на бесследное исчезновение законом природы⁴¹. Истолкование добра как всепрощения, готовности молиться за толкающих в трюм невольничьего корабля и отдать им последнее, является формой самообмана. Тирания ложного понимания не несёт эволюционной ценности.

Понимание меры «добро» жрецами культа «Моё» нашло отражение в названии «Добролюбов» одного из их бесчисленных храмов – бизнес-центра на проспекте имени Н.И. Добролюбова в Санкт-Петербурге. Сам гуманист, именем которого назван проспект, обладал выраженным чувством ответственности и долга служения народу. Понимание им добра не могло не быть согласно с необходимостью достатка, но далеко отстояло от наживы и корысти⁴². Российская мыслящая плеяда, посылаемая стране в исход от тяжких бед (Коран. 17:16), держалась «главы» (Кол. 2:19), служила ей и помнила об отношениях души и мотивации серебрянников. Восприятие наступления корыстных побуждений как порабоощающей узды, направляющей к заблуждению (Ис. 30:28), выразил Е.А. Баратынский в стихотворении «Последний поэт».

*Мир шествует путём своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.*

В числе афористических замечаний французского современника царя Иоанна IV Грозного мыслителя Мишеля Монтеня есть такое: «*Не постигшему науку добра не пойдут впрок все другие*». Наука добра, отчётливо выраженная, например, в башкирском эпосе «Урал-Батыр»:

*Гордясь званием человека,
Добро для себя конём оседлайте,
От хорошего в сторону не уходите,
Плохому дорогу не уступайте.*

или в русской живописи собрания П.М. Третьякова, защищает дух от блуждания. В русской мысли и речи смысл «добро» содержат в себе многочисленные наиме-

⁴¹ Раб, пленник, в Шумере считался ритуально мёртвым.

⁴² Различным было понимание замысла смены форм собственности в России населением и разработчиками операции. Восход новой формы собственности «над мирной страной, где всё для сердца мило» принёс вовсе не осуществление бывшего привлекательным для населения участия в управлении и прибылях. Промышленные отраслевые министерства СССР с мощным научным ядром в каждом, с их отработанным сложными задачами войны организационным строением, техническим оснащением и умелыми кадрами по существу являлись готовыми к действию соперниками транснациональных корпораций. Итогом реформ на деле оказалось поражение их стратегического потенциала. Если обратиться к сатирическому приёму гротеска и к мудрости Востока, то можно сказать, что вместо того, чтобы сбрить бороду, «брадобреи» перерезали горло. Гротескный образ этот применим к итогам бесчисленных «благонамеренных» новаций самой разной разрядности.

нования проявлений отношений порядка. Мысли о добре и заблуждении вызывает картина И.Е. Репина о царе Иване Грозном и его старшем сыне Иване.

Место парадокса в науке добра затрагивает изречение Конфуция: «Человек, с которым можно вместе учиться, ещё не есть человек, с которым можно идти по пути (добродетели); человек, с которым можно вместе идти по пути добродетели, ещё не есть человек, с которым можно

утвердиться в добродетели; человек, с которым можно утвердиться в добродетели, ещё не есть человек, с которым можно взвешивать должное (то есть принимать решение, соответствующее обстоятельствам и требованиям времени в чрезвычайных, исключительных случаях, во время смут и переворотов, когда только выдающиеся таланты в состоянии принять правильное решение)»⁴³.

Сохранившиеся письма Древнего Египта неоднократно свидетельствуют, что науку, от которой зависит умение распоряжаться всеми другими данными, преподаёт визирию царь. Во «взвешивании должного» египтяне оставляли рассуждение голове, а понимание, например, понимание правды и неправды – сердцу. Тем не менее, молодая голова будущего египетского монарха в уральской пещере видна только тогда, когда глаз воспринимает сразу несколько удалённых друг от друга границ и поверхностей (рис. 5.17). Пещерный портретный образ – аллегория необходимости гармоничного восприятия царским разумением, обращения им на пользу царству взаимосвязи многих величин. В Новом завете показатель разумения, учитывающий веру в возможность общения с ненаблюдаемым, в различение действия скрытых динамических и мистических связей, назван «дух пророчества» (Откр. 19.10).

Пример правителей первых династий Древнего царства Египта, быстро и гармонично развивавшегося, можно рассматривать как вещественное основание попытки Платона указать средство, позволяющие воплотить в жизнь идеальное государство. Похоже, что сведущий в верном «направлении наклона» (наклоняться в одну сторону – значение тройки НХФ) Платон говорит и о при-

Рис. 5.17. Слева – голова мужского скульптурного портрета времени Старого царства Древнего Египта. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Справа – изображение удерживающей всякий строй головы сочетанием «наружного беспорядка» линий и поверхностей пещеры. Южный Урал.

⁴³ Альманах «Консерватор». №3. Стр. 19, 20.

Рис. 5.18. Мир сокровенного уединения. Селение Сагада и окружающие его с востока и юга рукотворные террасные поля. Вид со скалы над местом слияния рек Алазани и Митлюда. Осень 2008 года.

сущем личностям древних государей свойстве, отчасти, перенятом вскоре царём Александром III Великим (Македонским), и о духе пророчества, и о финале сказки о царе Салтане: «Во главе государства должны стоять философы, от природы способные познавать бытие и истину, достигнуть идеи блага, которая, будучи за пределами бытия, так же сияет в мире умопостигаемом, как в мире видимом – солнце»⁴⁴.

Промежуточная функция ума, по Платону, объединяет в систему первообраз вечно сущего умопостигаемого космоса и земной, вечно становящийся космос. О том же ведёт речь, давая характеристику своей науке как связующему звену между субъектом познания и целью человечества, и Константин Философ. Меры справедливого и доброго «от Платона» и его учителя Сократа располагаются в триаде «Приятное», «Прекрасное», «Благое» на ступени верхней: «Благое».

В математике и Коране (2.100 (106)) со словом «добро» созвучно слово «подобие», всегда указывающее на связную группу преобразований. Небольшое странствие познакомит нас с преобразованиями подобия, реализующими идею блага и само благочестие во множестве самых разных пресуществлений. Совершается странствие в краю земном. Он, правда, несколько ближе к небожителям и их умопостигаемому космосу, то бишь порядку, что задуман был Творцом. Пребывание в горном Дагестане оживит и уточнит представление о соприродной Благому и благу мере «Добро». Устремимся к видимым проявлениям мечты Платона и силы добра. Прислушаемся к звукам «песен, полных правды и сердечной чистоты». Итак, наше странствие начинается.

⁴⁴ «Государство» или «О справедливости». 4 часть, кн. 5 ... 7.

Над долами, над реками, меж широкими морями, в поднебесье, на скале мы стоим в одном селе. Попали мы сюда впервые двадцать лет назад, путешествуя по Дагестану семьёй с самодельной картой. Тогда наша четырёхместная брезентовая крепость была воздвигнута на правом берегу реки Алазани чуть выше места впадения в неё бурного потока речки Митлюда. Ниже устья Митлюды приходящая из Грузии Алазани именуется уже Андийское Койсу. Палатку было отлично видно сверху, с нависавшей над потоками тропы. Тропа по карнизу скалы вела в селение цезов (дидойцев) с названием Сагад́а (рис. 5.18). Селение относится к Цунтинскому району Дагестана, и жители Сагады в этом плане принадлежности называют себя цунтинцами. В районе бытуют три языка. Свой язык имеет селение Генух, где проживает 280 человек. Общий язык Дагестана – русский. Во всех школах преподаётся и используется в общении аварский. Нам охотно объяснили, что язык аварский издавна имеет в Дагестане статус языка боевого.

Косички дочке на шелковой изумрудной травке берега Алазани мама по утрам заплетала недолго. Палатка недалеко от обустроенного жилья вошла в противоречие с представлением жителей Сагады о месте человека во вселенной. Они утратили душевное равновесие и прислали гонцов с приглашением в селение. Нам отвели лучшие покои, показали окрестности, рассказали об обычаях. Но не только теплом сердец, изумрудной зеленью склонов, говорливой водой потоков, сияющими снежными вершинами, синевой небес и близостью звёзд очаровала горная страна. Время понемногу раскрывало природу завораживающего обаяния. Поначалу безотчётное и невыразимое осознавалось и оформлялось в слове.

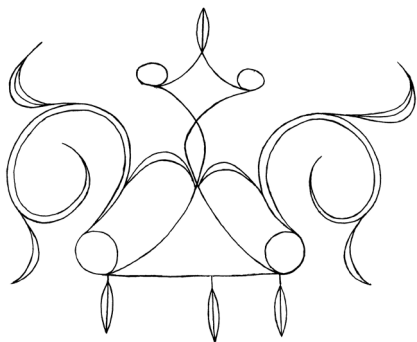

Рис. 5.20. Фигура владыки города Эрду и бога чистых подземных пресных вод Энки – отображение представлений о процессах, не изменяющих законам своего течения, древней теории инвариантности. Повторяющиеся элементы вертикали несут ту же идею о восстановлении порядка вещей, что и вещание Вишну Арджуне.

Рис. 5.19. Эрет с изображением божества женского начала мироздания.

Заметки о тайных пленяющих сетях, о восхищающих силах страны начнём с имён. С имён Ханту́ и Гирико́ родителей главы нашего гостеприимного дома – Ахмеда. Имя Ханту́ через свойства тройки своих смысловосущих согласных тесно сближается с арабским эпитетом Муханадис. Значение эпитета – «Главный Мастер». Принадлежит эпитет верховному сакральному объекту ислама. На вопрос о красивом женском имени Гирико в се-

лении отвечают, что оно пришло из соседней Грузии. Более глубокие сведения самих жителей Сагады связывают происхождение имени с Присредиземноморьем, а значение – с некоей сладостью. Поскольку точной идентификации сладость не поддается, сразу заметим, что «сладость» – свойство, проявляющееся в самых разных кондитерских состояниях, а также – ветвящаяся метафора. Сладостными бывают не только халва, но и хвала, дружеская беседа, покой, соловьиная трель, а также сошедшийся бухгалтерский баланс.

Историческим корнем имени Гирико в наследственном культурном веществе может служить название племени гирканов. Земля гирканов, упомянутая в «Географии» Эратосфена (III век до н.э.), это очень близкий к Дагестану Южный Прикаспий, разветвление древних иранско-среднеазиатских дорог. Клавдий Птолемей (II век н.э.) в своей «Географии» в общем очертании карты ойкумены (Книга VII) называет Каспийское море также и Гирканским. Древнейшая же реалья, что отчетливо просматривается и за именем, и за жизненным предназначением бабушки Гирико, принадлежит к образам мифологии Древнего Шумера⁴⁵. Полубожественная сущность шумерского мифа о сотворении мира – сосуд с названием «гирри». Из сосуда гирри богами выводится сладостная пресная вода, необходимая для зарождения жизни на земле⁴⁶. С тайнами шумерского словообразования ассоциируется и написание «Гъирику» имени Гирико в грамматике цезов. Цезские имена Ханту, Вату, Жаху, Гъирику особенностью своего завершения напоминают имена Бау, Уту, Нингирсу, Аруру, Нинту шумерских женских и мужских божеств.

Рис. 5.21. Сосуд кутлу для наполнения водой столовой посуды. Ромбов на основании – 24.

Имя одной из милых и умных внучек бабушки Гирико (Гъирику) – Паризат. Ясна связь имени со словом «пари-заяб», передающим смысл «священный» в цезском и аварском языках Дагестана. В глубине же времени и культуры, на глиняной табличке древнейшего эпоса о Гильгамеше (Бильгамес), слово «parisu» означает шест, которым правят лодкой при переправе через воды смерти. Образ эпического шеста, благодаря которому ладья преодолевает смертельную влагу, способен работать в статусе понятия о традиции. Традицию, обычай можно уподобить не только движущему ладью жизни шесту, но и возникшему, правящему мыслью и поступком человека, равно как и отражающему удары щиту.

В быту жителей Сагады сакральное, отобразившее в себе божественную сущность, множественно в выразительном разнообразии и окружает человека со всех сторон. Галерею образов доисламской сакральной архаики представляют, например, изображения на сосудах для питьевой воды. Восьмилитровые сосуды, в которых горянки, повесив ёмкость за плечо, приносят в дом воду из источ-

⁴⁵ Страна располагалась в Южном Девурчье, от Персидского залива до широты современного Багдада. История её заканчивается границей III и II тысячелетий до н.э.

⁴⁶ С реальей может быть связано и имя Григорий, переводящееся как «земледелец».

ников, называются «эрет» (рис. 5.19). Сосуды вместимостью около двух литров для наполнения водой столовой посуды именуются «кúтту», хотя на письме обозначаются словом с одной буквой «т» (рис. 5.21).

Наименования сосудов свидетельствуют о том, что и они сами, и священные изображения на их поверхности принадлежат культурному наследственному веществу, соприродному шумерскому. Название «эрет» большого сосуда практически совпадает с названием Эреду шумерского города, стоявшего на берегу залива, именуемого ныне Персидским. В Эреду начала пульсировать жизнь мира согласно древнейшей шумерской космогонии. На эретах гравировался и роскошное женское (рис. 5.19), и более скромное мужское (рис. 1.3, 5.20) божественные изображения. Город Эреду, одинаково с которым называется эрет, – вотчина князя земли, владыки живительных подземных пресных вод и автора замысла о человеке – бога Энки. Показателем взаимной благосклонности человека и промыслителя и отца ремёсел Энки служат его изображения не только на эретах (рис. 1.3; 5.20), но и на обеденных столах (рис. 5.57) и на дверцах обогревающих жилища печей⁴⁷.

Шумерским номом⁴⁸ Куту владел бог Нергал. Ному соимёнён дагестанский сосуд кúтту с изображением лика шумерского божества (рис. 5.21). Родился и обитает племянник Энки Нергал в подземном мире. Место изображения лика Нергала вокруг основания носика сосуда кúтту объясняется из наименования места поминаения умерших в Древнем Шумере. Место поминаения называлось местом напоения водою⁴⁹. Прародители, таким образом, безотчётно поминаются всякий раз, когда из изящного хоботка Нергала наливают воду живым жажущим.

Мы выскажем представление шумеров о миросложении, если трафаретно ассимилируем Нергала только с печальной и невозвратной темницей мрачного подземелья и назовём его царём мёртвых. Сам факт нанесения лика бога на сосуд для наполнения водой столовой посуды можно уверенно считать очень высокой положительной оценкой образа Нергала этнокультурной средой. Помимо сосуда слово с русской транслитерацией «кутту» обозначает в Сагаде такие известные метафоры судьбы и жизни, как прялка и толстая пряжа.

Рис. 5.22. Форма олицетворения представлений древних о зоркой и неусыпной страже – прообраз золотого Петушка сказки А.С. Пушкина. Контур рыбки на тыльной части фигурки «поднят» пунктирной линией.

⁴⁷ В русском языке глагол «топить» имеет как водное, так и огневое значение.

⁴⁸ Единица, принятая для описания территориального деления Древнего Египта. Слово «ном» во французском языке означает имя. Однокоренное с ним «номер» – позицию, например, в артиллерийском расчёте или репертуарную. В Дагестане, именуя человека «даринец» или «лакец», имеют в виду, прежде всего, территориальную, «номовую» принадлежность субъекта познания.

⁴⁹ В.В. Емельянов. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб. 2001. Стр. 298..

Праведный пастырь нома Куту Нергал славен, прежде всего, тем, что изводит из семени растение, из почки – лист, осыпает лик земли цветами и посею знает не только время, но и силу всех деревьев и трав. Образ Нергала – олицетворение представлений шумеров о функции первоначального вещества. Она очевидно присуща разуму и земле. К аллегории местонахождения корней растения мы часто обращаемся, говоря как о причинной основе – о сокровенном пространстве культурного наследственного вещества. И вода из хоботка Нергала – символ мощи его живородящих сил. Это сакральные силы земли, традиции и разума.

Прозябание ростка, рождение чувства и понимания – соприродны. Из царства Нергала⁵⁰ пришёл к нам свет взаимно однозначного соответствия между обозначаемым и обозначением: числа, речь и поэлементами кодирующие её буквы. Мудрость этих глубин мироздания, правильно используемая, воспроизводит человека, «перетекая», подобно воде из недр земли и хоботка Нергала, в рождённого человеком. Пращурам и их древней славе традиционно посвящается первый тост за торжественным столом сагадинского дома.

Дыхание могучего «архе» речи и образных исповедальных высказываний сокровенного мира предков наполняет паруса корабля жизни на земле. Признательное слово благодохновенному свойству этого мира посвятил А.С. Пушкин.

Рис. 5.23. «Мемориальная доска» Нармера, царя 0 династии объединённого Древнего Египта. Около 3100 года до н.э. Египетский музей. Каир.

*Два чувства равно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам!
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.
На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека
И всё величие его.*

Вернёмся к брату отца Нергала Энлилю – богу Энки. При устройстве окопа для занятий по военному делу в сагадинской средней школе было найдено изображение Энки в виде каменной фигурки (рис. 5.22). Окоп и плац устроены на месте сторожевого замка, господствовавшего над местом слияния рек Алазани и Митлюды. Напоминает об укреплении, охранявшем селения в верхнем течении рек, уцелевшая дуга каменной арки входа, лежащая на краю площадки (рис. 5.24).

Название древней заставы, запечатлённое памятью сагадинцев, – «Увогт – 'кьим». Значение

⁵⁰ Гравировка вокруг хоботка Нергала напоминает о таком ковчеге, как ладья «человека того берега реки», то есть шумерского перевозчика в царство мёртвых. Куттар – название кинжала у Моголов.

второй части названия крепостного сооружения – правящее и удерживающее от расстройства: «голова». Связь начальной части «Увотт» именованного укрепления и названия «Уотль» селения, на месте которого стоит Сагада, назовём вероятной. Пара смысловосущих согласных ТЛ названия Уотль обозначает охранительную функцию. Смысловое ядро ТЛ даёт жизнь названию «тула́» укрытого места в русской речи, работает в словах «тулуп», «тюль», «толь» (кровельный материал), «столица», в имени Тал мифологического медного великана, оберегавшего от посягательств средиземноморский остров Крит, в имени Атлант удерживающего небесный свод титана, в имени Пантелеймон христианского святого целителя и в существительном «талисман». Многообразие не означает различия в служении. Помогать охранять от невзгод должна была и найденная школьниками на месте древнего укрепления бородастая каменная фигурка с большими глазами⁵¹.

Высота фигурки (рис. 5.22) – одиннадцать сантиметров. Очерчивающий глаза рельеф ассоциируется с рогами животного, в образе которого тоже почитался и доселе почитается, в виде созвездия «Козерог», ясноглазый строитель замыслов Энки. Рельеф с головы миниатюры совпадает и с рогатыми головами верхнего регистра палетки Нармера, царя 0 династии Древнего Египта (рис. 5.23). Палетка высотой 64 см и шириной 42 см найдена в 1894 году при раскопках в храме Гора в Иераконполе (египетск. Нехен). Выполнена она в форме иероглифа «иб» со значением «сердце».

В культурах, производных от шумерской, подобные фигурки закладывались в основание сооружений, имеющих особое общественное значение. Узнать в каменной миниатюре внимательного и предупредительного бога Энки позволяет контур рыбки, нанесённый на тыльной стороне головы закладной фигурки (рис. 5.22). Рыба присутствует и в рисуночной записи имени царя Нармера в прямоугольнике меж рогатыми головами палетки.

Рыба и бык фигурируют в рассказе о Хасибе и царице змей из «1001 ночи». Ангел называет их египетскому престолонаследнику и искателю Булукии, говоря: *«И знай, о Булукия, что земли расположены семью рядами, одна над другой, и Аллах сотворил ангела из ангелов своих (не знает его свойств и размеров никто, кроме Аллаха великого славного!), который несёт семь земель на своих плечах. А под этим ангелом сотворил Аллах великий скалу, а под скалой Аллах великий сотворил быка, а под быком сотворил Аллах великий рыбу, а под рыбой сотворил Аллах великий большое море. И осведомил Аллах великий Ису (мир с ним!) об этой рыбе»*. Построение с землёй, головой быка и рыбой использовано как аллегория

Рис. 5.24. Каменная арка врат исчезнувшей заставы.

⁵¹ Предоставлена Рамазановым Расулом Газиевичем.

в поэзии на персидском языке Низами Гянджеви⁵². Судя по изображениям, образный ряд 1001 ночи, использованный и Низами, был известен в додинастическом Египте.

Исследователи считают, что спутники царя Энки⁵³ рыбы символизировали связь с труднодоступными глубинами тайного знания. Вероятно происхождение от средиземноморской основы названия рыб, «бесуро» на языке цунтинцев. В своей заставной, корневой части «бесуро» созвучно с латинским «*pisciculi*», «рыбки». Смыслонесущая пара БС (ПС) для обоих слов – общая. Греческое название рыбы – «ихтус». Созвучие может служить сигналом и об общем статусе нахождения под египетским патронатом Кавказа и Апеннин. Египетской, а не троянской закваской может быть обусловлено восхождение звезды Римской империи.

Прежде, чем почтительно коснуться рассуждением женского божественного изображения на зрете (рис. 5.19; 5.25), остановимся ещё раз на эталонной роли образов в счислении поступков. И множество образов, несущих исповедание о единой истине, и сохраняющая сакральный смысл речь – плоды древа жизни. Образные формы учёта знания, раскрытия истины также можно уподобить дающей обилие нивам пресной воде, изводимой в шумерских преданиях из-под стопы

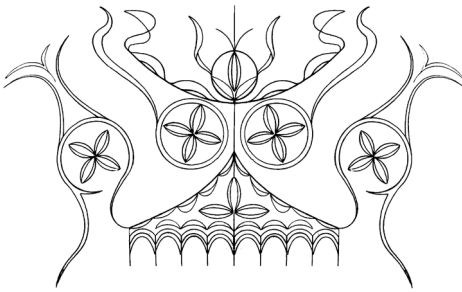

Рис. 5.25. Развёртка на плоскость изображения женского божества на зрете (рис. 5.19). Отображение искусством древних знаний о воссуществовании мира и его движущих силах, представлений о глубинах сознания и о тонком механизме восприимчивости, который сберегли от попадания «песка».

бога и из сосуда гирри. Такие образы – операторы вечной функции началообразования, иницилирующие миротворческую активность человека. Функция началообразования определяет закон изменения операторов в пространстве и во времени, а также обуславливает общую мерность и связность (Коран. 2.100 (106) их и вызываемых ими побуждений.

Создатели ёмких образов древнего круга знаний хорошо знали о важнейшей роли в домостроительстве, и в более масштабной системе, не только примера и переживания, но и ментального импульса безотчётного духовного внутреннего источника знания, несущего предварительное понимание. Знали о том, что за разрушением тонких механизмов восприимчивости

⁵² Низами Гянджеви, род. между 1138 ... 1148 г., ум в 1209 г. в Гяндже, на территории современного Азербайджана. Этот образный ряд не понимается суфием Низами буквально. Поэмы «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Искендер-наме».

⁵³ Энки существо земноводное в своём звёздном изображении – созвездии «Козерог», десятом в Зодиаке (рис. 5.52). Начало правления соединяющего, подобно сфинксу, качества рыбы и вожака-козла Энки поставлено в соответствие зимнему солнцестоянию.

неотвратно следует распад структур материальных. Им было известно, что благодаря резонансу сознания с «сигнальными ячейками» образов достигается системная упорядоченность поведения субъекта познания, будь то человек или сообщество. При этом каждый занимается своим повседневным делом в общем хозяйственном укладе.

Слово «образ» – смысловая основа понятия «образование». В замысле фиксирующий, очерчивающий и передающий исповедальные знания образ – программная основа процессов масштабного домостроительства. На уровне процессов образ имеет в виду и расширенное воспроизводство интеллектуальных ресурсов, и заботливое культивирование духовных ростков эволюции. Несут свет истины и образы портретной галереи на сосудах. Они олицетворяют представления о начале базовом, неподвижном, независимом от прихотей дня, изучаемом онтологией, наукой о непреложном сущем,

находящемся вне времени и пространства. Миниатюры, запечатлённые на других предметах быта, тоже относятся к области определения функций, принимающих своё значение в побудительных мотивах и состоянии общественной системы. И они хранят культурные зёрна опыта, знания дела, плоды размышлений по поводу жизни, выражая древнюю и вечную благодохновенную доктрину, удерживающую землю от расстройтва. Мирен дух, предворяющий работу творческих сил, духовное семя класса истин и общей мечты – тысячелетиями не покидают их форму, безотчётно и благотворно воздействуя на миротворческую активность человека. В чистых образах задолго до появления письменной регистрации жизненных проявлений и науки онтологии решена важнейшая задача философии – создать учение и мышление миро- и жизнеутверждения; наметить способы и средства достижения целей, возложенных на человека его естественным положением.

Рассуждение об отображении закономерностей движения пребывающего в женском изображении на эрете (рис. 5.19 и 5.25) начнём с астрономических символов. Четвёрка их отчётливо выражает, во-первых – суточный ход светила, и, во-вторых – функцию годового астрономического цикла. Уровень двух крайних знаков на никелированной поверхности медного сосуда заметно ниже уровня двух средних. Крайние символы ставятся в соответствие не только юбке богини. Они отображают представление и о ночном движении Солнца, и о времени преобладания тёмного времени суток в течение года. Время оно увеличивается до зимнего солнцестояния и уменьшается после него. Солнечные знаки двух половин дня, образующие грудь фигуры миропитательницы ассоциируются, помимо преобладания солнечного света, и с изобилием даров природы и мысли. Лепестки знаков дают отличную воз-

Рис. 5.26. Голова сфинкса царя Сесостриса I (Сенусерт I). Среднее царство. XII Династия. Около 1950 г. до н.э. Египетский музей. Каир.

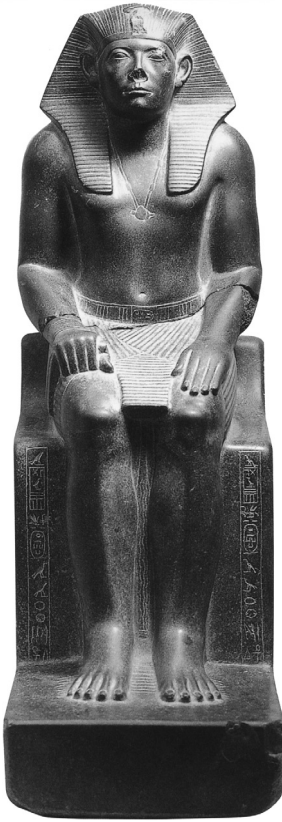

Рис. 5.27. Сесострис III. Среднее царство. XII Династия. Около 1860 г. до н.э. The Brooklyn Museum, Нью-Йорк.

возможность кодировать географическую широту места почитания образа. Углами наклона лепестков можно, например, передать углы возвышения солнца над горизонтом в периоды летнего и зимнего солнцестояний.

Из множества триад в сложении древнего священного изображения остановимся на четырёх, принадлежащих одной вертикали. Триады имеют каждая свою разрядность. Подобно безмятежной Афродите, родившейся из белой пены морских волн, в треугольнике первозданных «вод» (*материя, время, пространство* или *материя, информация, мера*) возникает трилистник одежды. Его лепестки – созидающие мир *вещество, мысль и форма*. Триада лепестков головы ассоциируется с такими организующими факторами её работы, как процессы *познавательные, эмоциональные и волевые*. Выработанную ими меру различения и её действие «да» и «нет», аналогичное нулю и единице алфавита системы счисления ЭВМ, острию и пяте копыя, представляют листики-рожки.

Символ султана головы – ещё более высокая ступень абстракции. Он ассоциируется с идеями, с настройкой сознания на слияние с сакральным и концептуальным «призраком жизни неземной», с умением человека распорядиться своим бытием в больших временных отрезках, за каковое он и отчитывается перед владыкой вечности Осирисом (рис. 2.2). В сказках линиям султана аналогичны направления движения, одно из которых должен выбрать герой, претендующий на допуск к высшим формам эволюции⁵⁴, приносящим реализацию генетически обусловленного потенциала.

Чередование волн в орнаменталистике изображения вечно юной богини напоминает о гармоническом осцилляторе и о сказочной курочке Рябе. Рябь шахматного поля жизни обозначена обустроивающими его руками, а телесные (процессы) и регулятивные (программы) силы поприща жизни пресуществлены в ломающихся по длине змеях. В однонаправленном движении змеи и его галсах распознаются и время линейно-историческое, и периодичность природного календарно-циклического времени.

Бахрама платья богини кодирует число «Девять». В арабском алфавите буква, поставленная в соответствие числу «Девять»⁵⁵, обозначает скрытое знание. В менее общем и менее мистическом смысловом разряде число «Девять» обозначает

⁵⁴ Примером подобного выбора в «Илиаде» служит суд Париса, в результате которого гибнет Троя.

⁵⁵ В церковнославянской азбуке в соответствии с числом «Девять» находится буква *Ѳ*, «Фита»..

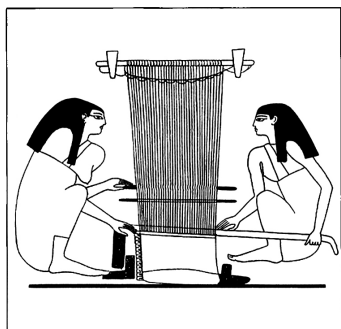

Рис. 5.28. Изготовление ткани. Бени Хасан. Роспись из гробницы Хнумхотена II. XII Династия. Около 1880 года до н.э.

границу качественной определённости. Например, между сном и бодрствованием, здоровьем и нездоровьем, голодом и сытостью, между водой и паром, между мирами известным и неявным, между некогда победоносным кораблём и оставшимися от него обесмысленными щепками или между разными записями в графе «семейное положение».

Примеры перехода границы качественной определённости – дни солнцестояний и равноденствий, наклоны в разные стороны стрелки весов, смена гнева на милость, появление птенца из яйца, сход снежной лавины и снега с крыши, вход греческого корабля «Арго» в устье реки Фасис, на берегу которой стоит роща с возделанным золотым руном; переход собствен-

ности, переход на новую форму одежды и упорядочивающее действие слова, например, призывающего к намазу или к обеду. Место на границе известного и неизвестного – отличительный признак науки.

Октава столбцов, созданных бахромой платья богини, напомнит нам о галерее образов. Её наполняют четыре пары землеустроительной огдоады (восьмёрки) додинастического Ир-та, демиурга Тебена (Фив), и восемь бессмертных (ба сьянь) религиозной мифологии вьетнамского даосизма, которые владеют магическими техниками и знают рецепты вечной жизни. Сигналу октавы отвечают восемь первооснов мира китайских книг Багуа и И цзин (рис. 5.46), восьмеричная буква И с имясловом-местоимением «Иже»; восьмичленное обозначение двойной звезды Сириус (Септ, Сопдет), звезды Исиды, и её пресуществление – знак Висмиллах (Бисмиллах, рис. 5.61). Практика йоги насчитывает восемь средств для очищения и просветления ума (читта)⁵⁶.

Потенциал орнаментального изображения на сосуде одаряет ассоциациями, на первый взгляд странными, вовсе не связанными ни с нашим представлением о времени создания образа, ни с темой статьи. Повторим, что в такой теории образования элементарных частиц, как квантовая хромодинамика локальную симметрию (три-

Рис. 5.29. Приготовление теста. Скульптура из гробницы-мастабы в Гизе. Старое царство. V Династия, около 2400 г. до н.э. Египетский музей. Лейпциг.

⁵⁶ Состояние высшей собранности и освобождающей гармонии ума носит название «самādхи» (санскр., букв. сложение вместе, соединение). Сравни многообразие, не означающее различия, общее характеристическое свойство элементов множества, абстракцию как единое во многом, неделимое в делимом, бесконечное в конечном (Прокл).

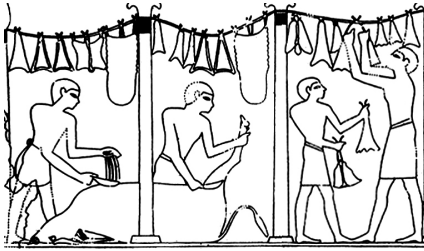

Рис. 5.30. Заготовка мяса домашних животных. Рисунок в гробнице Антефогера (ТТ 60. Западный Тебен). Среднее царство. XII Династия, около 1950 г. до н.э.

листник), воссуществовавшую из более простой симметрии глобальной (тема вод в узоре треугольного платья), поддерживают восемь компенсирующих силовых полей. Далее мы продолжим знакомство и с золотым руном добродетельных образов, и с эстетикой как универсальным механизмом работы сознания. А пока переместимся из Сагады, из отдалённого от неё Южного Двуречья на юг Средиземного моря, в Тунис.

Здесь мы заметим, что этноним цезов «дидойцы» созвучен имени Дидона основательницы и царицы Карфагена. Дидона вынужденно переселилась на новую территорию с земель востока Средиземноморья, прибыв на побережье Севера Африки из порта в Финикии. В римской легенде Дидона принимает у себя Энея, уцелевшего в Троянской войне младшего сына царя Трои Приама. Эней – легендарный прародитель будущих основателей Рима. Исследователи иногда добросовестно признают, что им неизвестны реалии, таящиеся за именами героев древних преданий. Гибель влюблённой в Энея Дидоны может означать новый уход в иные места скрывающегося за именем царицы народа.

То, что подобного рода переселения случались, явствует из «Истории» Геродота⁵⁷. Согласно его рассказу, страной с культурой на основе египетской была недалёкая от земель цезов (дидойцев) Колхида. Геродот приводит мнение современных ему египтян о том, что колхи ведут своё происхождение от воинов войска царя Сесостриса (Среднее царство, 12 Династия, Сесострис I (Сенусерт I) – 1971 ... 1926 годы до н.э., рис. 5.26; Сесострис III (Сенусерт III) – 1878 ... 1841 годы до н.э., рис. 5.27). Показательно, что золотое руно, за которым стремится в Колхиду корабль «Арго» в греческом мифе, хранится в гроте бога военных действий Ареса (Марса).

Рис. 5.31. Вспахка земли в росписи гробницы Сеннедьема. Долина ремесленников. Новое царство. XIX Династия. Около 1279 г. до н.э.

Геродот замечает, что колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, нежели египтяне о колхах. Согласно бывшему и в Египте, и в Колхиде Геродоту страна у подножия Кавказских гор изготавлила ткани одинаковым с Египтом способом (рис. 5.28) и сходствовала с египтянами образом жизни и языком. Нужно сказать также, что нынешняя территория Грузии считается наукой центром происхождения и распространения мягкой пшеницы (*Triticum vulgare* L.), с которой сравнивали народ египетские жрецы. На территории Грузии

⁵⁷ Геродот. *История в девяти книгах*. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л. Наука. 1972. Книга 2, 104.

найденно большинство диких видов пшеницы.

Зафиксируем некоторые отчётливые вещественные пересечения, замеченные в Сагаде и подтверждающие отмеченное Геродотом сходство жизненного уклада. Значимое пересечение с египетской мифологией и реальной династической традицией – кровное родство создающих семьи пар. Дома в Сагаде, как и в селениях Египта, надстраиваются по мере обзаведения семьями сыновей.

Рис. 5.32. Соха и ярмо парной упряжи в Сагаде. 2008 год.

Современные туристские издания о Древнем Египте приводят такую «встряивающую» меру египетского воинского артикула, как отчётность о ратных деяниях кистями рук врагов. Горá их изображена на южной стене заупокойного храма Рамзеса III в Мединет Абу (Западный Тебен). Точные сведения о такой же мере отваги сохранили память сагадинцев и специфическое идиоматическое выражение в их языке. В селении всем известна стена, предназначавшаяся для помещения на ней победной отчётности бахадурами Сагады.

К сходству с обиходом египетского жилища можно отнести малоразмерность, украшенность и лёгкость столовой мебели в сагадинских домах (рис. 5.57 и рис. 5.58). Сагадинские хозяйки делают тесто, как и египтянки, не поднимая на стол ёмкостей для его приготовления (рис. 5.29). Для горского быта характерна осенняя сушка впрок мяса домашних и добытых на охоте животных (рис. 5.30). Вспашка земли производится парной упряжкой быков или ишаков (рис. 5.31 и рис. 5.32). Сагадинцы считают также, что свой ишак лучше, чем чужая лошадь.

Отметим пару слов в лексике цезов (дидойцев), пересекающихся с очень известными силами на поле жизни Северной Африки. Первое слово – название лета «ат'ону». Оно близко по звучанию транслитерации «Атон» имени египетского бога-Солнца. Атон был верховным божеством Египта во время правления царя Аменхотепа IV, принявшего имя Эхнатон (Проявление Атона, XVIII династия, 1364 ... 1347 годы до н.э.). Созвучно названию лета и название зимы: «этт'ни». В сходстве корней названий лета и зимы, казалось бы, врозь обращённых, у цезов (дидойцев) нет противоречия. Объясним причину сходного чувственного впечатления от лексических единиц «ат'ону» и «этт'ни», оперевшись на русское слово «зима». По звучанию и смыслу слово «зима» близко к греческому слову со значением «закваска» (сравн. *энзимы* молекулярной биологии, обладающие ферментативной активностью). Созвучием слов «ат'ону» и «этт'ни» выражено общее причинное свойство катализатора, фермента, присущее как для солнца, так и для тихой закваски зимы. Это два разных, но соприродных состояния, поскольку в них проявляется один фундаментальный принцип.

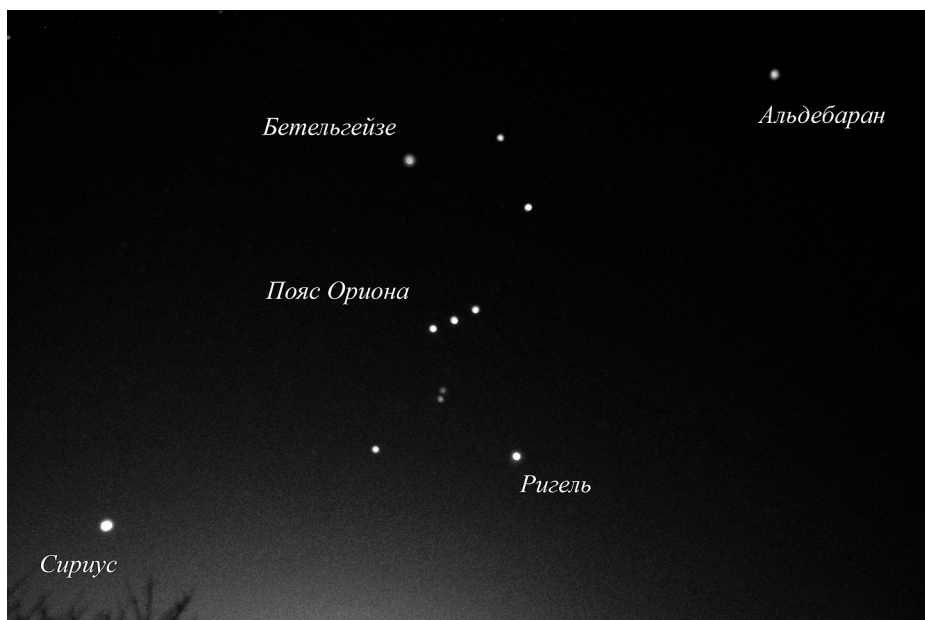

Рис. 5.33. Созвездие Осириса Орион (египетск. Сах, в центре) и светила нулевой и первой звёздных величин Сириус (α Большого Пса) и Альдебаран (α Тельца) на российском вечернем звёздном небе.

Обрами подобного проявления неделимого в делимом, помимо знаков солнца (рис. 5.19 и рис. 5.25) могут служить две ветви бечёвки иероглифа, изображённого на рис. 5.40, вдох и выдох и две змеи с золотой рукоятки кремнёвого ножа полного тайн Додинастического времени Древнего Египта (рис. 5.48), напоминающие о рекомбинации мужской и женской хромосом. Представление о таком же неделимом, о материнском пространстве причины, передаёт в обозначениях лета и зимы корнеслов цезского языка.

Второе слово, примыкающее к древнему североафриканскому лексикону и верховному образному ряду, на письме выглядит «сахли». Русское ухо воспринимает звучание слова почти как «сахли». В слове «сахли», звук обозначенный на письме буквой «л», в произношении прерывается, склоняясь и к «р». В слове «челны» некоторые уроженцы Сагады ничтоже сумняшеся могут аккуратно вывести букву «р» вместо «л». В их устах в «сахли» слышится смягчённое «р», а не «л». Нет в фонетике цезов и звука «ы», но достаточно таких, что русский язык сразу, без обучения и навыка, произнести не в силах.

Слово «сахли» приезжому объясняют как пожелание никогда не болеть. В аварском и цезском языках Дагестана *сахли* имеет также значение «всё». Доброжелательное *сахли* сопровождается интонацией и взглядом, делающими совершенно излишними для его понимания какие-либо пояснения. Невольно и мгновенно возникающий резонанс заставляет сомневаться в том, что *сахли* – обычное пожелание здоровья. По рациональном размышлении приходит понимание того, что внезапно меняющее состояние слово «сахли» обнаруживает

древнее смысловое и этимологическое ядро слова «сакральный»⁵⁸. *Сахлы* – также и смысловой исток слова «сокровенный». Внимание ещё более пристальное приводит к выводу, что с лексической единицей *сахлы* связано безотчётное или скрытое представление о силе, подобной позволяющей «проникнуть в страны небес и земли» (Коран, сура 55 «Ар Рахман» (Всемилоливый), аят 33).

Соприродность слов «сахлы» и «сакральный» подтверждается названием Саккара некрополя столицы Древнего царства Мемфиса, названием «Куббат-ас-Сахра» мечети, название которой переводят как «Купол скалы», и группой звёзд с названием «Сах» египетской жреческой системы счёта времени по звёздам. Группа отождествляется с созвездием «Орион» (рис. 5.33; 5.52). Созвездие украшает своим непревзойдённым великолепием южную часть зимнего неба⁵⁹ средних широт северного полушария Земли. Группа звёзд Сах-Орион в искусстве Древнего Египта с начала династического периода служила основой образительной формы побеждающего врагов царя (рис. 5.23, 5.36). На рельефном изображении зодиака в часовне храма Хатхор в Дендера группа звёзд Сах (Орион) передана фигурой шествующего Осириса⁶⁰ (рис. 5.52). Фактом истории египетской религии, засвидетельствованным «Текстами Пирамид» V династии, является представление о том, что царство праведных располагается на небесах, а в звёздах воплощены их вечно живые души.

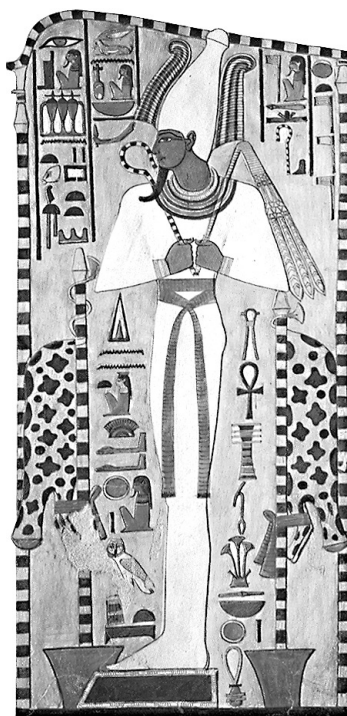

Рис. 5.34. Осирис между двумя геральдическими эмблемами бога Анубиса – туловами с процветшим лотосом хвостом. Долина цариц. Гробница Нюфретири (Нефретари), супруги Рамсеса II, XIX династия. XIII век до н.э.

⁵⁸ Сакральный – ныне как отобразивший божественную сущность, принявший божественную эманацию, то есть нисхождение, дохновение божественной сущности.

⁵⁹ Лицом к югу обращаются при погребении умершие сагадинцы.

⁶⁰ Произведение смыслоносущих согласных СР имени бога устанавливает отношения типа равенства между именем Осирис и словом «царь». С названием «Орион» небесного образа Осириса перескается слово «origo» со значением «начальный». Слово отдало свою букву «О» для обозначения начала систем координат. С заставной морфемы названия созвездия Орион начинается эпитет «Оранта» раннего изображения Богоматери в Софийском соборе Киева и имя зороастрийского Создателя – Оромазд. Заставная морфема названия созвездия Орион определяет смысл таких слов, передающих представление об основаниях устройства вещей, как «взор», «узор», «орнамент» и «die Ordnung» (нем. – порядок, строй, устав); «ora» (лат. – берег), «orbis» (лат. – земной мир) и «oro» (лат. – говорить, просить, молить). Аорист – название глагольной формы, указывающей на действие, имеющее начало, но не имеющее конца.

Рис. 5.35. Царственная фамилия (Эхнатон, Нефертити, Меритатон) с прообразами куличей, освящаемыми лучами бога Атона. Амарна (Ахетатон). XVIII династия. Около 1340 года до н.э. Египетский музей. Каир.

кого фазового перехода, такого «прыжка» в иную качественную определённую, как христианское Воскресение Господне. Честь называться «пасха» принадлежит и сладости на основе творога, подающейся на стол этого дня. Продукт на основе молока, претерпевшего последовательность фазовых переходов, в «большом сцеплении» вкуса однокачествен с пищей богов нектаром, а по происхождению – с молоком божественной козы Амалфеи, которым вскормлен Зевс. Творожной пасхе обязательно придаётся форма пирамидки с квадратным основанием. Исследователи другой пирамиды, Хуфу (Хеопса, рис. 2.5), нашли, что её центральной частью является фетиш воскресшего много раньше Христа бога Осириса – четырёхзвённый столб «Джед» (рис. 2.6; 2.7; третий знак под левым локтем Осириса на рис. 5.34).

Владыкой царства предков и куратором всего сущего озаритель мира метафизическим светом⁶¹ Осирис стал после своего воскрешения. До этого благочестивый царь Осирис обманом был живым закрыт в пленяющий красотой гроб (ег. небанх) властолюбивым братом Сетом, а затем сброшен в рукав Нила. Воскрешение Осириса в качестве начальника мира стало возможно благодаря многим силам, но на звёздном глобусе рядом с Орионом-Сахом-Осирисом – сила основная. Это любящая супруга Исида. Представляет Исиду, прообраз Богоматери Оранты, звезда Сириус (рис. 5.33). Древнеегипетские названия звезды Сириус – Сопдет, Септ. Египетское название Сириуса в греческом письме – Сотис (Софис). Ярчайшая звезда неба – главная и в египетском жреческом звёздном (сотическом, по имени Сотис) календаре, и в примыкающем к созвездию «Орион» (Сах) созвездии «Большой Пёс». В мифе об Исиде и Осирисе пёсоголовый бог Анубис был верным помощником Исиды и бальзамировщиком тела-сах Осириса. В египетском культе усопших имя Осириса в своё время добавлялось к имени всякого оставившего земное дыхание. «Владыка всего» – эпитет «воскресшего» Осириса (рис. 5.34). Эпитет пересекается со значением «всё» слова «сахлы».

Стоит внимания мысль о связи со смысловыми полями, обозначаемыми произведением СХ лексикой египтян и цезов, слова «пасха». Слово обозначает не только сакраментальный праздник та-

⁶¹ Свет в цунтинском (цезском) языке обозначается словом «ч'ура» (ч'ура). Созвучный эпитет «шурияши» со значением «озаряющий землю» носил верховный бог касситов Сах. Древняя страна касситов Луристан на лике Земли смежна территорией с нынешним Дагестаном. Чурул (Чулли) – дагестанское название города Дербента.

Рис. 5.36. Тутмос III, царь XVIII династии, над врагами Египта. Изображение на западной баине VII пилона храма Амона-Ра в Карнаке. Около 1450 г. до н.э.

Особенность, обнаруживающая древность пасхальной темы воссоединения разобщённых духа и тела, попрания смерти просматривается также в соотносительности расположения трёх великих пирамид IV династии Старого царства на плато Гизы и трёх звёзд пояса Сах, то есть Ориона, воскресшего Осириса (рис. 5.34, 5.52). Одна звёздочка в триаде пояса Ориона-Осириса и пирамида Менкауры (Микерина) чуть отклоняются от прямой, как бы желая увидеть, на месте ли первая. Пирамиды отобразили психоэнергетическое, обозначили концептуальное и идейное препоясание такого тела, как Египет.

Сопоставим префикс «па» в слове «пасха» и использование этого же словообразовательного элемента в греческом слове *παῖδεία* (*paidéia*) со значениями «воспитание», «культура». Слово *παῖδεία* подразумевает и обозначает обретение физической телесной компонентой знания о своих задачах в замысле Творца⁶². Ближнее поле смысла слова «сах» – тело. Пасху можно назвать праздником воссоединения духа с вещественной телесной силой. Тот же принцип единения Творца и творения, Проявляющегося и проявления выражен искусством Египта аллегорией солнечного луча, заканчивающегося кистью руки (рис. 2.9, 5.35).

В Египте тело⁶³ – святыня, что несёт служение вместилища всех жизненных сил, в том числе начала духовного. Энергии духа и вещественной силы как два

⁶² Слово «пара» несёт обыкновенно смысл «рядом». В качестве самостоятельного слова «па» означает танцевальное движение. Сочетание его с «Ра», когда «Ра» – имя единого, разворачивающегося во всё многообразие пребывающего, даёт смысл «танцевальное движение Ра». Таковым движением, па по воле хореографа Ра, была жизнь египтянина. Па жизни были и останутся различными для разных её борозд. Это обстоятельство индивидуальности проявлений одной истины сохранилось в татарских именах Рамиль, Рафис, Рамзия, Раушания... Ра – имя реки Волги в Географии Клавдия Птолемея.

⁶³ Без сохранения тела считались невозможными воскрешение и жизнь в загробном мире. Грабители захоронений, опасаясь преследований из страны инобытия, уничтожали мумии. Более то ли смелые, то ли гуманные алтайцы лишь перебивали моцм кости ног. Если говорить о пространственно-геометрическом истолковании бытия пифагореизмом второй половины V века до н.э., то он соединяет тело как трёхмерную величину с числом «Четыре»: точка, линия, плоскость, тело. $4!$ (факториал, то есть $1+2+3+4$) – десятирица, декада. Она воспринимается пифагореизмом как выражение предельной полноты, совершенства числового ряда и как универсальная формула бытия. Сравн. титул Осириса – «владыка всего» и сходство формы римской цифры X с формой созвездия Осириса Сах, Орион (рис. 5.33) и изобразительным каноном Великой Богини славян (рис. 3.1). Десница – эпитет Бога в стихотворении Ф.И Тютчева «Неман».

аспекта единой мощи искусство Древнего Египта передаёт и в изображениях царей, попирающих враждебные племена. Фигура царя (рис. 5.23, 5.36) явно переформлирует собою созвездие Осириса Сах, Орион, прообразована им (рис. 5.33). Так подчёркиваются небесные величие и природа державной задачи и силы, полагающей пределы злу. Победно звучит и пасхальный гимн о попрании смерти новозаветным небесным царём, родившимся под сенью звёзд Ориона. Пасхальное торжество воссоединения силы вещего духа с дыханием и движением крови сопровождают буква Х, прообразованная созвездием Сах (Орион), и буква Веди, помещаемые и на пирамидке пасхи. Имяслов «Хер» буквы Х произведен от имени Гор старшего божества из ряда египетского пантеона, куда входят и Осирис, и Исида. Старший Гор персонифицирует знания об области определения «непреложное», о функции началообразования.

Что касается истолкования слова «сахъли» как пожелания здоровья, то, похоже, мы наносим своей телесной, нравственной и мировоззренческой крепости существенный ущерб, вырывая себя, детей из сакрализованного мира с его удерживающими от расстройств импульсами и закономерностями, с которыми по своей природе неделимо, как лист с ветвью, соединено «тело» человеческой психики. Стратегическое, экзогенетическое сакральное пространство – область определения её, психики, нормальных функций и условие реализации заданного генетического и эволюционного потенциала. Сокровенный смысл пожелания «сахъли», звучащего при расставании с тем, кого любят, – сохранил живым аромат древнего пожелания как жизни без расходящихся рядов и членов, так и победоносной силы духа, ума, понимания, смелости, энергии и твёрдости, помогающей решению эволюционных задач. Силы, присущей такому субъекту познания, как Древний Египет. Силы, дающей возможность проникать «в страны небес и земли».

*Не боится ни бурь, ни штормов океан,
Человек, отличай от людей обезьян!
Не рождается зло от добра и обратно...
Различать их нам взгляд человеческий дан!⁶⁴*

Рис. 5.37. Браслет из захоронения в Сагаде.

В наших наблюдениях, иллюстрирующих проявления категории «Добро» и отношений порядка, оставим на время затейливые линии тока лингвистические, обнаруживающие отмеченное Геродотом сходство колхов и египтян языком, и обратимся к материалу археологическому. Найден материал в гладком округлом глиняном кувшине (горшок – шегI; гончар – шегIмос) в древнем захоронении на одном из террасных полей (поле – байдан) селения Сагада. Медные изделия клада отчётливо демонстрируют свою связь с мыслью и формулой Древнего Египта. Главным опорным археологическим объектом нам послужит кованный медный браслет (рис. 5.37)⁶⁵.

⁶⁴ Омар Хайям. Рубаи. 765. СПб. 1993.

⁶⁵ Предоставлен Хантуевым Могомедом Гасановичем.

*Взять опястье Адама! Для каждой души это – счастье!
На запястье ему семь небес ниспослали опястье.⁶⁶*

Наименование браслета цезами воспринимается на слух как «'акка». Запись же знаковая, отражающая фонетику цезского языка, выглядит так: «*гЛака*». Поскольку фонетический алфавит народов России – дело будущего, постольку приходится обозначать находящимся «не в себе» знаком препинания фонему, чутко и чётко воспринимаемую цунтинцами.

Помимо браслета в кувшине находились серьги. Цезское название двух серёжек – рокура́би, одной – року́ра свидетельствует о существовании в цезской словесности, как и в египетской, двойственного числа. Изготовлены серьги в виде плоских и симметричных относительно вертикали волют (рис. 5.38). Волюты рокуры из круглой проволоки соответствуют разным значениям слова, притчи и торцу свитка, фиксирующего жизненные проявления письмом. Волюты символизируют, кроме этого, локоны и самоё египетскую богиню Хатхор (см. подпись к рис. 5.42). В тексте времени Нового царства (1552 ... 1070 г.г. до н.э.) один из эпитетов богини счастья Хатхор – «*владычица ожерелья*».

В состав погребального комплекта входило также трудоёмкое нагрудное украшение (бусы называются бухи, а словом «бухь», созвучным с «Бог», называется Солнце). Соединяющиеся в цепочку элементы ожерелья выполнены в виде сегментов сферической оболочки. Такую форму имеет египетский иероглиф «Неб» со значением «владычество».

У нас есть возможность воссоздать идеографический смысл древней проволочной зеркально симметричной витой серёжки с названием «рокура». Выполнить реконструкцию позволит математика. Имя этой красивой и аскетичной науке дала египетская богиня Маат. В хранение Маат Творец и вверил задуманный Им миропорядок. Математика сохранила в своих терминах звуки языков, давно умолкнувших, например, шумерского. Так прообразом термина «сумма» служит шумерское название «сум» пучка лука. С цезским названием «рокура» созвучен математический термин «рекуррентность».

Рекуррентностью математики называют определение члена последовательности как некоторой функции её предыдущих членов. Например, чтобы пришить заплатку, нужно подготовить её и вставить в иглу нужную нитку. Практически любое суждение, решение и действие человека (U_n) является членом последовательности, определённым как некоторая функция предыдущих ($U_n = U_{n-1} + U_{n-2}$). Полученную рекуррентную последовательность $U_n = U_{n-1} + U_{n-2}$ можно назвать

Рис. 5.38. Серёжка рокура. Действительное число витков в каждой волоте – три. Графика О.В. Уфимцевой. Увеличено.

⁶⁶ Низами Гянджеви. *Сокровищница тайн. Речь первая – о сотворении человека.*

как математическим выражением принципа основания⁶⁷, так и формулой традиции или восприятия.

Качество восприятия, решения и действия субъекта познания мы не без оснований связываем с его умоустройством. Серёжка-рокура поставлена в соответствие уху как органу, благодаря которому премудрость перетекает *«от того, кто полон ею, к тому, кто пуст»*. В шумерской словесности ум и ухо обозначались одним словом. В словесности цезов ум и мудрость называются *акьлу*, а ухо – *ахла* (живот – *ах*). 'Акль – арабское название интеллекта⁶⁸.

Орган слуха главенствует и в восточном премудрственном речении: *«Истина в ушах, а не на языке»*. Смысл этой восточной реплики в сказке о курочке Рябе охватывается ветвлением метафоры золотого яичка, которое не могут разбить, а в «Илиаде» Гомера – образом знающей будущее Кассандры, вещее слово которой может произвести чудо, но которую никто не хочет слушать. В мифе о калидонской охоте гибель вепря Артемиды предвещает поражение уха могучего зверя стрелой Аталанты. Можно предположить, что следом и реминисценцией представлений об идеографическом значении рокуры служит евангельский признак способности к восприятию «имеющий ухо». «Имеющей ухо» и «слышащей», «посвящённой», «вхожей» в вещую меру была обладательница рокуры. Поговорка *«для милого дружка – серёжка из ушка»* означает готовность поступиться принципами счисления поступков, определёнными идеограммой рокуры и рекуррентной формулой $U_n = U_{n-1} + U_{n-2}$. Об этом можно прочесть, например, в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина («Барышня-крестьянка», «Метель»). Пренебрегает принципом и сказочный братец Иванушка, хлебнувший водицы из следа парнокопытного.

Метафорическая длина витка спирали рокуры как функция его номера соразмерна значению слова или образа как функции их смыслового разряда. На этом принципе основано искусство кодирования и прочтения математической составляющей поэтического языка и языка мифа, сказки. Мы читаем сказку на одном смысловом языке, а написана она на смысловом языке другом, содержащем глубокое ученье. Именно разная разрядность образов позволяет сохранить ученье и точно воссоздать по сказке историю народа, класс его истин и стратегический замысел предшественников о будущем своих потомков.

В дальнейшем мы увидим, что рокура однозначным образом отвечает символически браслета. А пока остановимся на метриках, выраженных в сомкнутых витках двух симметричных плоских спиралей рокуры (рис. 5.38). Метрики линейности и периодичности вместе подразумеваются, когда говорят о ходе истории, уподобляя его движению по спирали. Пример такого понимания можно найти в

⁶⁷ Рекуррентное соотношение может содержать, очевидно, и большее число слагаемых: *«Вчера я говорила тебе, чтобы ты ничего не трогал в комнатах старушек, – несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтобы не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей – и я насилу с ними сладила!»* (Антоний Погорельский. Чёрная курица или Подземные жители).

⁶⁸ В этой связи нужно учитывать, что образ Геракла, мифологического героя Древней Греции, вне «витка» буквального понимания служит аллегорией, указывающей на природу ума.

наиболее известной части эпоса «Махабхарата» – «Бхагавадгите». В начале главы четвёртой устами Кришны, колесничего лучника Арджуны, великий и благой хранитель мироздания бог Вишну (он же Нараяна, высшее божественное начало) вещает растерявшемуся перед боем в чувствах и мыслях Арджуне:

*Всякий раз, когда в этом мире
наступает дхармы упадок,
когда нагло порок торжествует,
я себя порождаю, Арджуна.*

В отношении сходства с вещанием о себе бога Вишну находятся повторяющиеся элементы фигурки в уральской пещере (рис. 4.1) и фигурки Энки на медном сосуде для доставки и хранения питьевой воды (рис. 5.20).

В метрике третьей, то есть в симметрии спиралей рокуры, мы увидим аллгорию божественных премудростных напевов и испытывающих благородную потребность в них. Германский философ Мартин Хайдеггер (1889 ... 1976) называет «вслушивание» инструментом внимания пребывающему и мышления о нём. Древними роль симметрии, принципа соответствия вещей и отношений в неисчерпаемости пребывающего запечатлена и зодиакальным знаком Близнецов.

Метрика четвёртая – асимметрия. Роль выраженной витками одной спирали асимметрии как истока размышления, истока чувства, слова и образа мы затронем позже, рассматривая как проявление асимметрии – небытие. Метрику пятую, уже затронутое рассмотрением неделимое в делимом, обозначает один кусок проволоки, из которого выполнены обе спирали серёжки-рокуры. Метрика неделимого в делимом присуща вдоху и выдоху, приливу и отливу, обозначаемому и обозначению, а также выгравированному на браслете иероглифу в виде бечёвки с перевитыми кончиками. Мы говорили о метрике неделимого в делимом, обсуждая созвучие слов «*ат'ону*» и «*этт'ни*». Их корень запечатлевает знание о едином принципе системы природы. Лето и зима, обозначенные «*ат'ону*» и «*этт'ни*» – разные его проявления. Применительно к человеку индуизм использует метрику неделимого в делимом, выводя дхарму человека из всеобщей вселенской дхармы.

Форма рокуры роднит её не только с локонами богини **Хатхор**⁶⁹, определительницы счастливой судьбы (см подпись к рис. 5.42), ставшей в христианстве святой Екатериной (**Catharina**), в честь которой освящена, в частности, академическая церковь на Кадетской линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге. Вид серёжки клада соотносится и с торцем свитка, и с символом шумерской богини-матери Нинхурсаг (рис. 5.2, 5.15). С начертанием символа Нинхурсаг практически совпадает форма букв азбуки глаголицы с имясловами «Веди», «Добро» и «Люди» (рис. 4.19), продолжая ту же, что рокура, смысловую линию тока миротворческой активности.

Закончим повествование о серёжке-рокуре тем, как в Сагаде получается дырочка в ухе для её подвески. Отверстие возникает благодаря разомкнутому колечку из медной проволоки. Диаметр проволоки – около одного миллиметра. Длина отрезка проволоки такова, чтобы держащееся на мочке уха колечко не

⁶⁹ *Имя богини счастья Хатхор и имя Катя соотносятся между собой как прообраз и образ.*

доставляло неудобств. Кончики проволоки очень гладко обрабатываются в форме острого конца куриного яйца. Перед помещением на мочку уха колечко отжигается, раскаляясь докрасна. Это необходимо для того, чтобы медь (ез; сторожевая башня – эз) стала мягкой, и кончики можно было легко и точно сближать. Подготовленное, не нагретое и чистое колечко помещается кончиками в нужное место мочки уха. Отполированные кончики сводятся так, чтобы колечко устойчиво держалось, не вызывая болезненности. В течение месяца вожденная дырочка в мочке уха сама собой появится. Дополнительные хлопоты выразятся в необходимости обычного гигиенического ухода за местом смыкания кожи и меди. Кончики также придётся понемногу сближать с течением времени. Будет видно, когда это нужно делать.

Предметы клада в глиняном кувшине на горском поле соотносятся с представлениями древних об области, по своей природе не входящей в пределы физиологического чувственного восприятия. Прежде, чем говорить о недоступном нормальной физиологии, назовём простые метрические данные основного объекта нашего исследования – медного браслета. Длина развёртки изделия 180 миллиметров. Наименьшая ширина приходится на среднюю часть браслета и равна 12 миллиметрам. Ширина браслета по концам практически одинакова: 21 мм и 20,7 мм. Ширина проёма в браслете такова же, образуя квадрат. Толщина полосы плавно уменьшается от 3,5 мм в средней части до 2 мм по оконечностям. Равенство площадей поперечного сечения середины и оконечностей украшения указывает на применение технологических операцийковки для изготовления изделия. Наибольший размер овала браслета 69,8 мм. Наименьший – 54,6 мм. Масса изделия 59,2 грамма. Материал, из которого изготовлен браслет – практически чистая, не имеющая примесей других металлов медь. Браслет может рассматриваться как свидетельство существования металлургического центра, упомянутого Геродотом в рассказе о Колхиде и её египетской культурной платформе, и служить примером его продукции.

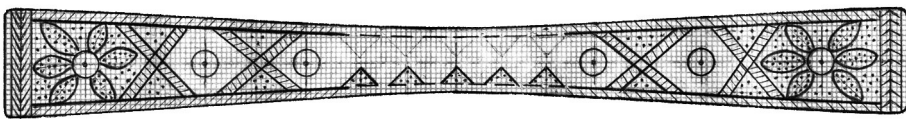

Рис. 5.39. Развёртка браслета. Пунктиром даны зрительно не прочитывающиеся линии. Симметрия орнаментовки выражает подобие статуса жившего статусу Творца в ценностной системе египетской традиции. Знаковая система орнамента сочетается с представлениями Старого царства Древнего Египта (2640 ... 2155 годы до н. э.) о возникновении миропорядка и с астрономическими его символами: звездой Сириус и созвездием Орион.

Форму развёртки браслета можно смело назвать осирической. Прообразом её явно служит группа звёзд Сах, то есть созвездие Осириса Орион (рис. 5.33). Браслет орнаментирован. В орнаменте – пять видов знаков: Три знака относятся к иероглифическому рисунчатому письму. Регистр из пяти треугольников в узкой середине браслета ассоциирует браслет с пятой долиной подземного мира Дуата

египетской «Книги Мёртвых», с его святая святых (рис. 5.45). Треугольники ставятся в соответствие и с египетской деканальной системой счисления времени по пересечению звездой-деканом небесного меридиана, и с её пятью днями, «что над годом» из 360 суток. В эти дни были рождены великие боги – правители мира: старший Гор, Осирис, Сет (прообраз Сатаны), Исида (Исет) и Нефтида (египетск. Небетхет).

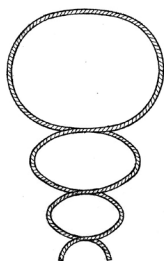

Рис. 5.40. Спиралевидный знак придыхательного звука «х», в образовании которого не участвует язык. Такой звук работает в цезском слове «абах», обозначающем главу рода, и в имени Птах верховного бога-творца Старого царства Древнего Египта, живущего в каждом вдохе и выдохе, врозь обращённым, но сопряжённым.

Напомним, что число Десять, на которое указывает количество треугольников узкой части браслета, – число Осириса.

Иероглифические знаки на браслете имеют прямое отношение к первоначалам мира египетской

религиозно-этической системы. Главенствует в орнаменте иероглиф в виде витой бечёвки (рис. 5.40). Он связан с представлением времени Старого царства Древнего Египта (2640 ... 2155 г.г. до н.э.) о создании вселенной мыслью и словом великого бога Птаха (рис. 4.12; 5.41). Внутри двух «бечёвочных» иероглифов Птаха отчётливо просматривается шесть изображений солнечного иероглифа «Ра» (окружность с точкой в центре), в каждом по три. Эти два вида иероглифов орнамента выражают две метрики времени. Если Птаха можно считать сочетанным с началом времени, с его невозвратной линейной составляющей, то Ра соотносится со временем периодическим. Вдоль линейной оси движется история и жизнь субъекта познания. Циклическое время – время неизменных периодических процессов в природе. В первую очередь их представляют процессы календарные.

Вещественным первообразом иероглифа Птаха, на браслете охватывающего собой иероглифические знаки солнечные, пособия по египтологии называют фитиль светильника (рис. 5.40). На поверхность браслета нанесены только две петли иероглифа, видоизменённого в орнамент вокруг знаков «Ра». Петлей головной иероглифа (рис. 5.40) является сам браслет. В отношении своеобразного сходства с изображениями иероглифов Птаха и Ра на браслете находится четверостишие А.С. Пушкина из подражаний Корану (V).

*Зажёг Ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лён, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.*

Предметы из глиняного кувшина обнаруживают, как уже сказано, представление людей, вложивших изделия в захоронение, о связи между верховным тайным пространством вечности и миром земным. Суждение о том, каково это представление, возникает из выступления овала самого браслета в роли верхней петли иероглифа, недостающей в орнаменте на его же поверхности. Трёхмерность, явно иная качественная определённости браслета в его роли недостающей петли нарисованного орнамента, выражает вывод предшественников о другой мерности и связности пространства, обуславливающего согласный ход вещей.

Полная форма иероглифа в виде сдвоенного фитилька, что «в лампадном светит хрустале» (рис. 5.40) напоминает и о некоем подобном маяку сигнале, напеве верховного эфира. Помещённая же на поверхность браслета часть изображения связана с метрикой приёмника этого сигнала. Приёмником сигнала является, как и в идеограмме серёжки-рокуры, субъект познания. Существо сигнала и заданные функции его получателя раскрывает мифология Древнего Египта, сосредоточенная на ежесуточном ночном движении светила в египетской преисподней – Дуате и поражении там сил зла богом Ра и его свитой. К ней должен был присоединиться оставивший праведное земное служение. Миф является также каналом связи между источником и приёмником сигнала. Образы и отношения мифа соединяют стратегические цели существования двух субъектов познания: человека и его царства, подобно связывающей прутья бечёвке из сказки об отцовском завете сыновьям.

Смысловая ёмкость образа бечёвки, использованного жрецами при создании буквенного знака с еле слышным звучанием дыхания, очень велика. В аллегорию бечёвки легко переоформляются концепция, идея, партитура, подрядные отношения, система управления... Подобно бечёвке, в понимании Гераклита, связывает мир в единое целое логос⁷⁰ – вечный и общий вещам и их непреложному порядку. У Платона, творившего почти веком позже, пребывающее сопрягают, охватывая, умопостигаемые идеи – числа.

Скатанная в клубочек бечёвка ведёт за собой героя в русской сказке. Бечёвке можно уподобить абстракцию как общий признак разных элементов, определяющий их принадлежность к одному множеству, связывающий воедино многочисленное разрозненное видом. Общий признак, например, присущ всем тянущим сказочную репку. Или всем пишущим ответ турецкому султану на картине И.Е. Репина. Один и тот же потенциал миротворческой активности как признак принадлежности обозначен выражением аварага Мухаммата «жители моего дома»... В виде корнеслова общий признак сопрягает слова, иногда врозь обращённые своими значениями, как врозь обращены витки бечёвки-иероглифа бога Птаха, создавшего мир словом.

Если говорить о форме самого буквенного символа (рис. 5.40), обозначающего звук дыхания, то две его смежные ветви указывают не только на вдох и

⁷⁰ Понятие и лексическая единица «логос» выражает представления о началообразовании, о непреложном, и производно от смысла «положить».

Рис. 5.41. Глава триады богов Мемфиса Птах. Государственный Эрмитаж.

выдох, но и на соответствие, как слова, так и образа с тем, что они обозначают. Перевитым кончикам бечёвки подобны взаимосвязь источника и приёмника сигнала, парность в живом (рис. 5.48), двойное смысловое содержание притчи, мифа и сказки. Знак сдвоенной бечёвки и в своём значении сдваивается. Он как обозначает производимое только дыханием звучание, так и указывает на образ живущего в каждом дыхании бога Птаха (рис. 5.41). Повторим также, что орнаментировка браслета связана с двумя верховными божествами Древнего Египта: творцом вселенной Птахом (охватывающий орнамент) и мироправителем Ра (охватываемые круглые солнечные иероглифы египетского иероглифического письма, способные обозначать и время). В теогонии столицы империи Тебена (Фивы, Уасет, Нэ) Птах и Ра – манифестации, проявления, «покрывала формы» Амона, по природе незримого.⁷¹ Это один из примеров указания на Проявляющееся, на Единого, обретающего проявления в покрывалах многих форм.

Обрамляемые петлями бечёвки солнечные иероглифы «Ра» на краях браслета окружены шестью продолговатыми лепестками (рис. 5.37, 5.39). Лепесток по форме однотипен с иероглифом, обозначающим рот. Ведь космогоническое слово Птаха излетело из его божественных уст.

И цветок, получившийся из двух иероглифов разной формы, и обрамляющий его третий иероглиф в форме бечёвки, визуализируют статус ментального в основе творения⁷². Сочетание знаков способно работать в статусе аллегории озарения и понимания на его высокой ступени умения распорядиться многими данными, проникнуть в их суть, увидеть за ними закономерность. Цветочек, образовавшийся в первобытной тьме, может означать приведение Птахом к одному виду многих сигналов, озаривших вспышкой мысли его сердце. В представлении египтян могущество и работа владык покоились на обладании ими такой силой, как понимание тайного для прочих, неизречённой истины. Цветок, между тем, – аллегория и движущей силы очарования, любви.

*До поры, как любовь не явила дыханье своё,
В бездне небытия не могло засиять бытие.
Но счастливцев великий в своей непостижной отчизне
Захотел бытия. И завесы раздвинул он жизни.*⁷³

Итак, цветком гравировки на браслете может быть отображено, во-первых, – понимание общей существенности данных, разметававшихся «в наружном беспорядке», распознавание в этом разрозненном общей меры. Меры, отличной от вещей и отношений отдельных, разных видов: когда разновидности не означают

⁷¹ Ряд из цветочка, перекрестия бечёвки и иероглифа Ра ассоциируется, помимо Солнца, с такими астрономическими объектами, как звезда Исида Септ (ныне Сириус) и созвездие Осириса Сах (ныне Орион, рис. 5.33).

⁷² В Бахавадгите в качестве персонификаций обозначенного гравировкой браслета места ментального в миротворческой активности можно рассматривать хранителя мироздания Вишну, возникшего Кришну и царевича-лучника Арджуну. В главе о числе «Три» говорилось, что бог Птах соединил ненаблюдаемый интеллектуальный принцип творения словом с чувственно доступной формой физического основания, став первохолмом Татенен. Эта стоянка божественного присутствия и постоянства являет разум основанием общего блага. Сравни начало Пс. 103: «во исповедание и велелепоту облелся еси».

⁷³ Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Речь первая – о сотворении человека.

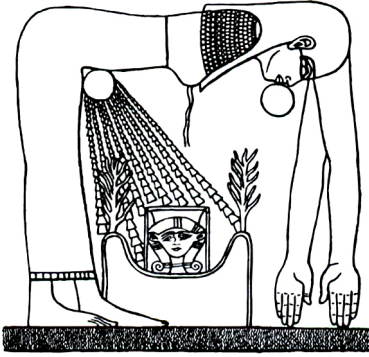

Рис. 5.42. Богиня неба Нут поглощает вечернее Солнце и рождает утреннее, которое парит над «знаком горизонта» – иероглифом, изображающим долину Нила между восточными и западными горами, и освещает символическое изображение храма Хатхор в Дендера. Прорисовка рельефа из «очистительной часовни» в Дендера, столице VI нома. I век до н.э. Рис. 5.42 и 5.43 – из книги И.В. Рака «Египетская мифология».

различия. Во-вторых, важна способность найти образную аналогию меры принадлежности многого единому, чтобы донести до других понятие отсутствие различия в разнovidном. Точнее содержание второй части процесса передаётся словом «воображение».

Более поздний, нежели цветок на браслете, поэтический портрет составляющих аналитического аппарата: силы внимания и воображения, приносящих догадку и понимание истины, – третья сестрица сказки А.С. Пушкина о царе Салтане, родившая царю богатыря⁷⁴. Сила внимания, ясность мысли и воображение – инструменты вещего Бояна в «Слове о полку Игореве». Боян творит образы и отношения песни, охватывая взором всю многоратную, «многолепестковую» мироколицу.

Назовём ещё одно пересечение с символами браслета. Подобием им представляется настоящее имя суфия Шамсуддина-и-Табриза – Хэйт. В буквальном переводе основа «шамс» имени Шамсуддин означает Солнце⁷⁵. Значение же имени Хэйт – «нить», «шнурок». Имя друга и вдохновителя Руми суфия Шамса Табризи ассоциируется также с паутиной и мельчайшими частицами (точки на браслете), которые кажутся танцующими в лучах Солнца⁷⁶.

Иероглиф вечно живого огня в виде окружности с точкой в её центре (он же иероглиф времени) и сам по себе, без ожерелья из лепестков, имеет замечательное математическое содержание. Как инвариант Солнца в представлении египтян олицетворял единое неизменное начало неисчерпаемого изобилия, так и строение иероглифа может служить иллюстрацией инверсии точки в бесконечность и наоборот, бесконечности в точку.

Рис. 5.43. Стражи вторых врат Дуата. Прорисовка росписи из гробницы царицы Нефертари в долине цариц. XIX династия, 1306 ... 1186 годы до н.э.

⁷⁴ В образе третьей сестры легко узнать написанное немногим ранее о египетском генезисе философии. Образ охватывает побудительные мотивы и самого автора сказки.

⁷⁵ Шамаш – имя солнечного божества Южного Двуречья.

⁷⁶ Идрис Шах. Суфии. Стр. 210. Локид-Пресс. 2001.

Ряд иероглифов Ра вдоль браслета в сочетании с формой самого изделия напоминают такой древнейший «сущностный чертёж» мировидения египтян, как представление о ежесуточном поглощении и рождении Солнца богиней неба Нут. Богиня в её канонических изображениях стоит, опираясь на ноги и руки (рис. 5.42). Подобно устанавливается и браслет с квадратным проёмом. В гробнице царя Рамсеса VI (Новое царство, XX династия, около 1135 года до н.э.) на теле Нут – двенадцать изображений солнечного диска. Солнечных иероглифов «Ра» на браслете – шесть (рис. 5.39). Но если обходить их по перекрещивающейся бечеве орнамента, то встречаются они двенадцать раз. По разу на каждый час ночного путешествия великого божества Ра в Дуате, в котором им и его свитой поражаются силы кознодейные и возрождается сила мирозидательная.

Строение колосовидного орнамента торцев браслета, образующих его квадратный проём, подобно строению растения у врат царства мёртвых (рис. 5.43) Древнего Египта. Орнамент обрамления проёма ориентирован в одном направлении относительно «обхода» контура всего священного сагадинского опястья. В узкой серединной части браслета его орнамент состоит из двух встречных регистров треугольников, симметричных относительно продольной оси браслета.

В регистре, который отчётливо различим, треугольников пять.

Рис. 5.44. Иероглифы «Анх» потоками окружают умершего в сцене его воскрешения. На груди праведного иероглиф «иб», «сердце». Фрагмент росписи небанха (гроба) жреца храма Амона Аменемоп. XX династия, 1186 ... 1070 годы до н. э. Лувр. Париж.

Особенность формы браслета состоит также в том, что его развёртка (рис. 5.39) совпадает с очертанием перекладины иероглифа «Анх» (рис. 5.1, 5.44). В рисуночном письме Древнего Египта иероглиф «Анх» принадлежит к знакам особой важности. В доктрине жрецов Мемфиса, столицы Старого царства, создание верховным богом Птахом (рис. 4.12; 5.41) иероглифа «Анх» предварило появление творческой силы всех других богов. Параллель мемфисскому описанию того, без чего невозможно строительство жизни, существует в доктрине другого египетского теологического центра, Иуну (грецизированное название Гелиополь). В мифе Иуну первое божество во вселенной вос-

существовало в результате первой вибрации мысли. Иероглиф «Анх», выражающий значение для миротворческой активности силы внимания (первозданно «Анх» тоже бечёвочный) истолковывается чаще всего словом «жизнь». Примечательно, что у зороастрийцев священным главой всей одежды считается пояс.

Остановимся ещё на одном, на невидном, как улетевшие грачи, но существующем и существенном соотношении, связанном с медным кованым браслетом из гладкого глиняного кувшина (горшок – *шегI*; горшечник – *шегIмос*⁷⁷) на террасном горском поле (*байдан*). Соотношение проявляется в том, что в соответствие символам первосил на браслете ставятся образы «свет» и «твердь» строф о сотворении мира книги «Бытие». Разновидности образов снова не означают различия в ими обозначаемом. Первичными при этом оказываются выгравированные на меди египетские обозначения верховных сил миросложения.

Сюжетные образы «свет» и «твердь» – смысловая аналогия первоначальной символики Птаха и Ра (рис. 5.37, 5.39 и 5.40) в украшении браслета. Монотеизм Мусы использует египетскую доктрину, меняя её покровы, переливая формы отображения представлений о первоначальных сущностях. Образ «свет» служит переиначенной аллегорией такого действующего начала бога Птаха, как его чудотворное слово. В суфийской притче светом назван один из путей, которым душа попадает в тело. На современном языке аллегорию «свет» можно назвать описанием параметра информационного потока, определяющего горизонт познания и общественное служение личности (И. 1.9). Слово – освещающая часть вечного и общего порядку вещей логоса учения Гераклита о мудром. У Низами читаем:

Все дороги – до слова. Весь путь неземной для него.

Кто всё в мире найдёт? Только слово достигнет всего.

Образ тверди мифа о сотворении мира отвечает иероглифу Ра в его значении инварианта, непреложного, в значениях времени и математического знака инверсии точки в бесконечность и наоборот. Мифологической свите бога Ра ставится в соответствие благородная рать архетипов. Архетип в учении о человеке – эталонная мера, генерирующая тип осмысленно живущей личности и превращающая разрозненное население в единый народ⁷⁸.

Применительно к человеку ли, к обществу ли, и иероглифическими символами Птаха и Ра, и сменяющими их образами света и тверди строф Мусы обозначены концептуально и заданы идеографически функции, действующие начала, что избавляют, прежде всего, от губительной скверны невежества (И.1.9). Из параграфа об идеограмме серёжек-рокураби и о рекуррентности следует, что функции, кодированные как «свет» (U_{n-2}) и «твердь» (U_{n-1}) – основообразующие слагаемые осмысленного или безотчётного поступка (U_n) и взаимодействия, возвышенно называемых деяниями веры. Информационные управляющие импульсы слагаемых системно поддерживают благую качественную определённую жизни и обеспечивают эволюцию субъекта познания. *«Хорошо народу жить за строгим царём да за доброю царицею»*⁷⁹.

⁷⁷ В языке Древнего Египта от смыслонесущей пары МС производно слово со значениями «ребёнок», «мальчик». Горшечник – порождение, «дитя» ремесла, приобщение к которому делает человека гончаром.

⁷⁸ В суфизме «твёрдость» – технический термин. Он кодирует устойчивость, обусловленную осознанием присутствия Бога, наблюдающего за человеком. В этом состоянии человеку приходит знание о самом себе и своих делах. В греческой вариации мифа о потоце люди после него возникают из камней, бросаемых через плечо Девкалионом и его супругой.

⁷⁹ Царевна – Лягушка. Сентенция старого царя, озабоченного проблемой будущего страны.

Мы подошли к самому интересному в находке на сагадинском поле. К тому, что в комментариях новейшего времени к начальным строфам из книги «Бытие» говорится, что как «твердь» переведено слово «ракиа». И что буквальное значение этого термина – «кованый браслет». Широко известно, что Бог назвал твердь небом, то есть о семантической эквивалентности этих двух внешне различных, но однокачественных реалий. Подобная «врозь обращённость» присуща иногда образам-аллегориям, указывающим на одно смысловое ядро (Коран. 2.100 (106)). Об отношениях таких выразительных форм можно говорить как об отношениях типа равенства с точностью до некоторого преобразования. Охватывающее землю небо – аллегорический образ всё подчиняющей себе истины. Охватывающий запястье руки браслет – аллегория задачи человека по претворению в жизнь императива этой истины.

Транзит наречения браслета твердью, а тверди – небом напоминает и об одной должностной обязанности наиболее квалифицированных писцов Южного Двуречья. Перед писцами ставилась задача перевоплощать в покровах внешне разных выразительных форм один и тот же смысл, содержательный план. Многообразные «иконические» пресуществления непреложного, вековечно неизменно существующего (инвариантного), делали представление о нём, о его закономерностях и смысловых линиях тока более полным. «Галереи» и «пагоды» многообразных форм с одним прообразом, «семеры ворота под одну повесть», служили и расширению окоёма, и лучшей сохранности, и маскировке знаний⁸⁰. Транзит, нами рассматриваемый, на первый взгляд странный, заканчивающийся крупной дидактической единицей «небо⁸¹», напоминает о работе месопотамских писцов. По дороге в Южное Двуречье египетский жрец верховного круга Муса бежал из своей страны за убийство должностного лица, стражника, находившегося при исполнении служебных обязанностей.

Подобно путеводному клубочку пряжи из волшебной сказки, или семерым воротам под повесть из загадки, или разным проекциям чертежа, – к пониманию ненаблюдаемого, например, природы космической стихии началообразования, нас приводили слова с одним корнесловом (НК). Подчас и они были врозь обращены своими называющими значениями, так же, как «твердь» (обозначение критериальной меры, инструмента управления пребывающим, инварианта) и «небо» (обозначение управляющего уровня). Воспользуемся программным свойством корнеслова для рассмотрения принадлежности кованого медного браслета к ряду, в котором находятся растиражированные производные аллегории «твердь» и «небо». И для исследования единства природы членов ряда.

Со слова «рокура» мы уже начали знакомство с группой слов местности, где найден клад, имеющих отношение к произведению РК в именовании «ракиа» кованого браслета. К словопроизводному гнезду РК в словесности цезов принад-

⁸⁰ *Весьма общая закономерность состоит в том, что избыточность информации повышает её помехоустойчивость. В суфизме влияние считается тем более действенным, чем многообразнее его проявления.*

⁸¹ *На латыни небо, климат, погода – caelum, а caelo означает «гравировать», «чеканить».*

лежит слово «рёка», обозначающее ключ для открывания дверей⁸². Слово «ригу», соответствует утверждению «хорошо». Смыслонесущая пара РК работает в цезских словах «рёкья» со значением «рука» и «рекьянаху» – «святой», «вещий». Общее для цезского и аварского языков существительное «ракъ» имеет значение «земля» (первоначальное вещество). В случаях, когда душа и сердце в понимании синонимичны, в речи цезов употребляется слово «ракIу»⁸³. Обозначение поясного поклона в исламском Дагестане сопрягается с именем Рукият.

Беглый взгляд на названные флористические элементы сада цезской словесности позволяет почувствовать в них важное для становления и движения человека содержание. Содержание согласуется с триадой «святых отцов» психологии: «личность – это мотив; мотив – это архетип», а также с идеограммами Платона, Константина Философа, Серафима Саровского, рокуры и с суфийской задачей развития способности к высшим формам восприятия. Восприятия общего или вечного фактора, высшего знака. Закодированным основанием задачи и планом её решения можно назвать форму, орнаментировку, технологию изготовления и наименование «`акка» браслета.

В арабском языке этого же корня РК слово «рака» означает «седьмое небо», в числе других ниспославшее Адаму опьястие в поэме Низами. Тюркское «аракы», «водка», за смысловым витком «опьянение» скрывает обозначение мистических переживаний. На них указывает образ вина в поэзии суфия и математика Омара Хайяма. В языке церковнославянском «рака» – наименование хранилища мощей святых. Название «`акка» (*гIака*) браслета в цезском языке теряет раскатистость звука Р. Звук Р, подобно сотому имени Единого Вечного, подобно скрытому различиями вида общему свойству, корнесловом кодируемому, исчезает с поверхности и заменяется фонемой, чётко различаемой цунтинцами, но в русской транслитерации обозначаемой лишь диакритическим значком.

Если говорить об основаниях наименования кованого браслета твердью, а тверди небом, о восстанавливающей порядок вещей абстракции, об эволюции, представление о которых последовательность «кованый браслет – твердь – небо» передаёт, то выражены они, например, в диалоге поселянина и царя:

*Человеку, о царь, всё даёт голубой небосвод.
Всё, чего он достоин, себе он под небом найдёт.
Государственный муж быть не крепким, не стойким
не может;
Иль под бременем тягостным до смерти он изнеможет.
Нет, не каждый живущий родился для сладостных нег
И великие тайны не каждый таит человек.*

Четырьмя строками ранее в поэме Низами «Сокровищница тайн» звучит:

*Ткань одежды Исы не на каждого ослика ляжет,
Не на каждого царь как на помощь престола укажет.*

⁸² Река в русском смысле слова тоже открывала дверь: к дальним странам.

⁸³ Нужно задуматься о свете общего чувственного впечатления от лексических форм «ракия» и «речь». Речь ясно ассоциируется функционально с орнаментом браслета: с формообразующим действием мысли и слова Птаха и со светом Ра.

Может статься, что знаком принадлежности к множеству со свойством «*помощь престола*» было, как и у Адама, сагадинское кованое опястье. С его цезским названием «`акка» (*гИака*) созвучно слово «академия».

Предельно общий характер аллегории «небо», как и небесный прообраз формы развёртки браслета – верховный знак созвездия Осириса Сах (Орион), подходит для повседневного восприятия потенциала огнива жизни, для указания на высшую силу, приводящую мир в упорядоченное движение. Но кроме уровня восприятия, довольствующегося этой обобщённой формой, существовало и восприятие посвящённых, практически более значимое и более скрытое. К этому уровню восприятия и относится, как его знак, тесно связанный с твердью принципа основания, истока и цели исходный ранний образ «кованый браслет».

Изделия из глиняного кувшина погребения в Сагаде находятся в аллегорической информационной связи с параметром миротворческой активности человека, с интеллектуальным принципом творения, с извлекающей сущность, находящей меру мыслью, с экзогенетической и геоинформационной технологией речи; с образной формой учёта и выражения знания об области определения основных жизненных функций. Это уже не уровень чувственной индикации, а уровень измерений и программирования, уровень организации системы, иерархически организованной целостности, соединяющей духовное и вещественное начала. Всё это понималось и поддерживалось средой.

Название браслета «`акка» (*гИака*) в цезской словесности позволит ещё раз отчётливо увидеть, как именем знаменуется акт явленности первообраза, причинного основания, истока. (В сказке об Аладдине и волшебном светильнике имя мальчика служит ключом к неисчерпаемым ресурсам.) Примером явления в наименовании «`акка» мощи Провидения служат глубокие и шумерские, и египетские образы и сценарии. Поэтому знание о моделируемой египетским браслетом животворящей силе обозначено в Южном Двуречье с помощью только цезского имени «`акка» (*гИака*) этого изделия. Имя вмонтировано в сценографию событий, являющих и транслирующих действие верховного владычества. В эпической поэме о Саргоне I⁸⁴ с цезским названием браслета согласно имя Акки – водоноса и садовника царя шумерского города Киша, выловившего из прибрежной заводи корзинку с младенцем. Этим младенцем и был будущий царь Саргон I. Название города, где найденный и воспитанный Акки мальчик учредил избавляющую страну от бедствий столицу – Аккад. До сих пор никто не знает места, где находился город.

Повторим, что имя царей XIX Династии Египта (1291 ... 1185 годы до н.э.), которое мы произносим как Рамсес или Рамзес, в иероглифической записи прочитывается Ра-мес-су. Функция инверсии неизменного единого в многообразии пребывающего и выражающий её знак Ра нам хорошо известны. «Мес» в языке египтян – «ребёнок, мальчик», а значение «су» можно перевести как «осока», «тростник», «камыш». Предание о жившем в эпоху Рамессидов Мусе не может не гласить, что корзинка с младенцем Мусой тоже выловлена в прибрежных тростниках Нила, кишевшего гиппопотамами и крокодилами. Так законы жанра

⁸⁴ Царь Шаррукин, правивший на стыке III и II тысячелетий до н.э., – родоначальник династии аккадского периода истории Шумера.

могут указывать на то, что Муса – ближайший кровный родственник фараона и претендент на трон, отлично это понимавший⁸⁵.

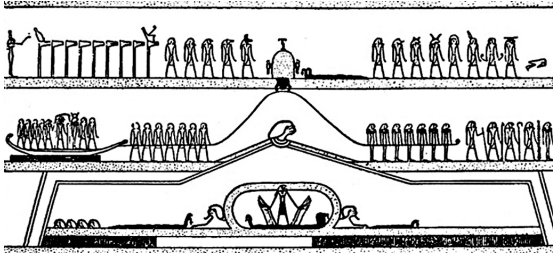

Рис. 5.45. Аллегорическая композиция пятого часа «Книги о том, что в Дуате». Треугольников в регистре браслета (рис. 5.39) тоже пять. Пятая долина Дуата – царство Сокара. Овал вокруг Сокара отображает и сам Дуат, и обитель Сокара в нём. В пятой долине начинается возрождение Солнца. В виде скарабея утреннее Солнце присоединяется к буксировочной бечеве, лесе ночной Ладьи Ра. Сокар и Акер – базовые фигуры композиции (нижний регистр).

этой глубокой долине находится сердце (цезск. *раку*) Дуата, его «святая святых». Границы священного пространства изображаются в виде подобного браслету овала (рис. 5.45). Акер – двуглавый сфинкс, охраняющий святая святых⁸⁶.

Египетское название сфинкса – шепсес-анх. Интерпретация, трактовка названия – «живой образ». Работающими образами сагадинского браслета являются бечёвка, указывающая на ваятеля вселенной Птаха, и солнечный иероглиф бога Ра, воплощающего как инверсию единого во многое, так и циклическое время природы, создающее и разнообразные формы живого. Два этих образа гравировки браслета находятся в соответствии с двумя головами сфинкса на рисунке 5.45.

В римское время совпадающее с цезским названием браслета имя Акка Ларенция носит италийская богиня, муж которой, пастух Фаустул, нашёл двух малышей, Ромула и Рема, будущих основателей Рима. Отметим ещё несколько пересечений. Предание о Ромуле и Реме чудом спасения малюток из вод Тибра повторяет уже известные нам сюжеты с богоспасаемыми колыбельками-корзинками, а корнесловом имён сопрягает их с Рамессидами. В своей «поголовной» связи с образом двуглавого сфинкса Акера сына бога Марса и весталки Реи снова

Из тростниковых околиц долины Евфрата Рамессиды перенесли нас в пойму Нила. Имя браслета «`акка», его овал с египетскими символами верховных действующих начал, орнаментировка встречными регистрами по пяти треугольников его центральной узкой части (рис. 5.39) согласуют кованный браслет и с образом персонажа из «Книги Мёртвых» Древнего Египта.

Имя Акер, ассоциирующееся с цезским названием браслета «`акка» (*гИакка*) и содержащее знакомую пару согласных, носит обитатель пятой долины подземного царства Дуата. В

⁸⁵ В случае, если ребёнок был сыном сестры, он считался законным наследником, даже не будучи первенцем.

⁸⁶ Наши изыскания по поводу охранительного медного браслета приводят к мысли и о том, что общая причинная обусловленность, один содержательный план, «аромат» проявляется через фонетическую близость лексических форм *эз* (сторожевая башня) и *ез* (медь) цезского языка. Смысл «сторожевая башня» присуц и речи. Этимологически слово «язык» непротиворечиво и ясно объясняется происхождением от цезского «эз» со значением «сторожевая башня».

напомнят нам о выгравированных на браслете знаках основообразующих функций. Имя Фаустул смертного супруга богини также говорит о сложении функций. Имя образовано произведением ФС, как множество равным произведению СФ корня слова «философия», и парой ТЛ, напоминающей о связи пастыря Фаустула с функциями неусыпного стража Тала, держателя небес Атланта и владычества, обозначаемого в шумерском эпосе о Гильгамеше словом «*etel*». А.С. Пушкин фамилией Ларина соединяет с бытописанием земли главную героиню романа «Евгений Онегин». Тройка ЛРН фамилии следует за именем Акка⁸⁷ бессмертной супруги Фаустула, приёмной матери Ромула и Рема. Вспомним о значении общего чувственного впечатления от разных объектов как меры принадлежности их к одному множеству, меры отсутствия различия при множестве разновидностей.

Суфийский мастер Джелаль эд-Дин Руми заметил в своей записной книжке: «Свет Бога не имеет в ряду Его творений контраста себе, через который он мог бы обнаружить себя для наших глаз». Но мысль человека неустанно исследует ряд творений, а с ним и Лукоморье⁸⁸ миросложения. Неведомыми дорожками перестали быть, например, такие основания, как законы, обнаруженные набожным Исааком Ньютоном и церковным старостой Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Мы же говорим большей частью о мухах, полозах и лягушках, о Колобке, о курочке Рябе, о следах невиданных зверей, о царях и витязях... Но речь тоже идёт о круге знаний и мер, о методологических основах научного предвиденья, о непреложных закономерностях, не изменяющих порядку своего правления, и о таких же устойчивых классах истин. «Сказка ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок»⁸⁹. Урок различения исповедального света. И через её врозь обращённое сопряжение небылицы и урока первоначальное вещество духа даёт силу первоначальному веществу ума и жизнь и рост первоначальному веществу земли.

Человек в горной Сагаде, какими бы «воротами» ни входил, всегда попадает «под повесть» исповедального света и «велелепоты» божественной сущности. С помощью образных и других учётных и воздействующих на чувство форм, окружающих сагадинцев и пронизывающих их быт, древним философским гением реализовано учение «скинии Бога с человеками» (Откр.21.3). Безбуквенное учение об истоке и слагаемых миропорядка, о роли человека в нём, о месте мысли и чувства. Раскрывая истину в образе, в отношениях сказки, в мере побасенки,

⁸⁷ В истории о путешествии Нильса с дикими гусями имя Акка носит предводительница гусиной стаи.

⁸⁸ В сохранившихся фрагментах текстов Гераклита рогам лука и лиры аллегорически уподобляется всё врозь обращённое, но сопряжённое в неявное единство промыслом сил творящих «не как попало, а повинясь законам единого мудрого». Скрытую природу единства обнаруживают корнеслов и сила внимания. Звезда Лука – одно из наименований Сириуса, звезды Исиды. Единоутробные Исет и Небетхет (Исида и Нефтида) сопряжены в мифологии и образом собакоголового бога Анубиса, получившего тело от Небетхет, а дух – от Исет, его воспитавшей. Две богини представляют образующие мироздание план и обыкновение, повседневный уклад. Изображаются идущими в одном плаще на греческом сосуде в экспозиции Государственного Эрмитажа. Налицествует на сосуде и Анубис в виде огромной собаки.

⁸⁹ А.С. Пушкин. «Сказка о золотом петушке».

былины, мифа и притчи, в верховном звёздном знаке и в знаке обряда, древняя мысль соединяла переживанием наблюдателя и ненаблюдаемое, сопрягала действие человека с высокой первоначальной духовностью, давала глубину его внутренней жизни, защищала от губительного блуждания духом. Современные объекты поклонения, такие, как «контрастная» логика, как отталкивающие правого барыш, насущное и полезное, как «миропрочтение», опутывающее человека сетью корыстных побуждений и своему уму не научающее, как «реальное мышление», напоминающее о лягушке, стеснённой в банке с молоком⁹⁰ и о птичьём дворе из сказки о гадком утёнке, не решают задачи создания такой мировоззренческой заправки. Не несут человеку и стране мировоззренческого здоровья.

Утверждением о том, что балалайку мало найти, купить или украсть закончим рассмотрение материала археологического с перебежками на берег лексики. Перейдём только на лексический берег. Сделаем это по мостику из жёрдочек строк о небытии. Небытие уже отмечено добрым словом в параграфах о боге Нергале и о серёжке-рокуре. Недвижное, непреложное и ненаблюдаемое основание «небытие», вдруг напоминающее о себе прилётом грачей, инвариантностью в пропорциях листа рябины или зачаровывающим сюжетом «Метели» А.С. Пушкина, заслуживает и эпитета «стимульное поле жизни». Не поэтому ли буддизм Тибета возвёл пустоту в ранг пьедестала мироздания?

В русской речи линии тока общего смысла могут принадлежать слова «пустота», «небытие», «мечта», «утопия». Отображение мотива небытия в святоотеческом фольклоре – пустые амбары и сусеки сказки о Колобке. Колобок появляется в результате уделённого им времени и внимания. Небытие, например, хлеба к ужину заставляет нас идти в магазин. «Процессуальным» изводом из небытия, из его асимметрии, подобной отсутствию хлеба, патронов и идеала, своего рода магазином можно назвать и лексические запасы речи. Существительное «магазин» имеет общий давний смысловой корень с арабским словом «магазин». Его значение – «история битв». Своеобразным истечением стремления к идеалу, памятником истории битв народа и подвигов солдат его жизни служит язык, названный Мартином Хайдеггером «дом бытия». К завоеваниям шумерского культурного наследственного вещества примыкает название речи на языке цезов – «мец». Существительное «мец» (речь) по звучанию и смыслу пересекается с именованием «Ме» одной из главных сил миросложения в мировидении шумеров⁹¹. Подобно приводному ремню, парому, гвоздю подковы или пуповине, шумерская сакральная сущность «Ме» соединяет небо и землю, наполняя её изобилием.

Функции «Ме», идеи, речи соприродны⁹². Речь – «*между домами*» предшественников и потомков, «горного» и «дольного». Речь обладает действием ваятеля

⁹⁰ *Я расположусь станом вокруг тебя и стесню тебя стражею наблюдательною, и воздвигну против тебя укрепления. И будешь унижен ... (Исайя. 29:3,4).*

⁹¹ *То же можно сказать об упомянутом уже египетском наименовании «меду-нетчер» иероглифического письма, означающем «язык божественный».*

⁹² *Смерть и жизнь – во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его (Притчи. 18:21). Отметим ещё раз возможность связи в истоке цезских существительных «эз» со значением «сторожевая башня», «эз» со значением «медь» и существительного «язык» русской речи.*

и регулятора миропорядка. Дерево жизни – близнец древа речи. Созвучие обозначающего речь существительного «мец» словесности цезов и наименования «Ме» шумерского судьбоносного междуцарствия указывает на то, что в ценностной системе культуры цезов судьба человека сопряжена со словами, им слышимыми и произносимыми⁹³. В Коране категория «Ме» ассоциируется с частью владений Всевышнего, представление о которой передано словом «между» эпитета «Господь небес и земли и того, что между ними» (айат 66 (65) суры 19 «Марйам»). Между ними – речь, сопрягающая физические и метафизические творческие силы.

К междуцарствию «между» относится и учение о свойствах верховной силы, огнива жизни, об основных элементах космоса, выраженное в рассматриваемых нами изобразительных формах из найденного в древнем захоронении глиняного кувшина: в серёжках-рокураби, в бусах-бухи, в браслете `акка.

*Лишь ветви изучив на древе слов,
Дойти ты не сумеешь до основ⁹⁴.*

Не бегло коснуться клавиш пересечений и сопряжений родной словесности предстоит цезским исследователям. На тропах откровений Аллаха Тааля их ждёт открытие Его Сотого Имени, предопределяющего завтра и дающего знающим возможность изменять ход жизни, служа общей пользе. Нам же остаётся фрагментарное и не очень последовательное изложение услышанного из благодатных рассказов филолога, преподавателя Сагадинской средней школы Хавы Расуловны Рамазановой.

В параграфе о слове «сахльи» мы удостоверились, что сакрализованная словесность цезов отличает телесную жизненную силу, понимая её как инверсию силы добра, как неделимый победоносный комплекс физических и духовных свойств, от силы – физического параметра. Понятие о силе как физической мере передаётся словом «къуват» (куват). Заметим дополнительно, что цезское имя «бухъ» такого условия существования многого, как Солнце, вновь заставляет думать о корнях, в том числе связанных со светом ясной мысли, славянского слова «Бог». Для написания его, как утверждается, не нашлось подходящей буквы в языческом алфавите суеверной Византии.

Если мы обратимся к сопряжённым с телесными духовным характеристикам миротворчески активной личности, то обнаружим общее для цезского и аварского языков обозначение совести словами «нич», «яхI» и «намус». Смыслонесущая пара НЧ первого слова (ср. чередование «ч» и «к» в аварском выражении глубокой признательности баркалла и лакском – барчалла) приближена к произведению НК, обозначающему и сосредоточенное размышление, и отношения началообразования, фундаментальной неподвижности. Отношения неподвижности легко иллюстрируются Полярной звездой, вокруг которой кружатся все

⁹³ В сунне совершенство языка, обуславливает совершенство сердца, а за ним и веры. Соразмерно утверждению сунны имя Хафиз – «Знающий наизусть». Далее обычно идёт пояснение: «Коран». В реальности смысловой ячейке имени Хафиз принадлежит прежде всего характеристика качества личности, когда каждый поступок – безотчётное деяние веры. Хафи, арабск. – интуиция.

⁹⁴ Абулькасим Фирдоуси (род. ок. 934 г.). Шах-наме. Вступление.

другие, как иногда мысли вокруг полюса совести. Похоже, что конфуцианская этика, относящая к тому, что делает человека человеком чувство сострадания, чувство долга и справедливости, чуткость к правде и неправде, искренность и почтительность, делит на эти составляющие объём понятия «совесть». Второе слово, совесть обозначающее, практически совпадает с категорией «Ях» египетской теории личности, приоткрывая завесу над её скрытым от египтологов значением (сравн. цезск. ах – живот и имяслов «Живот» буквы Ж в значении «жизнь»). Слово третье, «намус», близкородственно наименованию «намаз» исламского пятикратного ежедневного поклонения. Поклонения Тому, светлому имени Которого хотят посвятить каждое из дел.

Рассмотрение названий чисел в цезской словесности, доступных какому-то пониманию иноземцем, предварим небольшим ретроградным движением. Когда мы говорили о строении серёжки-рокуры, то обнаружили, что длина витка спирали рокуры зависит от его номера. Тогда же выяснилось подобие этой закономерности в смысловых слоях языка сказки. Оказалось, что образ сказки имеет разное значение в разных смысловых разрядах. Это позволяет сказке, внешне – очень далёкой от жизни небылице, быть достоверным историческим свидетельством и средством реального самоопределения, таить в себе глубокое учение о возложенных на человека задачах, о способах и средствах их решения.

Подобной смысловой разрядностью обладают и числа числообразовательной базы 0 ... 9, напоминающие перечисление элементов порядка, «что задуман был Творцом». На языке счёта числа – всем известные показатели количественной ёмкости. Но мы следуем подходу Пифагора, Платона и Шао Юна, в котором числа, по существу, открывают параметры миросложения, в частности, горнило понятий «мера», «правда», «вера», «добро».

В словесности цезов есть собственное название числа «Нуль» – «Сисен». В шумерской иносказательной терминологии созвучное с «сисен» слово «сиса» со значением «овечий пастух» применялось как эпитет царя. Наименование главы города-государства Древнего Южного Двуречья – энси. Составляющую «эн», работающую в имени великого князя Энки, переводят значением «господин». Метафору пастыря стад можно применить, интонируя тему началообразования, тему появления и гармонии круга вещей и отношений. «Программая» по уровню аллегория «Праведный пастырь» непротиворечиво ставится рядом со значениями «Архитектор», «Главный Мастер» эпитета «Муханадис» Единого Вечного – Геометра неисчерпаемого нульмерного пространства.

Число «Один» – «причальный кол», действующее начало числового поля – называется цезами «сис». Обратим внимание, что наименование потеряло морфему со значением «господин». Функцию действующего начала выполняют многие объекты, действие которых подобно свойству единицы строить и калибровать числовое поле. К собранию таких объектов принадлежит день, вызывающий вещи к существованию, и логос Гераклита, вечный, всем общий и полагающий предустановленный порядок вещам. В реестр действующих начал входят идея, ученье и догадка. Принцип действующего начала, выраженный числом «Один», являют своим служением печать пророков – авараг Мухаммат и глава суфиев

Хидр (Кизр, Хызр). Ко множеству с характеристическим признаком единицы на разных горизонтах значимости принадлежат концепция, объект и форма поклонения, архетип и традиция, возводящие разрозненное к единому; призвание и любовь к своему делу...

Существует несколько нефонетических признаков связи цезских наименований чисел «Сисен» (Ноль) и «Сис» (Один) с истоком слова «система», обозначающего иерархически организованную целостность. В пользу этой связи свидетельствует, например, общее чувственное впечатление: во-первых, – от нуля и единицы двоичной системы счисления ЭВМ, во вторых, – от символов «Инь» и «Ян» диаграммы с названием «Тайцзиту» (сравн. предельное понятие «Тайцзи» в значении «наследник престола» и в качестве истока понятий «ли» и «ци», обозначающих уровни программ и процессов в пребывающем), в-третьих – от сплошной и разомкнутой линий, образующих восемь триграмм Китая. В даосских храмах триграммы окружают диаграмму Тайцзиту с сопряжёнными премудростными сущностями «Инь» и «Ян» (рис. 5.46). Фонетически числительные «сисен» (ноль) и «сис» (один) пересекаются и со словом «число». Добавим, что начальный слог цезских числительных тот же, что в имени Сиа одного из четырёх гребцов ладьи бога Ра. Значение имени Сиа – Разум. Разум – свойство духовное.

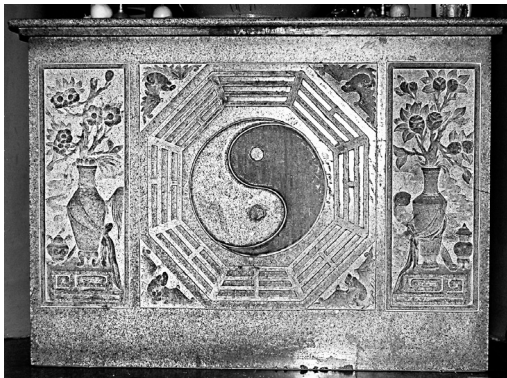

Рис. 5.46 Диаграмма Тайцзиту в окружении восьми триграмм книги Багуа на столике для даров даосского храма района Джуронг. Сингапур.

Цезское написание числительного «два» – «къано». Русская транслитерация слышимого слова «кано». Рассмотрение фонетических и других сопряжений числа «Къано» позволит нам ещё раз увидеть галерею способов отображения передаваемого числом «Два» смысла «различение».

Начнём рассмотрение с такого веского пересечения, как имя «Канопус» навигационной звезды Южного полушария небесной сферы. Пламенеющая спектром творческого пламени звезда приподнимается над горизонтом в широтах песчаных, горных и водных пустынь Египта и Шумера. Туда уводят имя Дидона месопотамской изгнанницы, затем царицы Карфагена, и второе именование цезов – дидойцы. Ныне название звезды Канопус – α Килья. До расчленения созвездия «Арго» на созвездия «Киль», «Компас», «Корма» и «Паруса» в двадцатых годах двадцатого века звезда «Канопус» называлась « α Арго»⁹⁵. Канопус примыкает к корме звёздного корабля. В процессе постройки Арго, благодаря богине Афине, в его киль был вмонтирован брус из дуба оракула Зевса в Додоне, что находился на северо-западе Греции. Курсопрокладывающий брус в киле Арго позволял кора-

⁹⁵ Так из небесного свитка Аль-Калям изъяли напоминание о способе навигации и о парном ему искусстве перевозок, отображённых барком «Арго» и понятием баракки.

блю подсказывать аргонавтам или самостоятельно избирать верное направление движения в особо сложной навигационной обстановке.

В другом сказании, в котором слышен слабый отзвук сведений о чудесном свойстве корабля «Арго», говорится, что портовый город Каноупс на восток от Александрии был назван так по имени кормчего флагманского корабля греческого флота, возвращавшегося из-под Трои. Дополняет смысл, выраженный пересечением слова «къано» с наименованием навигационной звезды «Каноупс», с контекстами мифа о корабле Арго и реминисценции на тему троянской войны, произведение КН⁹⁶ в корнеслове числительного «къано». В учении суфиев произведением КН (арабские буквы Каф и Нун) обозначается навигационный инструмент сосредоточенного размышления. Арабское слово с русской транслитерацией «канн» имеет значение «наблюдение», «рассматривание», а звукосочетание его корня служит символом сосредоточения. На пути сосредоточенного размышления, концентрации на осмыслении, например, единого истока или значения многого, совершается великая работа, находящая своё завершение в чистом предельном образе и слове, в арсенале исповедания, украшения и обыкновения. (Буквой Т тройки НКТ суфиями символизируется крепость внутреннего тайного знания о ненаблюдаемом.) Различением (сура 25 «Аль Фуркан») называется такая «лоция», как Коран. Коран и **накш** (термин подробно рассмотрен чуть далее) – покрывала формы, разнovidные выражения сыфата Аллаха «Аль-Калям», вечного и не состоящего, как и книга Багуа Китая (Cinae), из букв, звуков или слов.

Подытожим сказанное о числе «Къано», вспомнив о рекуррентной формуле $U_n = U_{n-1} + U_{n-2}$. Число «Къано» (U_n) можно назвать выразительной формой действия того первоизданного основания, что задано совместно принципом неподвижности, неизменности и всеобщности (U_{n-2} ; число – «Сисен») и принципом действующего начала (U_{n-1} ; число – «Сис») ⁹⁷. Этой выразительной форме (то есть Къано, U_n) соответствует однотипные понятия «различение» и «осмысление». Осмысление, как и начало совести (*нич*), – основание поступка и поведения. Поступок и поведение так же, как одежда и такой генетический маркер, как внешнее сходство, воспринимаются уже глазами других. Такое отражение в восприятии другими в египетской теории личности выразилось категорией с названием «Ка», пересекающимся с «къано», «какой» и «сказка».

Заклучим этюд о трёх числительных прочтением известного евангельского эпизода, последовав, во-первых, перенятой от Платона и Шао Юна смысловой разрядности чисел и, во-вторых, перенятому от Гераклита и от иероглифа Птаха (рис. 5.40) образу врозь обращённого сопряжения. Эпизод гласит об уничтожении мужской части населения хлебного городка в возрасте до двух лет по приказанию

⁹⁶ Как математическое множество пара корнеслова НК равна произведению (паре) КН. В среде филологов царит единомыслие по поводу того, что слова «начало» (сравн. «нич») и «конец» оба производны от корня НК, которому принадлежит и имя Каин первенца Адама и Евы.

⁹⁷ В православии в статусе понятия о принципе основания работает образ Покрова Богоматери (U_n). Слагаемому началообразованию (U_{n-2}) соответствуют нити основы ткани. Образ действующего начала, связанного, прежде всего, с работой человеческой мысли – утók ткани (U_{n-1}).

царя Ирода. Задача истребления чего скрыта за легко запоминающейся драматургией – раскрывает числовой код «два». Эпизодом истребления младенцев намечена цель уничтожения такого системного потенциала, такого семени меры, как различительная, распознавательная платформа мышления. Основание это только что с помощью чисел и образов обозначено. Оно не позволяет накинуть узду, направляющую к заблуждению (Ис. 30:28). Повторим, что без различения главного жизнь человека ли, субъекта ли познания более масштабного, делается подобной жизни слепого осла, безропотно вращающего водоподъёмное устройство оросительной системы или жёрнов мельницы своего хозяина.

Продолжим наше укрепляющее лексическое странствие. С цезским и аварским обозначением воздуха «гъава» (хава) совмещается кораническое имя Евы Хава. Созвучие слов и явленность в Хаве оставшегося с Адамом осколка рая указывает на подобное раю и воздуху значение мудрости в понимании цезов. Убедимся в этом смысловом сочетании. Пересечение с фонетическим обозначением воздуха различимо в слове «хъаба» ((к+х')+аба). Его значение – «чёрный». Пересечение осмысливается из отображения Божественной премудрости цветом штандарта Пророка, который был чёрным, имел бахрому и именовался Орёл. Ещё раньше тёмным и даже чёрным богом назывался благодатный озаритель земли Осирис. По аналогии с колористическим признаком Осириса царь Среднего царства Египта Ментухотеп II (XI династия, 2100 ... 1998 годы до н.э.) изображён на скульптурном портрете, хранящемся в Египетском музее Каира, с чёрным цветом кожи (рис. 5.47). Из чёрного базальта изготовлены головы бюстов римских императоров I века Веспасиана Флавия (69 ... 79 годы царствования) и Тита Флавия (79 ... 81 г.г.). Они представлены в экспозиции зала 131 Государственного Эрмитажа. Чёрную бычью кровь глотают львы аллегорического изображения на щите Ахилла.

Рис. 5.47. Ментухотеп II. Среднее царство. XI Династия. Статуя из храма царя в Дейр эль-Бахри.

Так же, «хъаба», пишется слово, обозначающее вазочку. Его произношение чуть мягче, чем слова в значении «чёрный». В небытовом смысловом разряде вазочка становится чашей. Одна из жемчужин нити образных представлений о премудрости – чаша легендарного персидского царя Джемшида, которая отражает в себе мир. Персия, в её состав входил Азербайджан, – соседняя с Дагестаном страна. От чаши Джемшида линия тока тянется к образу чаши Грааля и глобусу Воюнда (Летучий, не знающая преград сущность) в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова.

С премудростью цезской словесностью связывается также положение и обязанности человека в сообществе. К гнезду того же корнеслова, что слова со значениями «мудрость» и «чёрный» принадлежит и русская транслитерация цезского именованья главы рода – абах (см. подпись к рисунку 5.40). Если мы добавим к наименованию египетское слово «Ка», обозначающее как напоминание, так и восприятие в глазах других, то перед нами предстанет такой священный объект, как задрапированная чёрной тканью Кааба.

В один смысловой ряд с названием «абах» старейшины цезского рода непротворечно ставятся звание Г'Аббэ (глава братства), драматичное воззвание Исы к Отцу «авва», принадлежащее древнему арамейскому языку, и почётная часть названия «Аве Мария» многих мелодических шедевров. Уже сказано, что последний звук слова «абах» хоть и обозначен буквой «х», но модулируется только коротким выдохом, как и в имени «Птах». Имя Птаха часто и записывается без

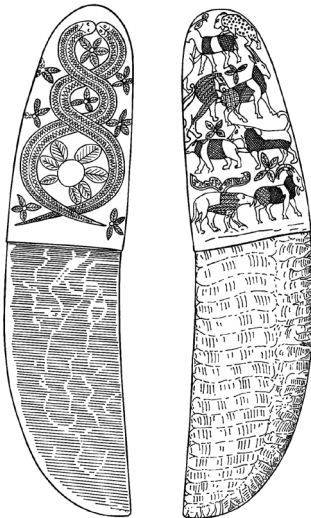

Рис. 5.48. Две парадигмы: 1 – гармонии мудрости и понимания; 2 – преобладания в образах сторон золотой рукоятки кремнёвого ножа Додинастического периода истории Древнего Египта.

буквы «х». Если записать так же название главы рода у цезов, то оно совпадёт с формой записи «аба» названия египетского царского скипетра и символа власти. В гробнице Тутанхамона скипетр «аба» входит в комплект с тройной плетью и с крюковидным пастырским символом, но не изображён в руках царя. Скипетр «аба» представляет собой тонкий стержень, завершаемый цветоложем лотоса. К цветоложу примыкает тело вращения, с высотой уменьшающееся в диаметре, но не так быстро, как основания эрета и кутту. Подобного характера поверхность ныне носит название поверхности Н.И. Лобачевского.

Окинем бегло взором некоторые лексические пересечения цезского и русского языков. Родственно славянским словам «взор», «озирать» и «узор» название глаза – «озур» в речи цезов (дидойцев) Дагестана. Изображение обнимающего мироколицу ока входит в древнейшую форму иероглифической записи имени бога Осириса (Озирис). Все прочитывающиеся созвучно имена великого египетского царя и божества Осириса построены по существу на тех же, что «озур»

(глаз), смыслоносущих согласных СР (ЗР).

Наименование приводящего мир в движение дня, «гъуди», созвучно словам «год» и «ход». Созвучию, заставляющему думать об одной задающей функции, об одном потенциале, вторит и слово «хотЮ» (хот'о, нога). Фонетическое обозначение тёмного времени суток, ночи, в корневой части слова почти одинаково с русским: «нешохІ» (неш+(о+э)+х). Со словами русского языка созвучны слова «лѹч» (лук в значении оружия) и «мáчІа» (меч). Это может говорить не только о заимствовании или о производственной кооперации, но и о древнем братстве по оружию. Слово «юрга» (скакун) – такое же по звучанию и значению, как в башкирском языке.

Черный скакун «Кара юрга» в башкирской народной песне подразумевает и Провидение, несущее человека подобно могучему коню. Башкирский Кара юрга – родственник крылатому информационной природы Пегасу и коням колесниц Гелиоса и Аполлона. Кони отображают, как и донские жеребцы сказки о царе Салтане, представления о действии основообразующих космогонических функций.

Замечательным сакрально родственным сочетанием являются славянские слова «рождение», «рожь», «урожай» и цезское название «рожи» самого слова. Окормляющее значение слова, скульптора и пастыря пребывающего, правит уже в космогонии столицы Старого царства Египта Мемфиса, где мир рождается от выразившего мысль слова бога Птаха. Подход жрецов Мемфиса к значению слова повторяют Евангелие от Иоанна и Коран, где слово Аллаха тоже является созидющим и упорядочивающим фактором:

*В час, как начал надзвёздный свои начертанья калам,
С первой буквы о слове он начал рассказывать нам.
В час, как с тайны предвечной упали тумана покровы,
Стало первым явленьем – сиянье великого слова.⁹⁸*

Наступил момент возвратиться к имени Увотт-`кким древней заставы на скале над местом слияния рек Алазани и Митлюды. К значению «голова» второй его части. Со словом «`кким» произведением КМ своих согласных совпадёт реликтовое додинастическое египетское имя Кем-атеф. В сказаниях Нового царства Древнего Египта о рождении жизни на земле, прежде всего, предвечно, существовал великий змей по имени Кем-атеф. Его сын, полоз Ир-та, создал по завету отца всё, что пребывает. Два перевитых полоза на поле с цветами, похожие на обрамление браслета и цветок в нём, выгравированы на археологическом материале додинастического Древнего Египта (рис. 5.48). Полозы золотой рукоятки кремнёвого ножа хорошо сочетаются с образами Пракрити и Пуруши брахманской философской школы санхьи, а также с термином Гераклита «врозь обращённое сопряжение». Додинастические полозы, олицетворяющие предвечно программное непреложное, скорее, чем фитиль светильника, могут быть первообразом

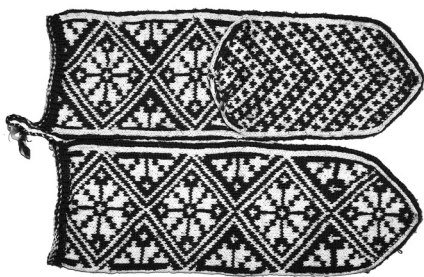

Рис. 5.49. Видоизменение иероглифа рис. 5.40 и орнаментов браслета (рис. 5.39) и рукоятки ножа (рис. 5.48) на циндайби, традиционной обуви сагадинцев. Рукоделие Рукият Омаровой. 2008 год.

началообразующего иероглифа бога Птаха, (рис. 5.40). Юноша-полоз, ставший царём – главный герой дагестанской волшебной сказки Сад-Эскендер. Имя его возлюбленной Тават-ханум несёт ту же симметричную тройку смысловесущих согласных, что и имя Тевт египетского бога мудрости.

Аналогия с древним наследственным веществом отчётлива и в сагадинском обычае (адат). Проследим её на примере свадебного обряда. Изложим кратко его последовательность. Вначале старейшие представители семьи юноши сватают

⁹⁸ Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Речь о превосходстве слова.

девушку у родителей. За сватовством следует отдельная церемония, где наречённые женихом и невестой обмениваются подарками. Ещё позже назначается день свадьбы. Сам же ход свадьбы начинается посол со стороны невесты к друзьям и родственникам жениха. Ходанаку (пригласитель) извещает их о том, что невесту разрешается забрать в дом жениха.

Извещение начинается выстрелом ходанаку из винтовки или ружья в воздух во дворе дома жениха. Этот знак прибытия, умножаемый раскатыстым эхом гор, медленно утихающим, безусловно обязателен. Ходанаку приносит подарок, приглашается в дом и после обильного угощения возвращается с подарками себе и невесте в её дом. После ухода ходанаку друзья и родственники жениха, мужчины и женщины идут за невестой. Жених это время проводит дома, предаваясь трапезе и беседе со своим ближайшим другом.

В подарок ходанаку (пригласителю) обычно преподносится рубашка или высокие шерстяные носки (циндайб́и, один носок – цинда́й) ручной вязки (рис. 5.49). Невесте с ходанаку может быть отослан отрез ткани для платья. Такой подарок ходанаку, как циндайби, привлекает внимание и искусством женского рукоделия, и тем, что его орнамент по существу повторяет орнаментировку браслета. Только место солнечного круга и знака времени заняла восьмиконечная звезда знака Висмиллах. Его значение – во славу Аллаха. Знак Висмиллах, украшая циндайби, обязывает, как и в Древнем Египте, чтобы каждый шаг человека служил деяниям веры. Мумию в подобии циндайби можно видеть в египетской экспозиции Лувра (рис. 5.50)

Взглянув на фото горного селения (рис. 5.18) легко вообразить его улицу. Подход к дому невесты встречает представителей жениха препятствием, обложенным досками, хворостом, сухим можжевельником и сеном, готовыми мгновенно вспыхнуть. Стоящую за легковоспламеняющимся заграждением молодёжь возглавляет старейшая родственница невесты. Прибывшие приветствуют сторону невесты: *«Асаламу Галайкум, родственники нашей невесты-царицы. Мы пришли за нашим сокровищем-царицей. Так что, вы нам по-хорошему её отдадите или её придётся забирать силой?»* Родственница невесты отвечает прибывшим: *«Ва Галайкум салам, родня и друзья нашего жениха. Мы засватали и венчали нашу царицу за вашего сына. Но мы не знаем, кто он такой, кто его родители и каков его тухум (род), из каких людей он состоит. Джигиты ли они или текстильщики, стрелки ли они, не домашние ли они очаговые сиделки? Мы выдаём нашу невесту лишь за джигита, за мужчину, который может защищать нашу дочку и её родню, стреляя хорошо и хорошо владея кинжалом в руках. Покажите нам, на что способен тухум жениха. Вот вам маихала и яйцо на её вершине. Стреляйте,*

Рис. 5.50. Циндайби – прообраз покрывала голени и стоп мумифицированного тела. Экспозиция Египта. Лувр. Париж.

если есть среди вас джигиты, стрелки, настоящие мужчины. Вы попадаете в яйцо – мы отдаём вам нашу дочь без всяких споров».

Укреплённую в земле высокую вертикальную мачту, машхалу, начинают беспорядочно раскачивать в разных направлениях подружки невесты. Стрелять пулей в пустое куриное яйцо, древнейший карпогонический символ на хаотично колеблющемся высоком шесте, должны ближайшие родственники жениха. Задача, стоящая перед ними, сопоставима с задачей Пенелопы. Царица, как известно, требует, чтобы стрела из лука Одиссея пролетела сквозь двенадцать соразмерных ей колец, не задев ни одного из них. Сложности задачи стрелка можно уподобить и известный по сказке экзамен принцессы, которая должна почувствовать горошину сквозь гору тюфячков и перинок. По мнению исследователей, на столбе закреплялась и яйцевидная голова из колкой глины, найденная в Египте в 1982 году германскими археологами (рис. 5.51). Они датируют изделие концом V тысячелетия до н.э.

Этот 'адат (обычай; сравн. арабск. адаб – этика, адабиёт – литература) с названием «машхала» в своём предметном выражении ассоциируется с церемониями возведения на царство Индии и Египта, с которыми вполне допустимо соотносить и свадьбу. Воздвижение столба, телескопического в Египте (рис. 2.6, 2.7), было кульминацией государственных церемоний в Индии. Заставный слог «маш» названия «машхала» представляется унаследованным от названия гор Машу, являющихся границей качественной определённости между двумя мирами в шумерском эпосе о Гильгамеше⁹⁹. Задача попадания пулей в беспорядочно движущееся яйцо по существу является испытанием рода жениха и на обладание божественным даром бараки, помогающим преодолевать эту границу.

Понимание бараки как дара, а не приобретения, позволяет выразить представление о ней обозначающим дар словом «хал», вторым в названии «машхала». Тайная сила бараки удивительна. Она недоступна ни обычным мыслительным процессам приобретения знания, ни корыстным побуждениям. Её могут носить и передавать и люди, и вещи, а проникает она лишь в чистый «дом». Верховная ставка бараки находится в тех же сокровенных пределах, что Лукоморье А.С. Пушкина. След представления о силовом поле бараки в повседневности – существительное татарской речи «бэрэкэт» со значениями «обилие», «выгода», «польза», «результат», «ценность». В поражающем воображении значении междометия

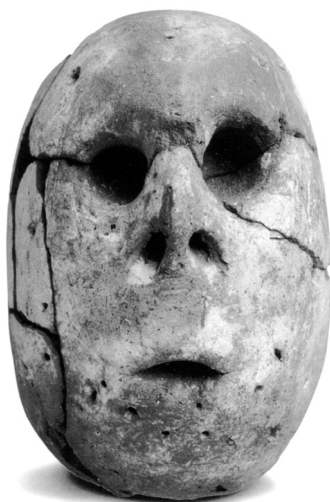

Рис. 5.51. Мужская голова. Глина. Высота 10,3 см. Диаметр 6,7 см. Египетский музей. Каир.

⁹⁹ Созвучный наименованию «машхала» иракский возглас «машалла» означает буквально «Такова воля Аллаха». Он звучит и при виде чего-то поразительно прекрасного. В зороастрийских текстах *Машийа* и *Машийане* – первая человеческая пара, выросшая «подобно высокому дереву».

«Ба!» это же слово можно видеть на вывеске парикмахерской. В Дагестане тонкая сущность бараки переоформляется в упомянутом уже благопожелании «баркалла» (барчалла), но к истинной, вѣщей природе бараки ближе именование «авараг» Пророка. Если мы, ведая о взаимозаменяемости звуков В, Б, П, звуков Г, К, Х, поменяем пристяжных в упряжке корнеслова, то тройка ВРГ слова «авараг» (про-рок) снова станет тройкой БРК слова «барака».

Освежим в памяти и немного дополним связанный с понятием «барака» об-разный ряд. Вдалеке от Дагестана, в сакральном пространстве гор Южного Ура-ла, куда из Каспия можно добраться по водам рек Северного Двуречья, то есть Волги и Урала, есть пирамидальная по форме вершина с названием «Абараш-Баш», «Голова Пророка» (рис. 3.13). Название вершины фонетически близко не только к корню слова «убрус», обозначающего расшитый полог, покрывающий иконы, но и к разновидностям «Абрахас»¹⁰⁰ и «Абрешит» исповедовавшегося в Александрии имени прародителя всего, верховного Творца. Корень БРК всей тройкой (и совместно с парой СФ) работает в имени Сивка-Бурка волшебного коня славянской сказки.

Аллегорией щедрот Всевышнего в волшебном даре бараки горят отблески декоративного великолепия художественного стиля с названием «барокко». К выразительным формам представления об интимности дара бараки в «Илиаде» относится образ драгоценной награды Ахилла – девушки по имени Брисеида. В природе и наименовании «барака» божественного надела различим отзвук инду-истского понятия «брахман». Брахман – безличное и всеобъемлющее духовное начало, из которого возникает мир и всё, что в нём находится. Брахман объекти-вируется образом трансцендентного бога ранневедийской истории.

Вернёмся к значениям обилия, выгоды, пользы, результата и ценности. О них идёт разговор царя Соломона (Шломó) и поселянина в поэме суфия Абу Мухам-меда Ильяса ибн Юсуфа Низами «Сокровищница тайн».

*Царь промолвил: «Старик! Будь разумным! Коли зѣрен не счесть,
Можно зѣрна бросать. Но твои! Ты их должен был съесть.
Для чего ж ты надумал напрасно разбрасывать зѣрна?
Предо мной быть неумным ужели тебе не зазорно?
Нет мотыги с тобой, что ж царапаешь глину весь день?
Тут ведь нет и воды, для чего же ты сеешь ячмень?
Мы бросали зерно в землю, полную влаги, и что же?
То, что мы обрели, с изобилием было несхоже.
Что же будет тебе под пылающим солнцем дано
На безводной земле, где мгновенно сгорает зерно?»
Был ответ: «Не сердись, мне не нужно обычного блага!
Что мне сила земли, что посевам желанная влага!
Что мне зной, что дожди, хоть бы длились они без конца!»*

¹⁰⁰ Имя «Абрахас» исповедовалось в Александрии и может указывать как на ключевую особенность, так и на содержание фондов Александрийской библиотеки, к этому времени уже уничтоженной. Из имени «Абрешит» утаением начальной буквы имени и алфавита получается первое слово книги «Бытие». Сравни. «Откровение»: «Аз есмь Алфа и Оме-га, ...»

Эти зёрна – мои, а питает их – воля Творца.
 Есть вода у меня: на спине моей мало ли пота?
 И мотыга со мной. Это пальцы. О чём же забота?
 Не пекусь я о царствах, мне область ничья не нужна,
 И пока я дышу, моего мне довольно зерна.
 Небеса мне мирволят, добычу мою умножая.
 Сам семьсот¹⁰¹ я беру. Я бедней не снимал урожая.
 Надо сеять зерно без мольбы у дверей сатаны,
 Чтоб такие всегда урожаи нам были даны.
 Только с должным зерном, только с небом нам следует знаться,
 Чтобы колоса завязь как должно могла завязаться.

В пространствах святоотеческих мысль о производительной силе дара бараки «обретёт язык простой и страсти голос благородный» в народной песне «Перевоз Дуня держала». При появлении милого друга Дуни, то есть обладателя вёшего дара бараки, и в тёмной калиновой роще оного берега всё становится видно, и все до того безмолвные её соловушки вдохновенно поют. Для милого не препон и перевоз без перевозчика. Живоначальные зелен луг и роща песни, к которым стремится друг Дуни, – пресуществление сада истины и картезианской формулы «*Cogito ergo sum*» (Мысль, следовательно, существую). Семантику последней уточняет афоризм: «Видеть и чувствовать – это быть; мыслить – это жить».

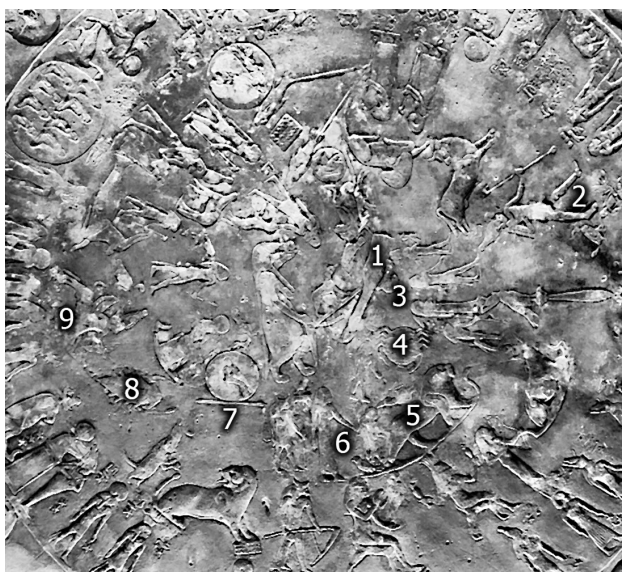

Рис. 5.52. Зодиак часовни храма Хатхор в Дендера, столице VI верхнеегипетского нома. 1. Созвездие Большая Медведица (Арктос), воспринимавшаяся египтянами сначала как Око, затем как нога копытного животного. 2. Созвездие Орион (Сах) в виде шествующего Осириса. 3. Близнецы (см. рис. 4.18). 4. Рак. 5. Лев. 6. Дева. 7. Весы. 8. Скорпион. 9. Стрелец. Лувр. Париж.

Обратим внимание на то, что имя хозяйки перевоза совпадает с именем поразительной красоты дочки стационарного зрителя Самсона Вырина. Вспомним также, что знакомое произведение ДН в имени Дуня указывает на свет замысла Всевышнего о человеке и на функцию действующего начала. Владелице перевоза Дуни соприродны царевна из сказки о Сивке-Бурке, шумерская категория «Ме», сладостная любя-

¹⁰¹ Число «Семьсот» в церковнославянской азбуке отвечает букве «Пси».

щая Ширин поэмы Низами «Хосров и Ширин»... Упоминанием песней калины, по природе кустарника, касанием помечен сказочный Калинов мост, обозначающий границу качественной определённости, – место битв героя русской сказки и враждебного его земле Чуда-юда.

В воззрении друзей Всевышнего Аллаха суфиев барака является силой, помогающей проникать в тайную суть вещей. В частности, барака проявляется в силе внимания и ясной мысли. В технике связи этой высшей форме восприятия можно уподобить работу дифференциального приёмника. Его назначение – узнавание и детектирование неслучайного сигнала среди подавляющих его помех, случайных или организованных. Подобным образом Муса в своём бытописании различает глас Божий из среды куста.

Обряд «машхалá», восприятие суфиев и пример из области техники связи помогут нам уподобить бараку условию попадания в очень узкий доверительный интервал. Интервал, выход за черту обыкновенности, моделируется весьма разными изобразительными формами. В пирамиде Хуфу – вертикаль столба «Джед», возрождающего к бесконечной жизни. Его ось, как и барака, соприродна непосредственному пониманию сути чего бы то ни было. Подобие столба «Джед» – машхала. С морфемы «дж» начинается и существительное «джигит».

В сказках представление о попадании или непопадании в узкий интервал выражено парадоксальным повелением «*встань передо мной, как лист перед травой*», сюжетами о золотом яичке и о принцессе и горошине. Выразительными формами представления о даре бараки, делающем доступным узкий доверительный интервал, являются задачи прохождения корабля Одиссея между Сциллой и Харибдой и корабля «Арго» между сталкивающимися скалами Симплегадами, развязывание Гордиева узла, равновесие сферы на острие иглы церковной маковки... Обладание даром бараки, соединяющим с недостижимым, выражено образами хождения по воде или потолку (образ мухи в сказке о репке), видения в темноте, выживания младенца в преданной воле волн корзинке, царским именем Псамметих

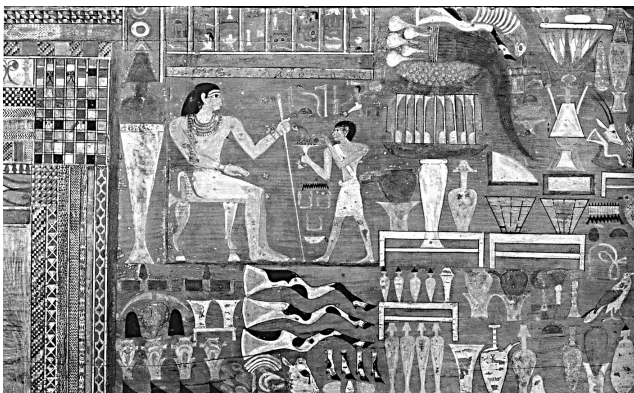

Рис. 5.53. Изображения передних ног копытных во множестве других даров. Роспись на кедровой доске погребения князя Джехутинхта. Среднее царство. XI Династия. Около 2020 года до н.э. США. Бостон. Museum of Fine Arts.

тих со значением «пересчитавший песок», аллегорией понимания языка птиц, остановки времени, всплывания монет и тому подобное. В празднестве сабантуя испытанием на обладание даром служит задача с завязанными глазами и после раскручивания на месте разбить палкой глиняный горшок. Панцирь бараки, забот народа и своего ума помогают витязю за-

воевать Деву-камень в рассказе славянской царевны. Рассказ звучит в повести *четвёртой* поэмы Низами «Семь красавиц». Можно предположить, опираясь на корнеслов, что о даре **бараки** должен свидетельствовать и **браслет**.

Нечто подобное чуду предстоит и стрелку в обряде машхалы. По традиции в награду поразившему цель, полагается сухое мясо баранины в объёме передней ноги. К нему прилагается чайник крепкого хмельного напитка с наименованием «медь». Именно тут нам необходимо вспомнить, во-первых – о манифестирующем суть значении имени, во-вторых – о благодатном приводе и регуляторе шумерской сакральной инстанции «Ме» и, в-третьих, – о том, что вином в лирике суфия Омара Хайама обозначается вершина понимания (пониманию посвящено несколько строк в параграфе об орнаменте браслета) и что вино разрешается в раю.

Передняя нога животного, участвующая в действии, равно как и жидкость в сосуде с носиком – ещё одно пересечение с египетской обрядностью. Как нога копытного животного в своё время воспринималась и изображалась нынешняя Большая Медведица (рис. 5.52). В описании Гомером щита Ахилла это созвездие – Арктос, и оно «вечно блюдёт Ориона». В зороастризме Большая медведица тоже выполняет задачу стража. Вручение стрелку передней ноги барана стороной невесты проводит параллель между его тухумом и созвездием Осириса Сах (Орион), оберегаемым Арктосом. Оно же является обязательством жены всеми силами и до последнего вдоха блюсти интересы дома и тухума мужа.

Рис. 5.54. Изображение опекающей ноги животного, «приставленной» к картушам царя Рамзеса II. Перемычка колонн храма. Тебен. Рядом стоят иероглифы со значениями жизни и долженствования.

В своё время в Древнем Египте передняя нога животного была аллегорическим слагаемым формулы вечной жизни. Она была и предметом жертвования (рис. 5.53). Египтяне твёрдо верили, что нарисованные дары, то есть обозначения, становятся реальностью, то есть обозначаемым, в иновещественном

Рис. 5.55. Преобразования египетского и сагадинского сакрального атрибута – передней ноги животного – в рог изобилия греческой росписи, изображающей Гадеса (Аид) и Персефону.

мире. Отзвук этого верования мы находим в сказке об Иване-царевиче и Сером волке. Чтобы волк явился, Иван-царевич должен вспомнить о нём. Роспись греческих сосудов обнаруживает, что передняя нога животного египетской сакральной символики и обрядности (рис. 5.52, 5.53, 5.54) стала прообразом рога изобилия, атрибута изображений богов и царей (рис. 5.55).

Изображение передней ноги травоядного животного было также знаком такой административной единицы, как второй нижеегипетский ном. Его столица примыкала к Дельте с юга и называлась по-гречески Летополь, а главным богом нома был Гор. Возможно, именно в представлении об источнике изобилия греки нашли веское основание для названия города египетского Низовья именем богини Лето – матери Артемиды и Аполлона. Лето как время года ярче, определённое всего проявляется в средних широтах. Здесь и находится родина богини Лето, которую с астрономической регулярностью посещает Аполлон на запряжённой лебедями колеснице. Может быть, греки узнали о богине и её родине от египтян? И когда-то не делали различия между Аполлоном и старшим Гором, функционально однокачественными? И персы называли Север Хорасан не по имени ли бога Хорса? Но мы отвлеклись от священнодействия свадьбы.

От самой невесты стрелок-герой, раздвинувший завесу новой фазы жизни, награждается носовым платочком ручной работы (рис. 5.56). Поиском значения пилообразных регистров в его узоре помогут образ мемфисского бога Нефертума, а также трёхбуквенный арабский корень НШР, созвучный его божественному имени. В космогонии Мемфиса сын Птаха и львиноголовой богини Сохмет Нефертум ответствен за красоту и расширенное воспроизводство в природе. Подобные освежающие функции входят в смысловой объём тройки букв арабского корня НШР. Значение одного из образованных корнем слов открывает, что пилообразные регистры вышивки платочка символизируют возобновляющиеся и распространяющиеся жизненные процессы. Им ставится в соответствие суфийская аллегория работы пилы при преодолении зарослей.

Форма пилообразного регистра платочка совпадает с начертанием египетского иероглифа со значением «вода» и звучанием «Н». Иероглифы можно видеть на рисунке 5.34. Чуть выше пары их, под правым локтем Осириса, находится треугольный иероглиф, астрономическим прообразом которого служат звёзды нулевой и первой величин созвездий Большой Пёс (Сириус), Орион (Бетельгейзе и Ригель) и три звезды пояса Ориона (рис. 5.33). Инверсия формы этого иероглифа – повторяющийся элемент кружевной обвязки платочка (платок – явлухь). Смысловой аспект иероглифа – обязательная плата с жалованного владения. В этике

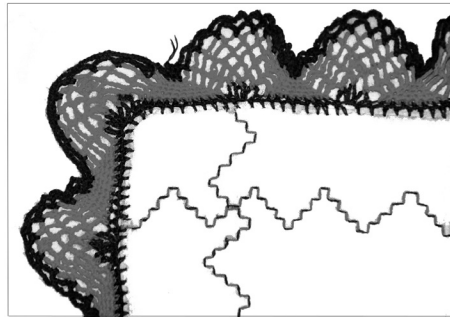

Рис. 5.56. Выражение представлений о женской и мужской метриках поля жизни в цветах и кружевом обрамлении платочка ручной работы невесты для героя торжества маихалы. Работа Рукият Омаровой.

Сагады в качестве такого рода «платы» воспринимаются обязанности, которых естественно требует от человека его положение¹⁰². Пересечением регистров из красных и синих стежков вышивки образуется свастика, древний символ истока процветания и благополучия. Говоря о красно-бело-голубой цветовой гамме платочка нужно упомянуть, что цвета тёмно-голубой и белый – это цвета мантий суфия.

Торжество преодоления совсем не шуточного препятствия в свадебном обычае сопровождается не только сакральными дарами блестящему стрелку и хвалой его роду-тухуму. Не знает границ и чувство гордости обеих сторон. В культурном безотчётном успехе в `адате машхалы соединяет силу человека и рода с соприродными вселенскими силами, благодаря которым мир приведён в упорядоченное движение, и жизнь начинает, продолжает, возобновляет, утверждает и распространяет своё существование. Одно из значений слова «хал» в суфийской терминологии – состояние всеобъемлющей восторженной радости. Порадуемся и мы моменту утверждения духа, сопряжению дхармы человека и всеобщей вселенской дхармы.¹⁰³

После того, как путь в дом невесты открыт, надо обнаружить комнату, где она находится. Другьям жениха как невесту указывают других девушек. Наполнивших дом отвлекает и накрытый стол. При следовании торжественной процессии с невестой в дом жениха её встречают старейшины тухумов (родов), предлагая своё покровительство. Конечно, полным радости и свежих сил участникам шествия ничто не угрожает. Но кто же рискнёт отказать от помощи и защиты предков на жизненном пути? В этом эпизоде-церемонии опять является напиток «медь»¹⁰⁴, подносимый уже старейшинам. С прибытием невесты и её сопровождения в дом жениха наступает время продолжительной и подвижной пиршественной части праздника. Она открывается кратким танцем невесты внутри каре столов.

Кроме словесности и обычая много интересного может поведать такая охранительная броня истории, возвышенной мысли и глубин духа предшественников, как пришедшие из древности символы и орнаменты, сопровождающие обычаи (рис. 5.56) и украшающие быт внутри жилищ. Информационную плотность иного символа можно сопоставить со сверхплотностью вещества звезды «белого карлика». Своим полем такой символ то ли «останавливает время», то ли обнаруживает его неподвижность, выражая то, что было, есть и будет всегда. Символ можно назвать записью пойманного сигнала глубин мироздания. Сигнала на все времена. Следование непреложным и некорыстным законам мироздания мы всегда имеем в виду, когда говорим, что главное – оставаться человеком. Но вернёмся к порядку в сагадинском домашнем и общественном устройстве.

¹⁰² В русской речи такое владельческое право называется лена. От него производна фамилия Ленский в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». «Жалованное владение» Ленского – поэтический дар.

¹⁰³ В скандинавской мифологии Хель – имя богини жизни и смерти. Под её сострадательным началом умершие готовятся родиться вновь.

¹⁰⁴ Сагадинское название другого напитка, тождественного русской браге – бузэ. Бузур – один из эпитетов Энки. Его значения – «Раскрывающий тайны» и «Развязывающий язык».

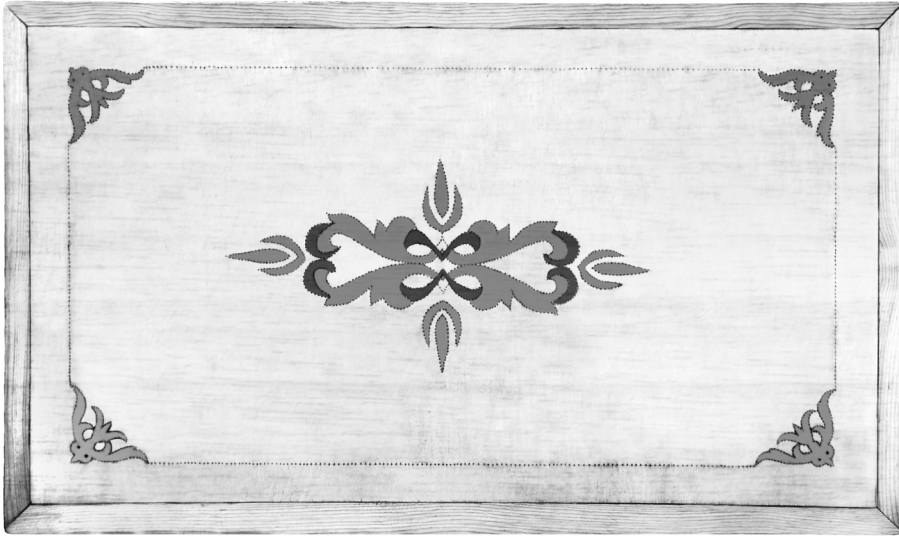

Рис. 5.57. Трёхногое крылатое божество охраняет сакральное пространство стола. Центральное символическое изображение выражает, как дыхание и пища, представление о Едином, разворачивающемся в неисчерпаемое многообразие пребывающего. Оба изображения обнаруживают знание о троичности основания мироздания.

Сакральное пространство невысокого стола для приёма пищи (название стола – истовли) охраняет наш добрый знакомый Энки (рис. 5.57). Изображения шу-мерского князя Земли Энки с человеческими, птичьими и рыбьими чертами по четырём углам, напоминают, как и на зрете (рис. 5.20), одновременно растительный орнамент и сказочный образ¹⁰⁵. В центральном орнаменте стола угадываются пропорции созвездия Сах (Орион), ассоциирующегося с центральной фигурой, идеей и силой, с верховным символом древней веры. Симметрию, присущую центральной фигуре стола, можно рассматривать как выражение мастером узора представления о благословениях неба и земли (Коран. Сура 7 «Аль А'араф» (Преграды)¹⁰⁶. Аят 94.).

Две больших колыбели Адама баюкать могли:

*В нём все помыслы неба и все помышленья земли.*¹⁰⁷

Орнаментальное изображение могут сопровождать и многочисленные ассоциации другой разрядности, выражающие принцип «под пару», «по роду его» в отношениях организованного поведения и системного синтеза. Но понижение разрядного уровня упорядоченности рассматривается наукой как нарушение симметрии, идущее во вред как чистоте и свежести жемчужин чувств, так и остроте булата ясной мысли.

¹⁰⁵ Гармонический аккорд четырёх крылатых богинь-охранительниц – распространённый приём египетского искусства.

¹⁰⁶ В.М Порохова даёт слово «Аль А'араф» «в значении высотной гряды или горной цепи, которая в День Господнего Суда станет как бы местом разделения воскрешённого люда на верных и неверных, т.е. на обитателей Рая или Ада».

¹⁰⁷ Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Речь первая – о сотворении человека.

Обращение к радушным хозяевам дома (приблизительная транслитерация обозначающего дом слова – рўтку) с вопросом о названии цветка сидений (рис. 5.58) комплектных столу табуреточек (табуретка – кўри) получает ответ: «*Это не цветок. Это накъиш, узор*». Ответ – ключевое слово и продукт школы мысли, которая веками неотделима от суфийского знания. Слово «накъиш» известно в русском языке в транслитерации «накш».

В творчестве персидских поэтов (Омар Хайям, Джелаль эд-Дин Руми...) словом «накш» переданы значения «узор», «знак», «карта», «гравировка»¹⁰⁸, «рисунок», «печать»... Понятие «накш» – смысловое основание названия «Накшбанди» одной из самых распространённых суфийских школ. Название преподносят как «Художники», но глубже смысловое значение «Посвящённые в тайны». Читатель или читательница уже догадались, что словом «накъиш» (накш) охватывается всё множество рассмотренных нами исповедальных изображений. Мы выяснили также, что накъиш примыкает к скрытому истоку видимого ряда творений и регулятору согласного хода вещей. Присущие истоку отношения неподвижности, непреложности, началообразования выражены знакомым нам произведением НК в названии «накъиш» художественной формы. Повторим, что назначение накша – концентрация и передача знания о миросложении, о его божественной природе, об эволюции человечества, об общем плане становления человека и о неизменных перспективах этого плана. Что задачей изобразительных форм, объемлемых термином «накъиш», является не столько украшение быта, сколько воспитание, становление и защита духа субъекта познания.

С точки зрения жителей Сагады действующие начала накша (накъиш) поддерживают чистоту культурной среды и совершенствуют существование человека и общины, украшая быт. На взгляд идеолога культурное наследственное вещество накша (накъиш) имеет для жизни и строительства сознания, духа значение, подобное значению волновой функции для элементарной частицы, значению кроветворного костного мозга и ферментов для жизни и строительства тела или значению веточки для листка. Трансформированное в накш учение можно уподобить молоку мифологической козы Амалфеи, которым нимфа Идея вскармливала малыша Зевса (нем. Zeus, сравн. «цезы»), укрытого в Диктенской пещере. Своего рода накшем являются печать знака на скальном склоне горы Иремель (рис. 4.7), на скальном своде класса пещеры «Колокольная» (рис. 4.8) и пирамидка творожной пасхи. Они напоминают о взаимосвязи миров, о первоначальной

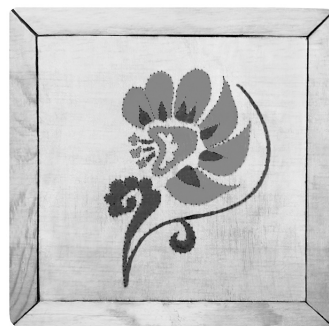

Рис. 5.58. Аленький цветочек сиденья табуреточки – символ неуловимой природы традиции. Элементы накъиша (накша) – слагаемые класса благодохновенных истин, образующих ученье и традицию, воссоздающие силы народа.

¹⁰⁸ Сравн. применительно к транзиту «кованый браслет» – «твердь» – «небо» примечание 81: лат. caelo – гравировать, чеканить, а caelum – небо, погода, климат, в том числе в отношениях. В арабском языке пара НК (накъиш) кодирует сосредоточенное размышление, а пара СЛ означает извлечение сущности.

Рис. 5.59. Атрибутированное змеем изображение бога-врачевателя Асклепия, сына Аполлона. III век. Родос. Археологический музей.

духовной пище культурного наследственного вещества и о сопричастности субъекта познания прошлому и будущему, большим временным отрезкам.

Названная наикшем форма художественная, она же традиционная учётная форма знания, решает задачи предпонимания и формирования категориального аппарата субъекта познания, не позволяет накинуть на него узды заблуждения, согласует индивидуальные мыслительные процессы и способствует организованному духовному движению сообщества. Обращает на себя внимание такая особенность, как затушёванность у наикша, в отличие от образа, отрицательного знака.

Сведения о значении наикша использованы в эпизоде из книги «Числа» (21:5 ... 9). Эпизод начинается восстанием глины на Гончара. Такого характера восстание неизбежно обуславливает появление поражающего фактора. Выкашиваемые им взроптавшие снова прибегают к стороне Гончара, и представляющий её Муса (пара согласных имени совпадает с производением их в цезском слове «шегІмос», горшечник) получает методическое указание изготовить медного змея и поместить его на знамя. И поражённый ядом (аллегория поражающего фактора), «взглянув на медного змея, оставался жив». Если бы вместо перевода применялась транслитерация терминов, то змей назывался бы «нахаш», а медь – «нехошет». Таким образом, сказочный дагестанский юноша-полоз Сад-Эскендер, ставший царём, первоначально – нахаш (сравн. англ. *snake* – змея). Однокоренной с «нахаш» и первородный накъиш, накш, – форма «исповедания и велелепоты», страхующая от падения, подобно поручню в общественном транспорте.

«Во исповедание и велелепоту облеклся еси», как известно из первородного начала псалма 103 Псалтыри, тайнодейственный Господь. «Змеящиеся» элементы содержит накъиш (накш, нахаш) на дагестанских медных сосудах для питьевой воды с медными подножиями (рис. 1.3, 5.19, 5.21). В функции, предохраняющей от смерти, медь (нехошет) появляется и в повелении о медном умывальнике на медном же подножии в главе 30 книги «Исход». Вспомним, что в речи цезов почти омонимы *ез* – медь, и *эз* – сторожевая башня. Отметим, что имя Эней легендарного троянца и предка основателей Рима созвучно с латинским *aeneus* – медный, и что греческое название меди – **chalkós**.

Связным преобразованием отображения представлений о силе наикша является атрибут-змея бога-врачевателя Асклепия (рис. 5.59). Кормящей змея (нахаш, накъиш, накш) изображается дочь Асклепия, внучка Аполлона Гигиея (рис. 5.60). Имя Гигиея производно от наименования «гигис» водяной птицы. Маршрутами перелётов птиц определялось некогда спасительное движение больших масс людей, упомянутое в главе о числе «Два». В сцеплении бытовом, с его разрядным

уровнем упорядоченности, змей Асклепия, опоясавший чашу, стал эмблемой медицины. Эмблема сохраняет след первоначального представления о спасительной силе накша. Но истолкование её – уже вне выплавляющего мысль горнила «большого сцепления» событий, мотивов, образов и слов.

С позиций науки накшиш (накш) – отображение неизменных закономерностей, часто тайных, и непрерывно возобновляющихся процессов (смена кожи змей, прилёт птиц, движение маятника...). Отображение в образной и символической форме. Соприродно накшу выражение и восприятие истины и с помощью того, что считается историческими фактами, легендами или сверхъестественными явлениями. Два сагадинские «дней минувших анекдота» появятся в этом рассказе.

За такую методологию отображения представлений об основаниях жизни и веры, что неизменно находятся как вне, так и среди прихотей дня (врозь обращённое сопряжение Гераклита), «ортодоксальные» исламские теологи считают суфиев вероотступниками, игнорирующими буквальный текст священного писания. Накш и соприродные ему формы описания стоянок божественного присутствия и постоянства не относятся к отчаянно педалируемому «миропрочтению» на основе письменности¹⁰⁹. Наклонности жрецов буквы и корысти поневоле заставляют вспомнить о царе Ироде. Они стремятся истребить все другие способы интеллектуальной, культурной и духовной навигации. Под благовидным предлогом культурного роста или чистоты веры, конечно.

Письменность сама по себе – средство, упаковка. Упаковка для самой письменности – библиотека. Инструмент письменности сохраняет плоды работы мысли, но не может заменить этой работы. Та и другая упаковка может гореть, уничтожая исторические свидетельства, или вывозиться. Последнее позволяет при желании со временем подменить авторство, как в сказке об убитом братьями Иване-царевиче.

Рис. 5.60. Исцеляющий змей (накши) Асклепия, кормящийся из чаши Гигиен. Чаша повторяет форму египетского иероглифа «Неб» со значением «владычество». III век. Родос. Археологический музей.

¹⁰⁹ Древнеиндийская теория познания, выраженная в йоге, относит знание слов к ложному. Книжная форма познания скорее стёрла границу того, например, что есть благо. Она легко позволяет до поры маскироваться, «ткать свою одежду не по своей мерке» (сравн. Быт. 27:15). «Повесть временных лет» свидетельствует, что славянские матери плакали по детям, отдаваемым в учение книжное, как по умершим. В плаче матерей угадывается осознание ими повреждения внедряемой формой сложившихся и действующих аналитических областей, предполагающих адекватную оценку происходящего. Повреждения, в их понимании, ведущего к потере контакта с реальностью, – повреждения многоочагового и несовместимого с жизнью.

Письменная традиция – далеко не первая и совсем не единственная форма познания истины глубин и высот мироздания. А родившиеся из неё буквоедство и начётничество, не имеющие никакого внутреннего источника знания – формы борьбы с умом. Омар Хайям называет такого рода «науку» – «слов пустое решето». В стихотворении «Дума» М.Ю. Лермонтов заключает: «Мы иссушили ум наукою бесплодной». Троянский конь лукавого «миропрочтения» и уловка, которой Иаков похитил благословение ослепшего родителя, предназначавшееся для первородного Исава (Быт. 27) – одностады, сотаборны. Это элементы одного множества, разновидности, но не означающие различия. Оценку вирусу «миропрочтения» и сосредоточенности лишь на коммуникативном факторе письменности даёт А.С. Пушкин в сюжетной линии о том, чем наполнила царство подмена грамот в суме перенятого гонца сказки о царе Салтане (сравн. англ. «soul» – «душа»).

Рис. 5.61. Поливной изразец знака Бисмиллах (Во славу Аллаха) с изображением Троицы. XIV век. Выставка исламского искусства. Март 2010 года. Pergamonmuseum. Берлин.

Значение неписьменных вех пути человеческого ума к просветлению как стенового хребта знания и веры подчёркнуто тем, что воспитанный на их чистых образах посланник Аллаха Таала¹¹⁰ не знал при ниспослании ему Корана письменной грамоты. Сунна¹¹¹ содержит горестное сетование аварага Мухаммата по поводу упомянутой «ортодоксальности»: «Набожные глупцы ранили меня в спину».

При взгляде на поливной изразец знака Висмиллах (Бисмиллах, во славу Аллаха) XIV века с изображением Троицы (рис. 5.61) на выставке исламского искусства в Pergamonmuseum в Берлине запрет современной исламской цензуры на изображения людей представляется заневоливающим действием грани игровой кости лукавого «миропрочтения». Обращает на себя внимание и то, что на рубеже XII и XIII веков герои немусуль-

манского прошлого несут на себе основную положительную смысловую нагрузку в поэмах мусульманина Низами. Иллюстрации к поэме Абулькасима Фирдоуси «Шах-наме» выполнены в веке XV (рис. 4.3).

¹¹⁰ Имя, которым был наречён будущий Пророк – Ахмед (Ахмат). Оно представляется видоизменением египетского имени Яхмес. Его слагаемые встречались в тексте. Лексическая единица «Ях» обозначила совесть. Существительное «мес» – дитя. Природа морфемы «ях» усматривается и в строках поэмы Низами Гянджеви «Хосров и Ширин» о герое-каменотёсе Ферхаде:

Но в госте яхонтов огни сохранены
И золото и прах для чистого равны.

¹¹¹ Сунна (араб. – путь, образец, пример) – поступки и высказывания пророка Мухаммата, зафиксированные в виде сводов хадисов. Источник сведений об угодном Аллаху поведении.

Очевидно, что выражающий исповедальные небесные черты, структурирующий и настраивающий сознание накъиш (накш) корнями уходит в культуру доисламскую. Ясно и то, что семена лоз, посеянные во времена Адама, не могут давать ничего иного, кроме вина восхваления качеств Единого Вечного. В нашем случае манифестация качеств Всевышнего – покровы красоты и предания. Накъиш и соприродные ему формы высшего знания о всеобщем входят в объём понятия «таджалли сувари» исламского богословия, означающего богоявление в покрывале формы. Это дающие предпонимание формы особого представления, толкования и употребления фундаментальных, программирующих мусульманских религиозных формул. Сияние этого очищающего, мягкого и сердечного способа поклонения, молитвенного по своей природе, видно под определённым углом, как под определённым углом падения света алмазным блеском вспыхивает в помещении зубчатая гравировка изображений на медных сосудах для воды.

Метод накша принадлежит древнейшей школе раскрытия и отображения истины, располагающей собственными испытанными способами кодирования и воздействия учения. Память о себе мудрые создатели и вероучители школы ознаменовали образом цветка на сиденье табуреточки (рис. 5.58). Особенность искусства их самовыражения – сосредоточение внимания не на себе, а на школе, возвращающей сердце в состояние покоя в вере. Обратимся к «лежащему на поверхности» в выраженном цветком алгоритме.

Примем, что стебель растения – миротворчески активный опыт. Лепестки цветка – слагаемые работы мысли. В плоде сердцевины цветка – светлица грядущего творения. Семя плода – высшее проявление веры: самоотверженный этический поступок. К их множеству относится и тот, с которого начался наш рассказ о Сагаде.

Если мы немного дополним анализ данных, которые содержит в себе изображение на сиденье табуреточки, то обнаружим в форме цветка ещё один след египетского проникновения на Кавказ. След этот выражается в подобии основообразующих линий растения табуреточки и кобры с короны египетских богов и царей (змея в цезской словесности – бикири). Греческий миф о золотом руне преобразовал стерегущую кобру с корон Древнего Египта в большого дракона, что бдительно охраняет в Колхиде шкуру золоторунного барана, за которой стремятся аргонавты. Графическое сходство, подобие начальных линий изображения на сиденье табуреточки и кобры корон обусловлены сходством их служебных свойств, их общим системным потенциалом и одним истоком образов. Защитному служению как кобры с корон Египта, так и её пресуществления, таящегося в дубовых ветвях колхидской рощи Ареса (Марса), подобно действию выраженного в накше (цезск. накъиш), учения, знания и традиции. С точки зрения строгой цеховой науки общее свойство делает цветочек с альми лепестками (рис. 5.58), змея – стража золотого руна и его прообраз – кобру корон (рис. 3.8, рис. 3.16) однокачественными элементами одного множества.

В прологе к «Родословной чисел» мы выяснили, что множество как аналитическая форма обязано своим появлением склонности мысли создавать себе удобства в работе. Например, воспринимать группу предметов, родственных по какому-либо признаку принадлежности к собранию, как один объект. Действию

такого собрания выражений народного духа, как накш, аналогично действие дхармы, понимаемой как Господни «чертёж» и вектор замысла о творении. «Чертёж» этот всегда сопровождает деятельность субъекта познания и носит, как и накш, положительный характер. (Сумму отклонений поступков от требований чертежа индуизм называет кармой.) К удобствам в работе относится и универсальный механизм работы сознания, дарованный природой и называемый чувством прекрасного и эстетикой¹¹². Он проходит по ведомству сына Птаха и Сохмет Нефертума. Две эти разновидности удобств в работе разума используются, когда общий признак, общий потенциал разных элементов вполне реального множества, к тому же бесконечного, путём связанных преобразований пресуществляется в сказочный или мифологический образ, в абстрактное понятие, в накшиш, накш.

Пример такого выражения средствами искусства представления о множестве с одним системным потенциалом его элементов – золотое руно. Образу золотого руна как прообраз соприродно сокровище наследственного культурного вещества. Всё множество форм его проявлений уподоблено одинаковым золотым шерстинкам, поскольку имеет один системный потенциал. Отчётливо египетское происхождение образа златорунного барана греческого мифа. Баран – пресуществление великого бога имперского Древнего Египта Амона (рис. 4.5; 5.12), носившего эпитеты «Единый» и «Вечный» и являвшего себя во всём благом, что ни встретит взор.

Дионисий Ареопаг использует для отображения представлений о системных потенциалах собрания сил миросложения флористический термин «благоухание». Мы же, вослед обязанностям, которых требовало некогда положение месопотамского писца, преобразовали шерстинки золотого руна в звуки песен, полных

правды и сердечной чистоты. Перейдём к песни следующей.

В украшении быта внутри жилища выделяется трудоёмкое женское рукоделие, называемое на Руси подзором. Наименование этого убранства кровати в Сагаде – бой (рис. 5.62). Когда мы рассматриваем его сетчатый орнамент, то иногда задаёмся вопросом, почему он такой. Внешний вид прикроватной занавеси неразделим с древней астрономией, с календарём и боем курантов. Группировка, ритмика боя (подзора) соединяет будничное и вечное, напоминает о том, что вечно есть, среди дел дня, представляя собой изображение

Рис. 5.62. Орнамент украшения кровати, прообразом которого служат представления об устройстве небес и способ счисления времени суток и года по движению и кульминации ночных светил. Очевиден учёт орнаментом формы священного созвездия Осириса «Сах» (Орион) и его сопряжённости со звездой Исиды.

¹¹² Одно из доказательств божественного происхождения Корана – аргумент его художественного совершенства (Коран. 2:23).

как суточного, так и годового счисления времени по звёздам. Египетскими наблюдателями время отсчитывалось по пересечению звёздами небесного меридиана. Нижняя зубчатая кромка прикроватного украшения и представляет последовательность подъёмов звёзд из-за горизонта, достижения ими высотного максимума, который в жреческом календаре и был точкой отсчёта, и нисхождений звёзд за горизонт. Началом отсчёта календаря и года был момент первого появления на утреннем горизонте звезды Сотис (гелиакический восход) после семидесятидневного пребывания Сотис-Сириуса в Дуате (рис. 5.63 ... 5.66). День Нового года в сотическом звёздном календаре Древнего Египта приходился на лето. Египтяне знали, что время восхода Сириуса (Септ) смещалось на сутки за четыре года.

Сутки в жреческом звёздном календаре делились на 36 сорокаминутных часов, а год состоял из 36 декад и пяти дней, «что над годом». Тридцать шесть шагов звёздного календаря делал и геометрический орнамент боя-подзора. Над ним плывут тринадцать лодочек-месяцев календаря лунного. Тринадцать их потому, что в древности для выравнивания хода времени в лунной и солнечной системах его счисления в календарь лунный помещался дополнительный месяц.

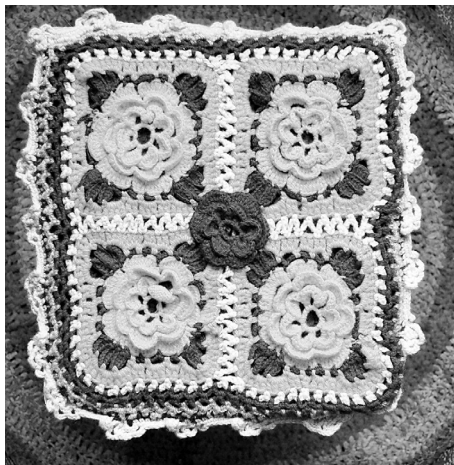

Рис. 5.64. Наки чехла подушечки-думки точно отображает и смысл зимних новогоднего и Рождественского праздников – приход тепла в оледенелый мир. Сириус, изображаемый узором, – звезда нашего зимнего небосвода.

Рис. 5.63. Древнейшие символы основ миро-сложения на вязаной домашней женской обуви. Центральное изображение – гелиакический восход звезды богини Исиды (Condēt, Септ, Сотис, Сириус). Сагада. 2008 год.

Строение орнамента по вертикали напоминает о египетском и шумерском представлении об устройстве небес. Небо виделось речной цивилизации Нила и опорой, и потоком. Представление о составе небес в соседней с Египтом шумерской речной цивилизации, так же делившей месяц звёздами на три декады, засвидетельствовано терминами «лицо неба» и «сердце неба». Сердце в суфизме – символ размышления и тайного контакта с реальностью. Иероглиф «иб» со значением «сердце» – кулон на обретающем жизнь вечную жреце Аменомпе (рис. 5.44). В виде иероглифа «иб» тысячей лет раньше выполнена палетка царя Нармера (рис. 5.23).

Рис. 5.65. Сотический узор торца дышла колесницы Тутанхамона. 1323 год до н.э. Египетский музей. Каир.

Если мы сосчитаем число шагов геометрического орнамента прикроватной занавеси сейчас, то их окажется не 36, а 33 или 27. Это изменение – след влияния на отображение древних «звездных часов» цивилизации ислама. Первообразом тридцати трёх шагов стала служить треть прекрасных имён Единого Славного. К числу тридцать три редуцируется и сумма числовых эквивалентов букв формы Мухаммед имени посланника Аллаха. Вариант двадцати семи повторений шага узора связывается как с прообразом с двадцать седьмой ночью месяца Рамазан (Ночь Могущества, Лейлат ал-кадр), в которую Пророку начал ниспосылаться Коран. Неизменность числа лодочек объясняется тем, что главное имя «Единый» Всевышнего Аллаха Тааля записывается тремя буквами, сумма числовых эквивалентов которых – 13.

След астрономических представлений и бережно хранимую орнаментом и символами память о древних основаниях веры и о священном культовом календаре запечатлевают красивые крестики, украшающие подарочную домашнюю вязаную обувь правоверных мусульманок (рис. 5.63). Крестики на обуви и её центральный узор повторяют размещение звёздочек пояса Ориона и звезды Сириус (Септ, Сотис). Звёзды пояса Ориона угадываются также в росписи покрова стоп мумии в экспозиции Лувра (рис. 5.50). Строение прямоугольного щитовидного центрального орнамента вязаных домашних тапочек позволяет говорить о приуроченности его к новогоднему торжеству по звёздному сотическому календарю.

Место и аскетичная изысканность орнамента объясняются значением главного события года – первого восхода Сотис (Сириуса) в летнее новогоднее утро. Восход звезды, за которым сразу следует появление из-за горизонта Солнца, называется гелиакическим. Построение орнамента щита обуви (рис. 5.63) ассоциируется и с небесным эталоном звезды Сотис, и с пурпуром алой зари, и с огненными конями и золотой колесницей Солнца, растворяющими свет Сириуса. Сопрягаются с закодированными в орнаменте данными и земные начала изобилия. В хозяйственном отношении гелиакический восход Сотис (Сириуса) случался окрест начала разлива Нила и знаменовал грядущую тучность пастбищ, садов и нив, предвещающая домам и стране вещественное богатство и процветание.

Мы помним, что звезда Сотис (Сопдет, Септ, Сириус) – небесный символ Иисиды, величайшей богини всей истории Древнего Египта, занимающей исключительное место в духовной родословной не одной страны. Сопряжённое с образами Иисиды и её звезды поэтическое произведение Древнего Египта «Начальное слово великой подательницы радости» начинается четверостишием:

Если мы сосчитаем число шагов геометрического орнамента прикроватной занавеси сейчас, то их окажется не 36, а 33 или 27. Это изменение – след влияния на отображение древних «звездных часов» цивилизации ислама. Первообразом тридцати трёх шагов стала служить треть прекрасных имён Единого Славного. К числу тридцать три редуцируется и сумма числовых эквивалентов букв формы Мухаммед имени посланника Аллаха. Вариант двадцати семи повторений шага узора связывается как с прообразом с двадцать седьмой ночью месяца Рамазан (Ночь Могущества, Лейлат ал-кадр), в которую Пророку начал ниспосылаться Коран. Неизменность числа лодочек объясняется тем, что главное имя «Единый» Всевышнего Аллаха Тааля записывается тремя буквами, сумма числовых эквивалентов которых – 13.

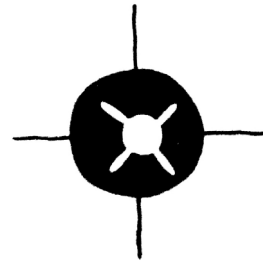

Рис. 5.66. Символическое изображение гелиакического восхода Сириуса догами. Республика Мали. Африка.

*Одна несравненная дева
Желаннее всех для меня, –
Та, что блистает под стать Новогодней звезде
В начале счастливого года.*

Подобием Сотис мыслилась не только неодолимо притягательная дева, но и хозяйка дома (жена в египетском языке – **бару**). Её шаги уподоблялись небесным шагам великой подательницы радости. Поэтические «Поучения Птахотепа» называют госпожу дома «превосходная пашня». Изобильное благополучие, благоприятный климат в отношениях знаменует каждый шаг добродетельной хозяйки горского дома. Поэтому щитовидный орнамент её домашней обуви (рис. 5.63) в символической форме отображает первый восход Сириуса после семидекадного пребывания звезды во тьме Дуата¹¹³.

То же новогоднее событие отображено узором чехла подушечки-думки (рис. 5.64). Очевидна общность прообраза узора чехла и орнамента платья Исиды на рисунке 5.16. Символ Сириуса-Сотис-Исиды изображён на срезе дышла колесницы царя Тутанхамона (рис. 5.65). Сходство с ним можно обнаружить в рисунке народа догонов в африканской стране Мали, представляющем то же астрономическое и сакральное событие: гелиакический восход Сириуса (рис. 5.66).

Астрономическое и охранительное интеллектуальное содержание скрывается за ещё одним узором, вывязываемом на циндайби. Вывязывается он самыми умелыми мастерицами, как правило, для самых близких. Один из тех, кого любят, доверительно показал изысканных чёрных скорпионов (*мокьору*) на сочно окрашенном зелёном поле искусной, тонкой, плотной и ровной вязки. В Сагаде отлично понимают, что ядовитое жало в хвосте не заменяет отсутствия мозга в голове. В Древнем Египте фигурка скорпиона венчает голову богини-охранительницы Серкет (рис. 5.67), почитавшейся повсеместно, но особенно – в Низовье Египта, в Дельте.

Посетителям планетариев поясняют, что многие созвездия своими древними названиями, так или иначе, сочетаются с природными явлениями, характерными для времени года, когда их можно наблюдать. С появлением из-за горизонта «бикфордова шнура» ярких светил Скорпиона в Египте из южных пустынь начинал дуть горячий апрельский ветер хамсин. Метафорически образ скорпиона может работать в статусе понятия о поражающих факторах, но есть и другое обращение. Свежая красота созвездия позволяет соотнести небесный образ и символ египетской богини-охранительницы Серкет (рис. 5.67) с рядом таких ярких человеческих чувств, как окрыляющая радость открытия, восхищение красотой, удо-

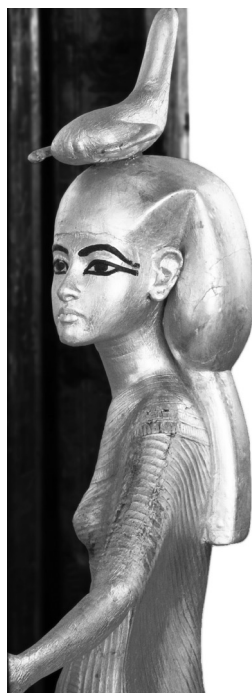

Рис. 5.67. Скульптурное изображение богини поражающих факторов Серкет в гробнице царя Тутанхамона. Египетский музей. Каир.

¹¹³ В эфиопском языке звукосочетание **br** несет значения «сиять, сверкать».

влетворение от хорошо выполненной работы, свет избавления от уз неволи, недуга или неведения: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги» (Быт. 3:7)... Восход группы звёзд Скорпиона следует за исчезновением за горизонтом созвездия Осириса Сах (Орион). В рассказе о Хасибе и царице змей из «1001 ночи» скорпион падает на Хасибу, открывая ему существование пути к спасению.

Этнографическими формами учёта и кодирования сведений о культурном наследственном веществе, формами построения и хранения знаний о нём являются также песни, сказки, загадки и притчи. В Сагаде бытуют легенды и были яркие, глубокие, драматичные и комичные, заслуживающие роскошных изданий, фильмов, пристального внимания философов. Приведём два образца жанра, напоминающие скоморошьи потешки и повествования о похождениях муллы Насреддина. Рассказывают обе побывальщины о взаимоотношениях жителей Уотля, на месте которого стоит Сагада, с их ближайшими соседями. Соседями были жители селения с названием Харй-коло¹¹⁴, ныне не существующего. Расстояние между селениями Уотль и Хари-коло по прямой было примерно таким, как между деревнями Тугилово и Прилучино в повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка». Подобие наблюдалось и в климате отношений.

Жители Хари-коло любили превозноситься своей крепкой физической силой, а уотлинцам очень приглянулась щедрая соседская земля. Для того чтобы силу испытать, уотлинцы предложили харийцам остановить лавину. Те согласились, и уотлинцы спустили лавину на соседей в лавинный день. Вторая история – рассказ о том, как поредевшие числом после схода на них лавины харийцы вместе с уотлинцами уничтожали общими силами комаров. Харийцы служили приманкой для комаров, причём севшего на лоб комара хариец позволял убить из ружья. В итоге уразумевшие корыстную суть происходящего остатки харийцев сожгли Уотль, а сами стали насельниками Хунзахского района. На место Уотля и пришли основатели четырех сагадинских родов: Гибó, Ватú, Жакú и Ширквалá. Комаров в Сагаде нет.

Приведённые побасенки-предания в самом простом своём значении – бытописания о незадачливых предшественниках. В смысловом разряде другом они – меры образной системы счисления. Опустошительные отношения селений Уотль и Хари-коло – тоже модель. Модель эволюционно бесплодных реалий, всегда существующих при неразвитых голове и этических отношениях в сообществе. Подтекст побасенок касается внешних факторов и внутренних условий, обуславливающих их действие. Побасенки можно рассматривать как доказательство через противоречие теоремы. Теоремы о сохранении земли от расстройств. О необходимых для этого миротворческих активах: симбиозе первоначального духовного, соприродной прекрасному души и крепкого вещественного, телесного.

Отношение к этим первичным условиям жизни и эволюции дублируется в Сагаде отношением к институту шейхов. Смысл, стоящий за названием «шейх» в Дагестане, достаточно точно объясняется старинным образом флигельмана, солдата, показывающего другим воинские приёмы. Могилы шейхов (цезск. шейх), и после смерти – действующих офицеров ордена суфиев, окружены в Дагестане глубочайшим почтением.

¹¹⁴ Коло – аварское название хутора, села.

Скажем несколько слов о месте упокоения самих умерших сагадинцев. Форма их последнего пристанища образуется в земле вертикально поставленными каменными плитами. Тело человека укладывается между ними лицом на юг. Такова же форма египетского футляра для тела в экспозиции Египетского зала Государственного Эрмитажа (рис. 5.68).

*Видишь, сердце моё убежало тайком
И помчалось к знакомому месту.
Заспешило на юг, чтобы увидеть Мемфис.
О, когда бы мне силы хватило сидеть,
Дождиаясь его возвращенья, чтобы сердце
Рассказало, что слышно у Белой стены!
Я беспомощен, всё выпадает из рук,
Потому что нет сердца на месте обычном.
Приходи ко мне, Пта, и в Мемфис отнеси.
Неотрывно дозволю тебе глядеть на тебя.*¹¹⁵

Рис. 5.68. Небанх египтянки Ит. Дерево. XX век до н.э. Государственный Эрмитаж.

сагадинских примерах абстрактная категория «Добро» решает вполне конкретные задачи крепости пряжи повседневной жизни. Очевидно также, что изменение понимания меры «Добро» в категориальном аппарате субъекта познания тождественно изменению в мироощущении и в судьбе сообщества, в судьбе субъекта исторического действия.

Шумерская аллегория смешения языка, подобная египетской аллегории исчезновения воды в русле Нила, подмене грамоты с царским указом в суме гонца сказки о царе Салтане или подмене марки стали ствола автомата М.Т. Калашникова, после чего прославленного безотказностью и мощью оружия хватит на две-три очереди, показывает, что быстрее всего задача поражения культурного наследственного вещества и силы стратегического комплекса «сах» решается

¹¹⁵ Поэзия Древнего Египта. В переводах Анны Ахматовой и Веры Потаповой. Тоска по Мемфису. Пта в стихотворении – Птах (рис. 4.12, 5.41). Библиотека всемирной литературы. Поэзия и проза Древнего Востока. М. 1973.

разрушением границ понятий. Испытанным поражающим фактором, создающим патологическое кольцо, надёжно служат сфабрикованные иллюзии, обман.

*Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном¹¹⁶.*

Рис. 5.69. Бюст царя XII династии Аменемхета III. 1844 ... 1797 годы до н.э. Ок. 1810 года до н.э. Частное собрание. Швейцария.

Не так податлив этнотип, оберегаемый кровнородственными браками. Герои нашего рассказа узнают свой этнотип в скульптурных портретах царей эпохи, о которой упоминает Геродот (рис. 5.26; 5.27; 5.47). Читателям оставим делать вывод о нём, сопоставив портретное изображение царя XII династии Среднего царства Аменемхета III (рис. 5.69) и нашей хозяйки Аминат (рис. 5.70). Смысловая опора того и другого имени – Амон, олицетворяющий представление обо всём объемлемом мыслью благо.

Попрощаемся с укрытой горами Сагадой (рис. 5.18), с нашими заботливыми и щедрыми хозяевами Ахмедом и Аминат. Название селения Сагада нам хочется свя-

зать не с аварским словом «сали» со значением «песок», а со старинным татарским существительным «сагадэт», «счастье», «благоденствие». Кто вы, уроженцы и жители Сагады, Ахмед, Аминат, Могомед, Рукият, Али, Омар, Муслимат, Магомедрасул, Курбан, Абдурахман, Хава, Анвар, Заурбег, Камиль, Муталим, Рамазан, Сиядат, Абубакар, Гаджимагомед, Чакар, Халимат, Мадина, Луиза, Марьям, Зейнаб, Хабиб, Хасан, Узлипат, Патимат, Сабрият, Шамсият... Потомки ли, предшественники ли лидеров Древнего мира, великих цивилизаций Шумера и Египта?

В составе главы нам осталось исследовать созвездие, отвечающее числу «Четыре» и отношениям порядка. Отношения порядка в Древнем Египте назывались водой избытия. Китайская *четвёртая* триграмма «кань» (погружение) в реестре восьми первооснов мира соответствует образу воды и свойству опасности. Малоприметное созвездие «Рак», поставленное в соответствие числу «Четыре» и его предметной области отношений порядка, – свидетельство задачи «водоподготовки», решавшейся древней мыслью. В славянской азбуке числу «Четыре» и «водоподготовительной» ячейке «Рака» отвечает буква с имясловом «Добро».

Поговорим об особенностях десятиной полуамфибии, которые не могли не иметься в виду создателями последовательности знаков Зодиака при подбо-

¹¹⁶ Пётр Павлович Ершов (1815 ... 1869). *Конёк-горбунок*.

ре уместной фигуры – учётной формы знания о системном регуляторе, по природе космогоническом. Наружный скелет, неподвижный панцирь рака, – аллегория экзогенетической природы охраняющих жизнь отношений порядка. «Рак» – созвездие-оператор, своим панцирем похожий на число-идею Платона, охватывающую всю полноту бытия. Панцирю рака подобен доспех языка и класса истин, внешний по отношению к пребывающему. Сигнал десятиногости образа четвертого зодиакального знака указывает на связь предметных областей, выраженных числами «Четыре» и «Десять». Связь созвездия с древним титулом Бога «Десница» обнаруживается факториалом четвёрки: $1+2+3+4=10$. О переоформлении выражения упорядоченности нормальном чином мыслительного процесса, о почитании голоса сердца как гласа Бога напоминает и знак 4 числа «Четыре», переводящий вертикаль в горизонталь¹¹⁷.

Рис. 5.70. Царица горского дома Аминат. Значение понятия «аманат» в исламской теологии – завет. Сагада. 2008 год.

Речной рак очень чуток к чистоте воды и содержанию в ней кислорода. Его активной фильтрацией через жабры непрерывным движением брюшных ножек и челюстных придатков поддерживается жизнь десятиногого. Эта особенность тоже может рассматриваться как аллегория. Аллегория причинной обусловленности непрерывной работой ума исторического процесса и судьбы человечества. «Разруха начинается в головах» – видоизменение М.А. Булгаковым этой причинно-следственной связи.

Способность рака двигаться вперёд и назад и обусловленное ею название рака дали имя «палиндром» словам и конструкциям из них, одинаково произносимым независимо от направления чтения. Этот вид инвариантности, постоянства, используется в четырёхбуквенном имени Анна родительницы Богоматери для указания на независимость качеств личности от обстоятельств¹¹⁸.

*Прямота не защита пред холодом или пред жаром,
Но прямой не сгорает в аду, в этом пламени яром.*

¹¹⁷ Переоформление с сохранением разнovidными образами одной семантики сродни как математическому приёму замены вида переменной для ускорения сходимости ряда, так и кодированию. Вид и масштаб, разряд дидактических единиц в выражении философской мысли меняет А.С. Пушкин, переводя отношения романа «Евгений Онегин» в отношении «Сказки о царе Салтане, о Сыне его, славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне-Лебеди». По отношению к медному кованому браслету, ассоциирующемуся с оястьем Адама и с созвездием Осириса, кодами жизненных функций, браслетом отображаемых, являются нарицания его твердью и небом.

¹¹⁸ Слабая зависимость гладких функций от аргумента характерна и для окрестностей точек экстремума, будь то минимум или максимум. Поэтому идеология лукаво сфабрикованной байки о лягушке, попавшей в кринку с молоком и спасшейся благодаря аргументу интенсивной работы лапками, не имеет математического основания.

*Если будешь кривить – будешь роком подавлен ты злым.
Беспечален ты будешь, покуда ты будешь прямым.*¹¹⁹

Та же независимость уже упомянута в корейской сказке «Материнская любовь» и в рассказе об испытании на толерантность пророка Ибрахима.

Принцип палиндрома позволяет воссоздать имя дочери праведной Анны, которое всех точнее произносят финны. Для Мирим, матери Христа, пророка Исы в Коране, характерна уже свобода перехода границы качественной определённости между странами небес и земли, между мирами горным и дольным. Обретение Богоматерью Мирим этого свойства напоминает о смене раком панциря по мере его роста. Заметим подобия имени Анна матери – имени шумерского старейшины богов Ана, а имени Мирим дочери – смысловой основе Ир имени Ир-та египетского додинастического создателя организма жизни. Имя отца Мирим – Иоаким. Оно возвращает нас к полозу по имени **Кем-Атеф**, бывшему прежде всего отцу Ир-та. В Коране имя отца Мирим – Иман. Пара МР имени – корень названия Меру горы индуизма, по которой пролегает путь в царство Индры и обратно.

Свойство деликатеса укрываться под камнями напоминает о таком же свойстве смысла укрываться за корнесловом. Оракул смыслового ядра, и скрываемый, и обнаруживаемый корнесловом РК, помогает удостовериться, что «Рак» интегрировал в себе представления о ячейке, «водоподготовительной» для событий. Смысловое ядро, скрытое за корнесловом РК, отчасти обнаружили цезские слова, от него производные. Мозаика слов сложились в навигационные знаки, аспектами единого ведущие человека к совершенству. На задачу настройки, на путь благого изменения состояния сознания указали также гравировка браслета `а́кка (рис. 5.37, 5.39), форма рокуры (рис. 5.38). Дополним сюжетный ряд и символику, связанные со словопроизводным гнездом и смысловым ядром РК.

В Древнем Египте смысловое ядро, обозначенное произведением РК, отображается происходящей от него лексической единицей, обозначающей наполнение водой русла тайного Нила во время событий плавания ночной Ладьи Ра в его *четвёртом* часу и в *четвёртой* долине царства Дуат. В исповедальном оракуле Древней Греции египетскую и шумерскую идеограмму наполнения водой фарватера видоизменили в сюжет плавания за золотым руном корабля «Арго». В переводе со староанглийского слово «Argk», однокоренное с «Арго» и «Рак», – «ковчег». В одном из вариантов мифа «Арго» десятивёселен (4!=10). Обработка сигнала аллегории «ковчег» в главе о числе «Три» ясно показала отображение ею природы разума. Идею, концепцию восстановления, исцеления, можно выразить не только наполнением водой опустевшего фарватера, заполучением золотого руна. Её же несёт арабское слово «ракаа», обозначая наложение заплатки на одежду, быструю ходьбу и попадание в цель стрелой. Вспомним в связи с последним значением и протезу «*Висмиллах ар Рахман, ар Рахим!*» (*Во имя Аллаха, Всемилостивого, Милосердного!*).

Заметим, что «внешняя», «наружная» обуславливающая фигура троянской войны прекрасная Елена – аргивянка. Заставная пара согласных принадлежности

¹¹⁹ Низами Гянджеви. *Сокровищница тайн. Речь четырнадцатая – порицание беспечности.*

«аргивянка», указанная «Илиадой», имеющей священный статус, делает Елену элементом регулятивного множества, характеристическое свойство которого обозначают пара РК и зодиакальный «Рак». Но счастья Трое Елена (татарск. существительное «елан» – змея) не приносит.

То, в чём нет справедливости, твой не умножит доход.

К причинной платформе, обозначаемой произведением РК, примыкают название «симург» птицы герба России, имя и образ Рухх птицы из сказки о Синдбаде-мореходе и имяслов «Рцы» буквы Р церковнославянской азбуки. Симург в поэме Низами – птица справедливости, разом делающая всё нужное царству и обитающая на горах Каф¹²⁰. Огромная птица Рухх, несущая прикрепившегося чалмой к её ноге Синдабада – повелительница джинна светильника Аладдина. Рухх являет тот же потенциал утверждения, что Обь. Имяслов «Рцы», соединённый с Иисусовым братством различающих жребии и Божью волю, – смысловое ядро слов «прорицание», «пророк», «обрекать». Смыслонесущая пара наименования «Рак» несёт службу в слове «барака», обозначающем дар силы внимания, и в названии «ишрак» (арабск. сияние, блеск) учения о свете истины, сияющем «лучей солнечных». «Аркан ад-дин» – наименование «правила» веры в исламе: обязательных исповедальной формулы, молитвы, поста, милостыни и обусловлено обязательного хаджа. Вероятна связь с «Ark» и с «аркан ад-дин» названия «Аркаим» округлого, как зодиакальный Рак, городища (рис. 1.2) на Южном Урале.

Изобразительная форма созвездия «Рак» на потолке очистительной часовни храма Хатхор в Дендера (рис. 5.52, 5.71) мало напоминает рака речного. Общие признаки – лишь панцирь да десять конечностей. Такие особенности указывают, как правило, на «двойное дно» образа. Так об отношениях подобия зодиакального Рака Дендеры и «клешни» браслета `акка из древнего захоронения в Сагаде заставляет думать свойство их симметрии. Вершин у ножек зодиакальной фигуры и у треугольников браслета по три. Расположены те и другие по пять вдоль зеркально симметричных дуг в сторону выпуклости¹²¹. Совпадают черепаший овал панциря «Рака» и овал формы браслета (рис. 5.37). Перечисленные общие признаки вызывают мысль о знакомом приёме переоформления, сохраняющего семантическую однокачественность, математическую неразличимость в отношении четвёртого знака Зодиака и браслета.

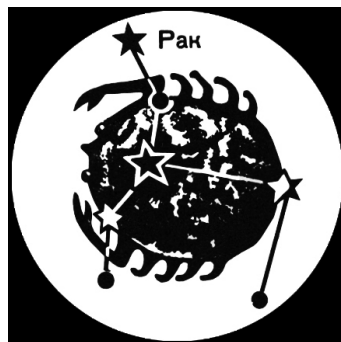

Рис. 5.71. Созвездие «Рак» и его отображение на Зодиаке из очистительной часовни храма Хатхор в Дендера, столице VI верхнеегипетского нома (рис. 5.52).

¹²⁰ Каф – буква арабского алфавита с числовым эквивалентом 100.

¹²¹ Отчётливо различается также изоморфизм с симметрией элементов объектов астрономического и археологического – двух ветхозаветных скрижалей с пятью заповедями в каждой. Закруглённые сверху типовые изображения скрижалей повторяют форму знака египетского написания числа «Десять» – П.

О передаче обеими формами одного скрытого смысла, касающегося правления страной и мыслью:

*Немногих избранных синклит
Зародыш творчества растит,
Руководимый к высшим целям...*¹²²

Несуразица черепашьего панциря на раке Зодиака Дендеры хорошо совмещается с восприятием другими поведения этих людей и со значением «нелепый» арабского слова «ракуа», созвучного с русским названием «Рак» четвёртого созвездия Зодиака. Одной буквой от «ракуа» отличается название «ракиа» кованого браслета.

Во время формирования Зодиака дружественным Аллаху корпусом «нелепо» заботящихся о взаимопонимании и общей пользе, межой небесных наделов знаков третьего, «Близнецов», и четвёртого, «Рака», было летнее солнцестояние. Оба знака принадлежали этой демаркационной точке, каждый со своей стороны. Подобна принадлежность глины и горшка из неё гончару. Подобный же признак присущ четвёртому дню творения из онтологии Мусы. День сопрягает растительную фазу жизни и фазу обладания локализованным мозгом. Моря житейское и метафизическое смыкают собою накш и другие игрушки Муз. Они таят исповедальные сведения о фундаментальных закономерностях, настраивающие процессы, совечные замыслу о человечестве. Выстроенные в учебных пособиях Муз наилучшим и устойчивым образом, аналитические и методические данные подобны тихому и согласному звучанию дивного хора небесных светил четвёртого дня творения, карте острова сокровищ, равно как и защитному панцирю четвёртого зодиакального образа.

Вернёмся к тому, что «Рак» интегрировал в себе представления о задаче и ячейке, «водоподготовительной» для пространства текущих событий. Их значение отражено, во-первых, феноменом полной силы Солнца при воцарении созвездия «Рак». С астрономическим явлением летнего солнцестояния аллегорически сопрягаются философские учения о сияющем свете истины. Во-вторых, пониманию области определения и области значений функции, кодированной предельным образом созвездия, верно служит оракул смыслового ядра названия, обнаруживаемый корнесловом РК. К свидетельству «в-третьих» отнесём подобие развёртки и овала сагадинского браслета формам созвездий «Близнецы» и «Рак», примыкающих к «верстовому столбу» летнего солнцестояния. Присоединим к перечисленному в учении о сбережении земли от расстройства, об институте постановки стопы в танце жизни, четвёртую триграмму «кань» (погружение) в китайском реестре восьми первооснов мира с её образом воды и свойством опасности. В искусстве в качестве аллегии опасности для субъекта познания, в том числе для субъекта, призванного к историческому действию, используется образ вонзившейся в стопу занозы. Великий бог Пан, вынимающий занозу из стопы сатира (*сатья, санскр. – истинный, реальный, истина*), представлен мраморной римской копией группы III века до н.э. в Государственном Эрмитаже (рис. 5.72).

¹²² А.Н. Майков. Дух времени.

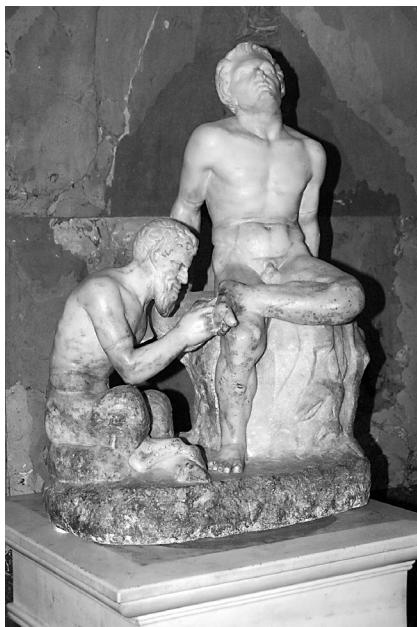

Рис. 5.72. Пан, вынимающий занозу из стопы Сатира. Римская копия группы III века до н.э. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

Пример крайней опасности внутренней – поражающий фактор перерождения тканей организма. Он заставляет очень быстро таять жизненные силы. Если же перерождение срывает слово, ослепляет мысль, обесмысливает мотив, заставляет забыть своё прошлое, то оно рассеивает как дым, созданное веками жизни субъекта исторического действия. Название заболевания, сопровождающегося перерождением тканей, – рак.

Ранг отобразённой созвездием «Рак» задачи, связанной с отношениями порядка, с «водой изобилия», выше отношений исправного механического функционирования, достигаемых, например, стендовой отработкой узлов и агрегатов летательного аппарата. В техносфере зодиакальному образу соответствует уровень телеметрии, уровень системы управления взаимосвязанными подсистемами стратегического комплекса, напоминающий о работе нейронов в слаженном взаимодействии анатомических областей. Пониманию отобразённых созвездием задач отчасти

помогает практическое совпадение латинского названия рака «cancer» и слова «концерт». Образцом действия отношений порядка является концертное звучание оркестра. Звучание, обеспечивающее канон «сходимости ряда» в переживании исполнителей и слушателей. О подобной окрыляющей, консолидирующей или погружающей в размышления движущей силе упоминалось в замечании о существительном «мөң» татарской речи и в параграфе о египетском понятии и побудительном мотиве «хену́». Частью веры сунна называет любовь к родине, входившей у египтян в состав понятия «хену»¹²³.

Закончим главу о числе «Четыре» рассмотрением модификаций знака числа. Один из «евразийских» знаков числа «Четыре» совпадает с фрагментом свастики и с буквой Ч с именем «Червь»¹²⁴. Изображение буквы русским художником (рис. 5.73), за которым угадывается как прообраз верховный знак созвездия «Орион», прообразовавший и знак римской цифры X, возвращает нас к взаимосвязи чисел «Четыре» и «Десять» через факториал четвёрки ($1+2+3+4=10$). Название «червь» в русской речи применимо по отношению к змею, полозу, ящерицу. В частности, к сиятельным Кем-Атефу, Ир-та, Гелиосу (Хорсу) и к скрывающемуся в кроне дуба стражу золотого руна. В одном из преданий Древнего

¹²³ В славянском корнеслове смысл движущей силы передаёт произведение «һп». Значение «двигаю» имеет богемский глагол «һпи». Сравни «пнуть».

¹²⁴ Числовой эквивалент буквы Ч с именем «Червь» – 90.

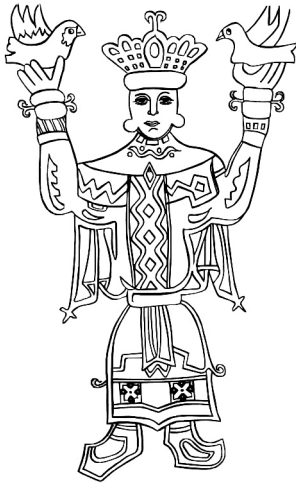

Рис. 5.73. Заставная буквица Ч с имясловом «Червь» в исполнении рязанского художника XVI века. Буква повторяет форму бокальчика на новгородских берестяных грамотах XII века. Мастер узора и анализа совмещает в венценосной особе формообразующие линии фигур речного рака и созвездия Осириса «Орион» (Сах, рис. 5.33). Отблеском его всезрящего взора Низами называет Адама.

Это – взора всезрящего отблеск; исполнен он света;

Это – птица с ветвей, что над миром раскинулись где-то.
Птиц небесных привлёк он к своим поучений зерну.

И глядят они вниз, постигая всю их глубину.

Египта о конце дней живыми остаются лишь пресуществившиеся в ползозов боги Амон и Осирис. «Червленица» – канонический эпитет Богоматери. Багрянокрыл и червлёноязык чёрный змей Зилант герба Казани – образ духовного достояния и традиций народа, пришедших из глубины веков. Если в письме славянском одна из форм знака числа «Четыре» совпадает с буквой с имясловом «Червь», то в арабской графике сам знак «четвёрки» ломается по длине, подобно змее (٤). С названием змея (нахаш) совмещается название такой формы прославления Всевышнего, такого упорядочивающего действующего начала, как накш. В истории суры 20 «Tā hā» Корана в змея пресуществляется посох Мусы (айаты 18 ... 21). Для того же, чтобы убедиться, что «оптический» сигнал буквы «Червь» напоминает о речном раке достаточно приподнять за панцирь десятиногого жителя чистых пресных речных и озёрных вод.

«Чёрвень» – сохранённое украинским языком славянское название июня¹²⁵. Лучезарный месяц червень замечателен не только зелёным пламенем жизни лесов и нив, уже чреватых плодами, не только точкой летнего солнцестояния, но и связью своего названия и сил природы с перечисленным пантеоном. Древние названия месяцев, как и имяслова славянских букв, – выразительные формы, вехи достоверной истории, создающие образ страны. Они имеют первородно высокую художественную и документальную содержательную ценность. Художественно осмысленному поэтическому пейзажу принадлежат также тональный синонимический ряд «червонный» – «красный» – «красивый» и красивый накш (нахаш, змей, червь), стерегущий золотое руно, конституцию наследственного культурного вещества.

Обратимся к упомянутой ранее форме знака «четвёрки»: 4. Заметим, что она получается и небольшим неодинаковым продолжением сторон треугольника на браслете в сторону формирования фигуры, подобной «восьмёрке». Повторим, что форма 4 знака числа «Четыре» ассоциируется с сетью связанных преобразований выразительных форм содержательного аспекта отношений порядка. В качестве таких форм работают религия и «державная правда», соединяющие человека с

¹²⁵ Соимённая июню римлянка Юнона – богиня-покровительница плодородия, женщин и брака.

задачей человечества. Граф 4 «четвёрки» иллюстрируется также портретом связанного преобразования в строчках стихотворения А.Н. Майкова «Летний дождь»:

*«Золото, золото падает с неба» –
дети кричат и бегут за дождём...
– Полноте, дети, его мы сберём,
Только сберём золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба.*

Наименование числа «Четыре» пересекается не только с «чатыр» (тюркск. ша-тёр), «чати» (визирь Египта), «Чатхан» (наименование эпоса Хакасии), «читить» и «учёт». От лексической единицы «чит» санскрита со значениями «воспринимать», «замечать» производно название «читта» понятия древнеиндийской теории познания и психологии, поднимающего человеческие веки на сущность его дней, на небесный чертёж дхармы, на значение образа и факта... «Читта», побудительные мотивы, производные от цели человечества, правя мыслью, обуславливают поведенческие процессы и их результаты¹²⁶. Движущая сила этой энергии, как уже было сказано, зависит от техники воздействия (источник сигнала) и от свойств мыслительной среды, от проблемной открытости, от восприимчивости сознания (приёмник сигнала).

*Тот, кто с разумом ясным был призван Творцом к бытию,
Тот по мере своей ткёт одежду свою.¹²⁷*

Конец главы пятой.

¹²⁶ Шива источает по отношению к объектам мира чистое сознание (чит), волю (иччха) и творческую силу (крия).

¹²⁷ Низами Гянджеви. Сокровищница тайн.

Содержание 5-го выпуска

Конфуций и другие

Стр. 3–15. **Разговор о гуманизме и пустом чердаке.** Профессор конфуциеведения и редактор пытаются объяснить друг другу свое отношение к слову «гуманизм».

Стр. 16–33. **Изречения Конфуция.** Главы 17-20. Последние главы конфуцианского евангелия.

Уваров и другие

Стр. 34–39. **Продвигается ли вперед историческая достоверность.** Записка, предложенная Императорской Академии Наук президентом ее, графом С.С. Уваровым.

Стр. 40-53. **Дело Гоголя, или рассуждение о ссоре Пушкина с Уваровым.** Издатель указывает на причины, по которым Александр Сергеевич рассердился на Сергея Семёновича.

Стр. 54–92. **Дело Жобара.** Любопытная подборка. Может служить учебным пособием для студентов 1-го курса психологического факультета.

Родословная чисел

Стр. 93-191. **Трактат А.Л. Неучева.** Продолжение разговора о таинственном происхождении чисел.

Подписано в печать «13» января 2012 г.
Формат 50x70 1/8. Печать офсетная. Заказ № 106. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Глагол», г. Набережные Челны.
Верстка и допечатная подготовка: Ю.И. Калясев.
Обработка иллюстраций: А.С. Айбарцева.